

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 4

Киров
2016

Главный редактор

В. Н. Пугач, кандидат экономических наук, ректор ВятГУ

Заместители главного редактора

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор ВятГУ, советник ректора ВятГУ

С. Г. Литвинец, кандидат сельскохозяйственных наук, проректор по науке и инновациям ВятГУ

Л. В. Калинина, доктор филологических наук, доцент, ВятГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

Н. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет им. Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГУ (г. Киров);

М. С. Судовиков, доктор исторических наук, доцент (г. Киров);

С. В. Чернова, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36,
тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Корректор **Т. Н. Котельникова**

Компьютерная верстка: **К. А. Ашихмина**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Ответственный за выпуск **А. А. Харунжев** (кандидат педагогических наук, доцент)

Редактор выпускающий **М. А. Харунжева** (кандидат философских наук)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)

ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Ханчаев И. А.</i> К вопросу о проблеме идеального.....	5
<i>Байбородов А. Ю.</i> Коэкзистенциальное общение: к вопросу об определении понятия.....	9
<i>Павловский А. И., Павловская О. В.</i> Средневековая европейская культура: направленность на освоение материального мира.....	13
<i>Ермолина Л. А.</i> Культура как сингулярность: сжатие и развертывание смыслов.....	16
<i>Задворнов А. Н.</i> Муки рождения человеческого разума: от стада к обществу	20
<i>Михайлова Н. В.</i> Системно-методологический подход к проблеме обоснования математики.....	24

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Суслов А. Ю.</i> Социалисты-революционеры в эмиграции о проблемах партийной истории (1920–30-е гг.).....	29
<i>Емельянов Е. П.</i> Деятельность Н. В. Устюгова в годы Великой Отечественной войны	34
<i>Левченко М. В.</i> Возникновение малой коалиции в Западной Германии в 1949 г. Поиск новых форм сотрудничества между консерваторами и либералами.....	41
<i>Макеева Е. Д.</i> Организация работы министерств и ведомств РСФСР в сфере охраны природы в 1950–1970-е гг.....	45

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Воронушкина О. В.</i> Аллегория и символ как средства актуализации скрытых смыслов	51
<i>Сулова С. С., Зайцева Ю. В.</i> Концепт <i>мир</i> в английской языковой картине мира.....	58
<i>Егорова О. Н.</i> Лингвоспецифика исторического романа	63
<i>Мамедова Э. Г.-к.</i> Ретроспективный подход к изучению прилагательного как компонент словосочетания в азербайджанском языке	67
<i>Шагдарова Д. Л.</i> Гиперо-гипонимическая парадигма и сложносоставные слова в разноструктурных языках.....	72
<i>Урманчеева И. С.</i> Лексическое варьирование печорских фразеологизмов в сопоставлении с общерусскими.....	75
<i>Шушпанова М. А.</i> Ирония в неовикторианском романе А. С. Байетт «Обладать».....	82
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	90
INFORMATION ABOUT AUTHORS	92

CONTENTS

- Hapchaev I. A.* To the problem of the ideal
- Baiborodov A. Y.* Coexistential intercourse: to the issue of definition of the notion
- Pavlovskii A. I., Pavlovskaja O. V.* Medieval european culture: the focus on the development of the material world
- Ermolina L. A.* Culture as a singularity: the compression and the deployment of meanings
- Zadvornov A. N.* Birth pains of the human mind: from herd to society
- Michailova N. V.* System and methodological approach to the problem of substantiation of mathematics
- Suslov A. Y.* Social-revolutionary emigration about the problems of the party history (1920–1930)
- Emelyanov E. P. N. V.* Ustjugov's activities during the Great Patriotic war
- Lewchenko M. W.* Occurrence of the small coalition in the Western Germany in 1949. Search of new forms of cooperation between conservatives and liberals
- Makeeva E. D.* Organization of work of the ministries and departments of the RSFSR in the field of nature protection in the 1950s and 1970s.
- Olesya V. V.* Allegory and symbol as ways of hidden meanings actualization
- Suslova S. S., Zaitseva Y. V.* Concept peace in English linguistic picture of the world.
- Egorova O. N.* Linguistic Specifics of the Historical Novel
- Elmira Mammadova Galasy kyzy.* The retrospective approach to the study of the adjective as a phrase component in the Azerbaijani language
- Shagdarova D. L.* Hyper-hyponymic paradigm and compound words in multi-structural languages
- Urmancheeva I. S.* Lexical variation of Pechora idioms comparing to all-Russian ones
- Shushpanova M. A.* The irony in A. S. Byatt's neo-victorian novel «Possession»

К вопросу о проблеме идеального

Статья посвящена исследованию проблемы идеального, выявлению связи этого феномена с физиологическими процессами мозга. Осуществляется анализ точек зрения ряда авторов к проблеме идеального, акцент делается на информационный подход к психофизиологической проблеме, раскрывается роль данного подхода для понимания идеального на современном этапе. Феномен идеального, его взаимосвязь с материальными процессами мозга рассматриваются в контексте виртуальной реальности.

The article researches the problem of the ideal, revealing the connection between this phenomenon and the physiological processes of the brain. It carries out the analysis several authors' points of view to the problem of the ideal, it focuses on the information approach to psychophysiological problem, it explores the role of this approach for the understanding of the ideal at the present stage. The phenomenon of the ideal, its connection with the material processes of the brain is considered in the context of virtual reality.

Ключевые слова: идеальное, информация, нейродинамический код, мозг, психофизиологическая проблема, виртуальная реальность.

Keywords: the ideal, information, neurodynamic code, brain, psychophysiological problem, virtual reality.

В истории философской мысли видное место занимает проблема идеального, различные решения которой связаны с крупнейшими мыслителями прошлого. Хотя данная проблема зародилась в античный период, но по проблеме идеального еще и сейчас идут острые дискуссии. Особое место в споре по проблеме идеального в философской литературе занимают концепции Э. В. Ильенкова и Д. И. Дубровского. Стимулом для начала дискуссии послужила статья Э. В. Ильенкова «Идеальное» [1].

Данная статья перевернула наличествующие до этого времени концепции, касающиеся таких фундаментальных категорий философии, как «идеальное», «материальное», «объективное» и «субъективное». Это было обусловлено тем, что, с точки зрения Э. В. Ильенкова, идеальное может существовать «вне головы и вне сознания людей, как независимая от их воли действительность» [2].

Говоря об идеальном, Э. В. Ильенков пишет: «Идеальное – это субъективный образ объективной реальности, т. е. отражение внешнего мира в формах деятельности человека, в формах его сознания и воли. Идеальное есть не индивидуально-психологический, тем более не физиологический факт, а факт общественно-исторический, продукт и форма духовного производства. Идеальное осуществляется в многообразных формах общественного сознания и воли человека как субъекта общественного производства материальной и духовной жизни» [3].

При этом идеальный феномен, считает Э. В. Ильенков, подлежит овеществлению, опредмечиванию или духовной объективации в практической деятельности. Однако оно качественно отличается от практики, ибо идеальное не содержит ни грамма материального от того объекта, который будет создаваться. Поэтому, с точки зрения Э. В. Ильенкова, идеальное наличествует лишь в деятельности, на основе которой создается ранее не существующая в природе вещь. В этой созданной вещи удовлетворяется потребность социума и в то же время, как только деятельность исчезает, овеществившись в созданном предмете, прекращает свое существование и идеальное.

По мнению Э. В. Ильенкова, исторически общественное сознание – это сформировавшаяся и изменяющаяся система самостоятельных от сознания индивида форм и схем «объективного духа», «коллективного разума» социума. Индивид, только подключившись к формам социальной жизнедеятельности, находит идеальное.

Близкую Э. В. Ильенкову точку зрения развивают Э. Г. Классен, А. Н. Леонтьев и др. Так, например, придерживаясь идей Э. В. Ильенкова, Э. Г. Классен пишет: «Идеальное – реальность (объективно-существующая) отличается как от материального, так и от сознания» [4].

Другие исследователи, наоборот, подвергают критике ученых, выносящих идеальное за пределы мозга, и предлагают ограничивать идеальное психическими процессами человека, «субъективной реальностью».

Не отрицая ценности системы взглядов Э. В. Ильенкова на проблему идеального и в то же время подвергая критическому анализу ряд его идей, концепцию идеального как лишь субъективной реальности с позиции информационного подхода наиболее полно разработал Д. И. Дубровский. Следует отметить, что позицию Д. И. Дубровского разделяют такие ученые, как В. Н. Сагатовский, И. С. Нарский и др. Связывая проблему идеального с психофизиологической проблемой и рассматривая идеальное как субъективную реальность, он считает, что общественное сознание играет подчиненную роль, наличествует лишь в деятельности личности. Поэтому Д. И. Дубровский пишет: «Категория идеального охватывает весь круг явлений субъективной реальности» [5].

По мнению Д. И. Дубровского, идеальное нельзя выносить за пределы мозга, ибо оно ограничено лишь «субъективной реальностью» [6].

Субъективная реальность, как справедливо отмечает Д. И. Дубровский, есть информация, которая воплощена в нейродинамическом коде, ибо без этого идеальное не может существовать. «Будучи информацией, – пишет Д. И. Дубровский, – всякое явление сознания (субъективной реальности) необходимо воплощено в своем материальном носителе» [7].

При этом информация автономна от определенных физико-химических свойств кода. По мнению Д. И. Дубровского, информация инвариантна по отношению к физико-химическим свойствам кода, а поэтому именно субъективная реальность, т. е. информация, оказывает причинное воздействие на физиологическое и управляет деятельностью человека [8].

Согласно ученому идеальное причинение в ходе трансляции, перекодирования информации сохраняется благодаря принципу инвариантности. В соответствии с принципом инвариантности одна и та же информация может транслироваться на основе разных носителей. Однако эти носители информации не определяют телесные изменения в организме. Запуск и реализация телесных изменений могут варьировать в широких рамках. Указанная вариативность исключает возможность чисто физического исполнения функции информационной причинности, хотя данное причинение осуществляется с помощью носителей информации. Но не эти носители, а их содержание и ценность, т. е. идеальная информация, определяют деятельность субъекта.

При этом, по мнению ученого, ошибочно рассматривать идеальное как нечто внеличностное отношение, осуществляемое вне мозга в общественной реальности. Необоснованными Д. И. Дубровский считает идеи Э. В. Ильенкова о независимости идеального от мозга, от его состояний, сведение идеального к рациональным схемам, нормативам и т. д. С точки зрения мыслителя, идеальное – это свойство, которое неразрывно связано с нейродинамическими процессами мозга индивида, ибо идеальное – это феномен индивида, осуществляемый нервными механизмами мозга конкретного типа. Эти механизмы мозга актуализируют информацию для индивида в форме субъективных психических переживаний.

Но в то же время в концепции Д. И. Дубровского это не означает, что индивидуальное сознание не связано с общественным сознанием. Общественное сознание, безусловно, можно представить как надличностное, но которое нельзя мыслить как внеличностное. Поэтому ошибочно понимать надличностное как проявление независимости общественного сознания от индивидуального, по отношению к которому оно выступает будто бы как нечто внешнее, ибо в общественном сознании всегда присутствует индивидуальное сознание, но последнее присутствует здесь в «снятом», концептуально преобразованном виде [9].

В этой связи, с нашей точки зрения, следует отметить, что с требованиями и ограничениями общественного сознания, выступающего в качестве структурных форм и схем деятельности, безусловно, все должны считаться. С этих позиций оно обладает относительной самостоятельностью и даже некоторой независимостью от индивидуального сознания. В то же время общественное сознание не является как нечто автономно-безличное, ибо оно вырабатывается вполне «лично», индивидуально. Поэтому природа идеального общественно-индивидуальная.

В современной научной литературе существуют самые различные точки по вопросу идеального. Мы не будем вдаваться в пространный анализ многообразных точек зрения на проблему идеального, ибо это требует специального и самостоятельного исследования. Но следует отметить то, что идеи информационного подхода к сознанию о том, что идеальное есть информация и в то же время свойство мозга, являются наиболее общепризнанным взглядом в нашей

философской литературе. Поэтому данное положение вряд ли нуждается в специальном обосновании.

Отметим лишь то, что с позиции информационного подхода связь между идеальным и мозгом есть связь между информацией и ее носителем и благодаря этому происходит воздействие сознания на мозг. Но с нашей точки зрения, это еще не дает полного ответа на те трудные проблемы, которые издревле составляют содержание «сознание и мозг». К этим вопросам относятся: 1) Какова взаимосвязь идеального (если ему невозможно приписать никаких материальных свойств) с мозговыми процессами? 2) Как интерпретировать тот факт, что идеальное сознание может управлять телесными изменениями, если к сознанию нельзя отнести физические, а также энергетические свойства?

С нашей точки зрения, ответы на поставленные выше вопросы связаны с реализацией квантовых эффектов в выявлении не только отдельных психофизиологических механизмов, но и механизмов сознания и мышления. В этой связи Д. И. Дубровский пишет: «Виртуальная реальность есть информационная реальность и, следовательно, есть особая разновидность объективной реальности, которая обладает специфическими средствами и возможностями воздействия на индивидуальное и массовое сознание и во все большей степени формирует их в наше время. Всё это порождает новые вопросы и аспекты проблемы идеального, новые планы исследования природы субъективной реальности в ее связях с объективной реальностью, и они настоятельно требуют разработки» [10].

Представляется, что в информационных источниках, общественной действительности, в предметах духовной культуры виртуальная реальность как особая объективная информация существует. Но такая информация существует в потенции как возможность осуществления в сознании, т. е. в субъективной реальности. Виртуальная реальность, существующая как особая объективная реальность, воздействует на рецепторы органов чувств. В результате этого из периферии в мозг движутся нервные импульсы, которые несут объективную информацию виртуальной реальности и образуют нейродинамический код. Но данная информация только тогда становится виртуальной реальностью, когда она отображена в сознании, т. е. в субъективном виртуальном мире.

В этом отношении квантовая физика в сфере психофизиологии проливает свет на то, что при вмешательстве энергии мозгового кода внешнего объекта на квантовый вакуум последний проявляет виртуальные частицы. Говоря о возможности квантового вакуума при вмешательстве энергетического фактора проявлять виртуальные частицы, И. А. Ланцев пишет: «Характерная черта квантово-полевых представлений о вакууме – учет его сложной структуры, многообразных форм его активности, симметрии и асимметрии, его потенциальной природы, требующей для своего проявления вмешательства энергетического фактора» [11].

С этих позиций формирование идеального, на наш взгляд, можно объяснить тем, что под влиянием мозгового нейродинамического кода внешнего предмета происходит проявление виртуальной реальности, т. е. идеального. В этой связи Э. А. Бойков пишет: «Базисом, субстратом проявления идеального (а значит и виртуального) являются материальные нейродинамические процессы, происходящие в мозге» [12].

С нашей точки зрения, сознание, которое принято считать идеальной информацией, существует в виртуальной сфере нейродинамического кода в системе внешних и внутренних детерминант одновременно в отношении к мозгу и внешнему миру. Этим гарантируется то, что сознание только олицетворенным в нейродинамическом коде мозга может наличествовать как живая идея, а не отдельная от индивида сущность мысли.

Такой подход позволяет под новым углом зрения взглянуть на объективность внешнего мира. Об этом, например, свидетельствует факт о том, что если у личности сбросить врожденную катаракту глаза, то вначале глаз ничего не видит, человек замечает лишь серую пелену. Только с течением времени, под влиянием практики формируется способность различать предметы. Это говорит о том, что орган зрения лишь доставляет мозгу чувственные квантово-волновые побудительные стимулы, а личность сама формирует из них образы объектов, создает переживания и чувства, сопутствующие представлениям этих объектов: ощущение тяжести, фактуры и т. д. Это свидетельствует о том, что образ внешнего объекта является виртуальным. В этой связи Э. А. Байков пишет: «Любая информация лишь тогда становится виртуальной реальностью, когда она отображена в психике живого человека. Поэтому идеальное может существовать лишь в субъективном виртуальном мире» [13].

Подобного же взгляда придерживается В. В. Чавчавадзе, который отмечает, что идеальные процессы в мозге личности носят квантово-волновой характер [14].

Из вышеизложенного следует, что олицетворение идеального в мозговом коде происходит благодаря существованию идеального в субъективном виртуальном мире личности. На основе такого воплощения идеального в нейродинамическом коде мозга гарантируется единство идеального с мозгом и управляющая функция сознания. Представляется, что из взаимной связи неопределенностей вытекает, что за очень небольшой промежуток времени, вследствие флуктуации энергии физического вакуума, виртуальные частицы, которые являются носителями информации, непрерывно появляются и пропадают. В силу того, что промежуток времени недостаточен, чтобы такого рода частицы могли реализоваться в мире элементарных частиц, виртуальные частицы ненаблюдаемы. Это обусловлено их особой природой и своеобразным способом их существования в отличие от обычных видов физических объектов, это как бы потенциальное существование [15]. Разумеется, что для олицетворения виртуальными частицами идеального образа в мозге и для воздействия идеального на телесные изменения не требуется время. Поэтому влияние идеального на телесные процессы происходит на основе функциональной связи. В силу этого процесс олицетворения идеального в нервном коде, остается за пределами материи.

Идеальное не наличествует в мозге как своеобразная субстанция, не набирается в обособленном пространстве, а существует только в нейродинамическом коде мозга. При этом идеальное нельзя отождествлять только с квантовыми соединениями мозга, поскольку оно возникает и наличествует лишь в системе детерминант, в которой универсальным детерминирующим фактором является квантовый вакуум.

Примечания

1. См.: Ильенков Э. В. Идеальное // Философская энциклопедия. М., 1962. Т. 2. С. 219–227.
2. См.: Ильенков Э. В. Проблема идеального // Вопросы философии. 1979. № 6. С. 136.
3. Ильенков Э. В. Идеальное. С. 219.
4. Классен Э. Г. Еще раз об идеальном (письмо в редакцию) // Философские науки. 1988. № 3. С. 94.
5. Дубровский Д. И. Проблема идеального. М., 1983. С. 62.
6. Там же. С. 18.
7. Там же. С. 131.
8. Там же. С. 129.
9. Дубровский Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М., 2002. С. 160–161.
10. Там же. С. 244.
11. См.: Ланцев И. А. Предпосылки создания ноосферно-ориентированной вакуумной научной картины мира // Философия и космология. 2012. Вып. № 1(10). С. 98.
12. Байков Э. А. Виртуальный компонент духовного бытия общества // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. Вып. № 7. С. 38.
13. Там же. С. 39.
14. См.: Чавчавадзе В. В. К квантово-волновой теории когерентной модели мозга. Структура когерентного мозга // Биология. Киев, 1979. Вып. № 7. С. 109.
15. См.: Готт В. С. Философские проблемы современных естественных наук. М., 1979. С. 164.

Note

1. See: Ilyenkov E.V. *Ideal'noe* [Perfect] // *Filosofskaya ehnciklopediya* - Encyclopedia of philosophy. M. 1962. Vol. 2. Pp. 219-227.
2. See: Ilyenkov E.V. *Problema ideal'nogo* [The perfect problem] // *Voprosy filosofii* - Problems of philosophy. 1979, No. 6, pp. 128-140.
3. Ilyenkov E.V. *Ideal'noe* [Perfect] // *Filosofskaya ehnciklopediya* - Encyclopedia of philosophy. M. 1962. Vol. 2. Pp. 219-227.
4. Klassen E.G. *Eshche raz ob ideal'nom (pis'mo v redakciyu)* [Once more of the ideal (letter to the editor)] // *Filosofskie nauki* - Philosophical Sciences. 1988, No. 3, pp. 94-98.
5. Dubrovski D. I. *Problema ideal'nogo* [Problem of the ideal]. M. 1983. 228p.
6. Ibid. P. 18
7. Ibid. P. 131.
8. Ibid. P. 129
9. Ibid. Pp. 160-161
10. Dubrovski D. I. *Problema ideal'nogo. Sub"ektivnaya real'nost'* [Problem of the ideal. Subjective reality]. M. 2002. 368 p.
11. See: Lantsev I. A. *Predposylki sozdaniya noosferno-orientirovannoj vakuumnoj nauchnoj kartiny mira* [Background to the establishment of noosphere-oriented vacuum scientific picture of the world] // *Filosofiya i kosmologiya* - Philosophy and cosmology. 2012, Issue № 1 (10), pp. 92-110.
12. Baikov E. A. *Virtual'nyj komponent duhovnogo bytiya obshchestva* [Virtual component of spiritual existence of society] // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* - Herald of Orenburg State University. 2007, Issue No. 7 / Pp. 38-43.
13. Ibid. Pp. 38-43.

14. See: Chavchavadze V.V. *K kvantovo-volnovoj teorii kogerentnoj modeli mozga. Struktura kogerentnogo mozga* [To quantum wave theory of a coherent model of the brain. The structure of coherent brain]// *Biologiya - Biology*. Kiev. 1979, Iss. No. 7, 384 p.

15. See: Gott V.S. *Filosofskie problemy sovremennyh estestvennyh nauk* [Philosophical problems of modern natural sciences]. M. 1979. 344 p.

УДК 141.32 : 159.923.2

А. Ю. Байбородов

Козэкзистенциальное общение: к вопросу об определении понятия

Данная статья выдвигает и анализирует новый концепт – коэкзистенциальное общение, которое определяется как универсальный способ со-бытия субъектов в их фундаментальной бытийной возможности. основополагающее условие коэкзистенциального общения есть принятие и признание Другого в его уникальном и «незаместимом» модусе бытия, а также выбор и реализация самого себя в фундаментальной бытийной возможности. Автор статьи разводит понятия «экзистенциальное общение» и «коэкзистенциальное общение». Экзистенциальное общение есть первичный и исконно присущий субъекту способ существования и сосуществования, в рамках которого Другой непосредственно постигается как присутствующий. Кроме того, экзистенциальное общение может принимать как «аутентичные», так и «превращённые» формы со-бытия, которые выступают как атрибутивные свойства общения. Экзистенциальное общение есть субстанциальная основа как «аутентичных», так и «превращённых» форм со-бытия.

The article in question suggests and analyses a new concept – coexistential intercourse, which is defined as the universal mode of coexistence of subjects in their fundamental existential opportunity. The basic condition of coexistential intercourse is the acceptance and recognition of the Other in his unique and unchangeable mode of existence and also his choice and self-realization in his fundamental existential opportunity. The author separates “existential intercourse” and “coexistential intercourse”. Existential intercourse is the primary and originally proper to the subject mode of existence and coexistence in which the Other is immediately comprehended as the co-present. Besides, existential intercourse may turn into both “authentic” and “converted” forms which emerge as the attributive features of intercourse. Existential intercourse is the substantial basis of both “authentic” and “converted” forms of coexistence.

Ключевые слова: общение, существование, сосуществование, со-бытие, коэкзистенция, возможность, субъект, Другой, взгляд.

Keywords: intercourse, existence, coexistence, opportunity, subject, the Other, the similar, sight, authentic, converted.

В определении понятия «коэкзистенциальное общение» необходимо сперва, на наш взгляд, прояснить его этимологию и исконный смысл. Очевидно, что термин «коэкзистенция» образован от одного «экзистенция», что в переводе на русский язык означает «существование». Термин «коэкзистенция» впервые предложил итальянский философ экзистенциального направления Н. Аббаньяно, который понимает под ним прежде всего особую форму сосуществования свободных субъектов, хотя и не приводит его «эксплицитного» определения: «Бытие, которое бы принадлежало мне, изолируя меня, уничтожало бы меня как индивидуальность; но бытие, которое определяет меня в моей индивидуальности, открывает меня коэкзистенции и определяет бесконечную сферу, в которой существуют бесконечные возможности встречи, т. е. разумения и понимания между мной и другим» [1].

Таким образом, согласно Аббаньяно, экзистенция, реализуясь в своей фундаментальной бытийной возможности, трансцендирует «за свои собственные пределы» и движется в сообщество себе подобных. Формирование субъекта в его «самости» есть, таким образом, *sine qua non* взаимопонимания с другим и, конечно, коэкзистенции. Аббаньяно в этой связи подчёркивает, что реализация самого себя, формирование собственной «самости» только и может стать условием и возможностью коэкзистенциального со-бытия. Экзистенциалы *проблематичность* и *возможность* – ключевые в «позитивном» экзистенциализме Аббаньяно. Аббаньяновский субъект изначально свободен в своём выборе или «не-выборе» *трансцендентальной* возможности. «Проблематичная неопределённость» выступает субстанциальной основой движения «за границы самого

себя» и реализации «трансцендентальной» возможности. Таким образом, «проблематичная неопределённость» внутренне присуща любому проекту, какому бы то ни было акту выбора: «Я совершаю важный акт моего существования: например, начинаю или завершаю труд, с которым связана большая часть моей жизни и моих интересов; я связываю свою судьбу с судьбой другого человека, иду навстречу ущербу и опасностям ввиду интереса, который считаю высшим» [2].

De facto у итальянского философа можно заметить известное разведение экзистенциального и коэкзистенциального общения. На наш взгляд, подобное разведение требует более обстоятельного анализа и может быть положено в основу новой концепции субъект-субъектного общения. Экзистенциальное общение есть изначально присущий субъекту способ бытия-события, в котором он «первично», дорефлексивно, осознаёт себя «здесь и теперь» и «первично» включает о существовании себе подобного в его непосредственном опыте. Изначальный способ со-бытия с себе подобным достаточно подробно анализируется в работах М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, Г. Марселя, К. Ясперса и др. Н. Аббаньяно также подчёркивает *внетеоретический*, неререфлексивный способ постижения бытия Другого: «Существование постоянно ставит меня перед лицом другого: я могу как-то существовать, лишь если сосуществую, ибо я могу определиться в какой-то задаче, функции, действии, чувстве, лишь определяя в то же самое время других, связанных со мною непосредственно или опосредованно в задаче, в функции, в действии или в присутствии мне чувстве» [3].

Далее, в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера способ со-бытия с себе подобным обнаруживается как исконно присущий бытию «присутствия» (Dasein). Существовать для Dasein означает со-присутствовать, со-бытийствовать. Хайдеггеровский субъект открывает для себя Другого в рамках целостной структуры «имения-дела», «выходя» на него через «проговаривание» ближайшего окружения «мира». Всё многообразие предметов в целостности «имения-дела» осмысливается Хайдеггером через экзистенциалы «подручность» и «наличность». «Подручность» означает способ бытия некой вещи, используемой как средство, направленное *на что-то* и предназначенное *для кого-то*. Таким образом, способ «имения-дела» указывает на носителя, «со-встречного» Dasein. Отсюда Dasein экзистенциально «заключает» о бытии себе подобного в целостной структуре «имения-дела». Другой существует таким же образом, что и само Dasein. Другой таким же образом существует, использует подручные средства и открывается в целостности «имения-дела» как «присутствиеразмерное бытие» [4]. Коль скоро бытие Dasein кардинально отлично от ононого подручности и наличности, то таким же образом бытие Другого также кардинально отлично от бытия подручного и наличного. Методом «экзистенциальной аналогии» хайдеггеровский субъект постигает себе подобного как «присутствиеразмерное» целое и открывает для себя Другого как *субъекта*, внутримирно «совстречного» в целостной структуре «имения-дела». Поскольку Другой таким же образом соприсутствует, постольку он подобным же образом «озабочен» по отношению к миру. Характерно, что Другой через способ «имения-дела» постигается не сразу целиком и не сразу как субъект, а вначале через то, что он использует в структуре «ближайше озабовавшегося» подручного. Таким образом, способ бытия Другого, как и онный Dasein, осмысливается Хайдеггером через призму феномена *заботы*. Забота, по Хайдеггеру, есть фундаментальный способ бытия Dasein вообще. Из заботы немецкий мыслитель выводит, в конечном счёте, исконный способ бытия-события субъекта.

Характеризуя понятие «экзистенциальное общение», необходимо отметить, что последнее в свете нашего изложения являет собой исконный, изначально присущий хайдеггеровскому субъекту способ бытия-события. Стало быть, экзистенциальное общение как фундаментальный способ бытия субъекта изначально «первично», ибо, по сути, тождественно существованию. Именно в экзистенциальном общении субъект дорефлексивно «обнаруживает» себя «перед лицом» себе подобного.

Кроме этого экзистенциальное общение как исконно присущий субъекту способ со-бытия изначально предполагает и «несобственные», «превращённые» формы со-бытия с себе подобным. По нашему мнению, «превращённые» формы со-бытия следует понимать как особые свойства-атрибуты общения как такового, в частности, общения экзистенциального. «Преобразованные» формы со-бытия изначально вытекают из способа со-бытия в целом и являют собой не столько некую аномалию, нечто противоестественное, а, скорее, вполне естественный, исконный и первичный способ со-бытия, в который субъект изначально осознаёт себя «заброшенным». Как известно, «превращённые» формы со-бытия весьма подробно описаны и проанализированы М. Хайдеггером в «Бытии и времени». Так, хайдеггеровский субъект оказывается «на посылках у Других. Не оно само *есть*, Другие отняли у него бытие» [5]. Другие, навязывая субъекту общепринятые стереотипы мышления и поведения, отчуждают его бытийные возможности и снимают с него фундаментальную ответственность. Согласно Хайдеггеру, Dasein может стать «самим

собой» не иначе как через уход из «людей» и пребывание перед лицом единственной «подлинной» возможности — возможности *смерти*, которая, по мысли философа, выводит субъекта из состояния безличной «анонимности».

Характерно, что М. Хайдеггер, характеризуя изначальный способ сосуществования *Dasein* в целостности «имения-дела», полагает последний как изначальное, исконно присущий субъекту. Таким образом, нетрудно заметить, что экзистенциальное общение так или иначе предстаёт как неустраняемый и, более того, *субстанциальный* способ бытия-события. По Хайдеггеру, данный исконный способ со-бытия есть также непосредственное проявление феномена заботы.

Основоположник «философии диалога», еврейский философ М. Бубер мыслит существование субъекта сквозь призму двух основных модусов бытия-события: «Я-Оно» и «Я-Ты». «Я-Ты» и «Я-Оно» — два исконных способа со-бытия субъекта, моделирующие особым образом целостный способ отношения к миру. «Я-Ты» и «Я-Оно» не просто слова, произнесённые субъектом, а суть два основополагающих модуса бытия-события. Быть, по Буберу, означает сосуществовать и общаться. Так, Бубер отмечает, что сказать «Я-Ты» можно только «всем существом» [6]. «Я-Оно», по Буберу, означает «неподлинный», «превращённый» способ отношения субъекта к миру и себе подобному, при котором могут иметь место «объективное суждение», сравнение, описание, измерение, классификация и т. п. Отношение «Я-Ты» есть особый модус, при котором Другой предстаёт как «Ты», уникальный и незаместимый в своём опыте бытия, в свете которого любые сравнения и объективные суждения становятся незначимыми. Другой предстаёт во всём неповторимом богатстве и своеобразии внутреннего мира, хотя еврейский философ определяет подобное состояние сознания во многом апофатически, прибегая лишь к приблизительным аналогиям и метафорам.

Далее, французский философ Ж.-П. Сартр мыслит со-бытие с себе подобным главным образом сквозь призму отчуждения. Совершенно особое место в экзистенциальной аналитике Сартра занимает феномен *взгляда*. Взгляд, разумеется, далеко не сводится лишь к «паре глаз». «Пара глаз» в свете экзистенциально-феноменологической логики Сартра предстаёт как потенциальная возможность взгляда, через которую взгляд может проявиться вовне. Через взгляд Другой постигается в моём опыте как *субъект*. Постигать взгляд Другого, по Сартру, означает осознавать и переживать себя *рассматриваемым*. Непосредственное «схватывание» и осознание себя рассматриваемым «растворяет» в себе какие бы то ни было «объективные» свойства и характеристики Другого. Если взгляд Другого направлен на меня, то я переживаю себя рассматриваемым, я осознаю себя потенциально уязвимым. Тем самым Другой, открываясь мне через взгляд, отчуждает и присваивает себе мои потенциальные возможности: «Я постигаю взгляд другого в самой глубине моего *действия*, как затвердевание и отчуждение моих собственных возможностей» [7]. Отсюда видно, что французский философ мыслит отношение «Я-Другой» как изначальное антагонистическое, *de facto* исключаяющее какое бы то ни было сотрудничество с себе подобным. По Сартру, быть субъектом возможно не иначе как ценой отчуждения и присвоения бытийных возможностей Другого, и *vice versa*.

Как уже отмечалось, все вышеперечисленные «превращённые» формы со-бытия суть особые свойства-атрибуты экзистенциального общения в целом. Не подлежит сомнению, что экзистенциальное общение есть исконно присущий субъекту способ бытия-события со всем сущим. Анализируя «превращённые» формы со-бытия, мы воздерживаемся от их оценки с точки зрения общепринятых нравственно-этических и эстетических категорий (добро-зло, счастье-горе, возвышенное-низменное и т. п.). Скорее, даже «превращённые», «неподлинные» формы со-бытия нужно оценивать не как абсолютное зло, а как изначальное присущий субъекту, сущностно «не-обходимый» (М. Хайдеггер) и во многом «неизбывный» способ бытия, который, по-видимому, надлежит пройти и преодолеть. Более того, экзистенциальное общение как исконно-первичный способ бытия-события есть субстанциальная первооснова общения, дающая начало как «превращённым», безличным формам со-бытия, так и «*аутентичным*» формам, речь о которых ещё впереди. Стало быть, «аутентичные» формы со-бытия суть в такой же степени свойства-атрибуты экзистенциального общения, как и формы «превращённые» (по терминологии М. Бубера — «Я-Оно»). При этом не вызывает сомнения первостепенная роль субъекта как изначальное свободного в выборе путей реализации тех или иных форм. Таким образом, в свете настоящего анализа коэкзистенциальное общение мы понимаем как атрибутивное свойство экзистенциального общения. При определённых условиях последнее может перейти или *не* перейти в особые «аутентичные» формы «предстояния» себе подобному как своему «Ты».

Возникает вопрос об определении коэкзистенциального общения. В своей дальнейшей разработке данного «захватывающего понятия» мы во многом опираемся на термин «коэкзистенция», первоначально предложенный Н. Аббаньяно. По нашему мнению, данное понятие нуж-

дается в некотором дополнении и уточнении. Как явствует из работ итальянского философа, под коэкзистенцией он понимает особую форму со-бытия субъектов, утверждающихся в своей фундаментальной (трансцендентальной) возможности и посвятивших себя реализации собственного жизненного предназначения. Хотя Аббаньяно не даёт «эксплицитного» определения коэкзистенции, но первейшее её условие — признание и принятие себе подобного в его уникальном и «незаместимом» способе бытия. В результате понятие «коэкзистенциальное общение», будучи заимствованным и переосмысленным в новом качестве, нами определяется как *универсальный способ со-бытия субъектов в их фундаментальной бытийной возможности*.

Последнее понятие, на наш взгляд, нуждается в некотором уточнении. Так, М. Хайдеггер в качестве «не-обходимой», предельно индивидуализирующей возможности полагает смерть. Только фундаментальная возможность смерти, по Хайдеггеру, выводит Dasein из «прозябания» в *Man* и возвращает к себе самой. Н. Аббаньяно в качестве бытийной возможности полагает «трансцендентальную» возможность, которая «есть **должное** человека в его подлинной индивидуальности и в силу этого также **должное бытия и коэкзистирующего сообщества**» [8]. Характеризуя «трансцендентальную» возможность, Аббаньяно полагает последнюю **должным** человека, которое формирует его индивидуальную «самость». Эта «сверхвозможность» становится, по мнению итальянского философа, своего рода этическим нормативом именно в силу того, что основу личности и её трансцендирования в «коэкзистирующее сообщество» составляет то, что «более всего свойственно именно мне» [9]. Отсюда Аббаньяно, как бы предвидя упреки в формализме, делает попытку выйти за рамки сугубо формального определения «трансцендентальной» возможности и «наполнить» данный концепт личностно неповторимым содержанием: «Художник, которому удалось выразить самого себя и быть самим собой в своём искусстве, создал целый мир, открытый другим людям и богатый возможностями для их взаимопонимания» [10].

Прозвучавшие выше соображения содержат в себе весьма глубокий гуманистический потенциал и, как думается, могут быть положены в основу предлагаемой нами концепции коэкзистенциального общения. Онтически способ со-бытия субъектов в их «бытийной» возможности имеет своим неперенным условием формирование и становление субъекта в своей индивидуальности и его самореализацию в той сфере жизнедеятельности, в которой он наиболее продуктивно реализует свои способности, потребности и таланты. Последние, будучи воплощёнными в продуктах деятельности и творчества, «транслируются» в человеческое общество, выступая, в свою очередь, в качестве *возможности* для самореализации себе подобных. Разумеется, при этом решающая роль принадлежит активности самой отдельно взятой личности, формирующейся в собственной индивидуальной «задаче». В соответствии с вышесказанным нетрудно проследить общую онтико-онтологическую траекторию движения самореализующегося субъекта в сообщество себе подобных.

Примечания

1. Аббаньяно Н. Введение в экзистенциализм. СПб.: Алетейя, 1998. С. 102.
2. Там же. С. 93.
3. Там же. С. 139.
4. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. С. 118.
5. Там же. С. 126.
6. Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1993. С. 18.
7. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М.: Республика, 2000. С. 286.
8. Аббаньяно Н. Указ. соч. С. 104.
9. Там же. С. 102.
10. Там же. С. 102–103.

Notes

1. Abbagnano N. Introduction to Existentialism. SPb.: Aleteya, 1998. P. 102.
2. Ibid. P. 93.
3. Ibid. P. 139.
4. Heidegger M. Being and Time. M.: Ad Marginem, 1997. P. 118.
5. Ibid. P. 126.
6. Buber M. Two Images of Faith. M.: Republic Press, 1993. P. 18.
7. Sartre J.-P. Being and Nothingness. M.: Republic Press, 2000. P. 286.
8. Abbagnano N. Introduction to Existentialism. P. 104.
9. Ibid. P. 102.
10. Ibid. P. 102–103.

Средневековая европейская культура: направленность на освоение материального мира

В статье рассматривается парадоксальная «разорванность» западноевропейской культуры, в которой между римским и нововременным периодами развития, характеризуемыми явной направленностью на освоение материального мира, содержится средневековый период, когда декларировались совершенно другие идеалы и цели человеческой жизни. Авторы показывают, что это целеполагание оставалось для данной культуры декларативным, в то время как весь практический опыт средневековой культуры презентует ее как культуру освоения, с исключительно мирским (посюсторонним) пониманием смысла человеческой жизни. Авторы показывают целостность мировоззренческих оснований средневековой культуры, фундаментальное единство ее субкультур (клерикальной, рыцарской, народной), которое не позволяет увидеть в этом противоречии столкновение субкультур, но рассматривают его как «культурную шизофрению», характеризующуюся кардинальным несовпадением мировоззренческих установок дискурсивного и практического сознаний (по Э. Гидденсу), мировоззренческих теорий и оснований практической деятельности.

The article discusses the paradoxical “dissociation” of Western European culture, in which between the roman and modern periods of development, characterized by a clear direction for the development of the material world, contains the medieval period when it was declared absolutely other ideals and goals of human life. The authors show that this setting remain for this culture is declarative, while the whole practical experience of medieval culture presents it as culture of development, with exclusively secular (unreal) understanding of the meaning of human life. The authors demonstrate the integrity of the worldview foundations of medieval culture, the fundamental unity of its subcultures (clerical, knightly, folk), which makes it impossible to see in this contradiction a clash of subcultures, but consider it as a “cultural schizophrenia” characterized by a fundamental mismatch worldviews installations discursive and practical consciousness (E. Giddens), worldview foundations of theories and practice.

Ключевые слова: западноевропейская культура, клерикальная субкультура, культура освоения, «культурная шизофрения», мирская аскеза, народная субкультура, рыцарская субкультура.

Keywords: Western European culture, clerical subculture, culture of development, “cultural schizophrenia”, secular asceticism, folk subculture, knightly subculture.

Западноевропейская цивилизация занимает особое место, ибо ее экспансионизм по крайней мере дважды в мировой истории: в эпохи Древнего Рима и раннего классического капитализма – оказывал мощнейшее влияние на весь окружающий мир, далеко выходя за пределы самой исторической Европы. Причина в том, что западноевропейская культура этих эпох была культурой освоения, в ней доминировала направленность на практическое преобразование материального мира в интересах человека. А потому парадоксальной может казаться культура разделяющего эти эпохи Средневековья, когда в обществе господствовала католическая идеология, постулирующая отказ от мирских желаний и интересов и преимущество созерцательной монашеской жизни.

В эпоху капиталистической экспансии христианский идеал сильно изменился, «монашескую аскезу» заменила «мирская аскеза», долгом человека вместо «ухода из мира» протестантизм объявил «мирское служение» [1], тем более странной может показаться эта культурная «непоследовательность».

Тем не менее разгадка этого парадокса довольно проста. В отличие от эпохи капиталистической экспансии, в Средневековье общество было в гораздо меньшей степени христианизовано, сохраняя языческое поведение при декларировании христианской идеологии, а потому трансформация христианских идеалов не требовалась для сохранения освоенческой ориентированности практического поведения (используя терминологию Э. Гидденса, можно говорить о рассогласовании дискурсивного и практического сознания [2]). Можно описать это состояние как «культурную шизофрению».

Относительно рыцарства факт этой раздвоенности отмечает М. Оссовская [3], а Ж. Ле Гофф прямо говорит о мирском характере рыцарских идеалов [4]. А. Я. Гуревич, анализируя *exemplum* (примеры, предназначенные для использования в проповедях среди простонародья), показывает, что само истолкование христианства носило чувственно-магический характер, а христианские персонажи описывались как герои языческих мифов [5].

Не избежало этого даже монашество. Бенедиктинский монашеский устав носил более мирской характер, нежели практика восточного монашества, в нем уравнивались молитвенная, интеллектуальная и трудовая деятельность, что отмечали Ж. Ле Гофф [6] и М. Вебер [7]. Еще большее омирщвление монашеской деятельности произошло в конце XI – начале XII в. в деятельности нищенствующих монашеских орденов [8]. Так что протестантизм только завершил эту практику сближения мирянина и монаха.

Ж. Ле Гофф, обобщая свои выводы по средневековой цивилизации, признает, что, несмотря на стремление церкви отвратить человека от чувственного мира, именно он и оказывался в центре его жизни [9]. Рыцарский идеал восхвалял тело [10]; подвиги святых носили преимущественно физический характер [11], а сами они описывались как носители телесной красоты [12]; плоть святых обладала магическими свойствами [13], а само наличие плоти было необходимо для спасения [14]; сексуальная жизнь Средневековья мало следовала церковным увещаниям [15] и была скорее полигамной, чем моногамной [16]. Огромное значение имели телесные жесты, особенно в разного рода ритуалах [17].

Для средневекового человека пища выступала наваждением [18], а значение одежды было обусловлено тем, что она являлась своеобразной униформой [19], по которой определялась сущность человека. А. Я. Гуревич приводит пример из *exemplum*, когда монаха отказались пустить в рай, потому что он умер не в парадном одеянии [20]. В то же время место пищевого и сексуального изобилия, страна Кокань [21], стала единственной утопией Средневековья, которая после оказала огромное влияние на всю европейскую культуру, навязчиво повторяясь в искусстве на протяжении последующих этапов общественного развития.

Правда, подмеченную тенденцию сведения всех значимых жизненных целей к чувственно-наглядным образцам можно объяснить и иным образом, нежели недостаточной христианизацией средневекового общества. Культура не была монолитом, распадалась, как минимум, на три субкультуры – клерикальную, рыцарскую, народную. Возможно ли, что именно народная культура несла в себе языческий и освоенческий потенциал, становилась контркультурой и для духовенства, и для рыцарства? На первый взгляд, гипотеза правдоподобна, во-первых, потому, что барьеры между социальными стратами были проницаемы, во-вторых, из-за численного превосходства этой самой народной субкультуры. Так, борьба за останки святых начиналась между разными приходами, а не между церковными иерархами, культ святых был навязан церкви «снизу», смена отношения к ведьмовству в раннем и позднем Средневековье свидетельствует о победе народного магического восприятия христианства над рациональной книжной мудростью [22]. Достаточно непрактичные ценности рыцарской субкультуры (верность данному слову во что бы то ни стало, жажда славы, презрение к ручному труду, куртуазное отношение к даме), вероятно, были сформулированы и опозитизированы достаточно поздно, в песнях труверов (с XI в.), кроме того, часто носили, в соответствии с требованиями тогдашнего искусства, подчеркнuto выпуклый, гротескный характер. На раннем же этапе, когда шло активное создание государств, «внутренней пружиной, толкавшей... к постоянной экспансии, была нужда королей в приобретении все новых богатств, чтобы платить своим приближенным» [23]. Также и рыцарям, становящимся феодалами, необходимы были наглядные знаки процветания и понятные цели, для которых они могут рекрутировать подданных, а именно сокровища и обереги, добытые в результате грабежа. Варварские королевства V–IX вв., безусловно, ориентировались на освоенческую парадигму, каковыми бы ни были личные мотивы и приоритеты более просвещенной правящей элиты.

Однако представить средневековое мироощущение в виде борьбы народной субкультуры (освоенческой) с субкультурой правящих элит и духовенства, воспринявшей импортированное христианство и ориентированной на служение сверхчувственному идеалу, было бы явным упрощением. Влияние субкультур друг на друга было постоянным и взаимным и заключалось не столько в навязывании, сколько в интуитивной селекции и усвоении подходящих модусов существования и выразительных форм, найденных смежной субкультурой. Рассмотрим фигуру народного героя, например английского (а также шотландского и ирландского), про которого исследователи говорят, что это «единственный балладный герой, чье имя переросло чисто балладную и приобрело общенародную известность» [24] – Робин Гуда. Его имя вошло в пословицы и поговорки, народные гулянья в его честь продолжались два века, кроме того, его популярность превышала славу известных проповедников [25]. Кроме всего прочего, Гуд – носитель высшей справедливости, борец с чванливой знатью и лживыми клириками. И в то же время баллады повествуют, что Робин – человек аристократического происхождения [26], постоянно ищущий подвигов и вызывающий на поединок встреченных незнакомцев единственно ради бахвальства [27], готовый пойти на конфликт, чтобы нискатать славу, и убивающий соперника по рыцарским критериям – за нарушение слова [28]. Он, будучи противником духовенства, отпускает епископа или

любое другое духовное лицо униженным, но живым, какие бы бесчинства тот ни творил [29], то есть некоторая привилегированность за носителями христианского культа разбойником признается. А уважения Робин Гуда удостоивается отчаянный монах, которого он победил в состязании [30]. Лесные разбойники одинаково называют и шерифа, и Робин Гуда – master [31], сам Робин бьется с Гаем Гисборном благородным оружием, т. е. на мечех [32]. Робин Гуд, подобно дворянам, расшвыривает деньги (практически во всех балладах), но всегда остается в прибыли [33], отнюдь ее не гнушается. Наконец, Робин Гуд помогает влюбленным, которых хотят разлучить [34], заплатить долг честному рыцарю [35], т. е., опять же, поступает как представитель знати, не нуждающийся ни в каком обосновании своим поступкам, кроме личных симпатий.

Следовательно, народное сознание добавляло рыцарских черт своему герою и даже не воспринимало этику духовенства как нечто чужеродное.

Средневековая культура, при всей своей неоднородности и дроблении на субкультуры, обнаруживает внутреннее единство, демонстрирует ту направленность на освоение материального мира, которая сосуществовала с декларативными сверхчувственными идеалами в рамках мифологического средневекового сознания, а затем и вытеснила эти идеалы в процессе Возрождения и Реформации.

Примечания

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 97.
2. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М., 2005. С. 98.
3. Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали. М., 1987. С. 95.
4. Ле Гофф Ж. Рождение Европы. СПб., 2007. С. 90.
5. Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla, XIII в.). М., 1989. С. 28–38.
6. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург, 2005. С. 148.
7. Вебер М. Указ. соч. С. 154.
8. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. С. 104–105.
9. Там же. С. 430.
10. Там же. С. 431.
11. Там же. С. 414.
12. Там же. С. 411.
13. Там же. С. 431.
14. Гуревич А. Я. Указ. соч. С. 35.
15. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. С. 432.
16. Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. М., 1991. С. 36.
17. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. С. 434.
18. Там же. С. 432.
19. Там же. С. 435.
20. Гуревич А. Я. Указ. соч. С. 84.
21. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. С. 280.
22. Васильев В. В. Средневековая народная культура. URL: http://www.vvvasilyev.ru/hist-isk/1/Srednevekovaya_narodnaya_kultura.htm (Дата обращения 02.10.2015).
23. Лебек С. Новая история средневековой Франции. Т. I. Происхождение франков. V–IX века. М., 1993. С. 73.
24. Аринштейн Л. М. Комментарии // Английская и шотландская баллада: сборник. М., 1988. С. 484.
25. Там же.
26. Баллады о Робин Гуде // Английская и шотландская баллада: сборник. М., 1988. С. 215.
27. Там же. С. 225; 259.
28. Там же. С. 233.
29. Там же. С. 241.
30. Там же. С. 319.
31. Там же. С. 246–248.
32. Там же. С. 307.
33. Там же. С. 257.
34. Там же. С. 267.
35. Там же. С. 253.

Notes

1. Veber M. Protestantskaia etika i dukh kapitalisma [The protestant ethic and the spirit of capitalism] // Veber M. Izbrannye proizvedeniia [Selected works]. M., 1990. P. 97.
2. Giddens E. Ustroenie obshchestva. Ocherk teorii strukturatsii [The dispensation of society. Essay on the theory of structuration]. M., 2005. P. 98.

3. Ossovskaia M. Rytsar' i burzhua. Issledovaniia po istorii morali [Knight and bourgeois. Research on the history of morality]. M., 1987. P. 95.
4. Le Goff Zh. Rozhdenie Evropy [The birth of Europe]. SPb., 2007. P. 90.
5. Gurevich A. Ia. Kul'tura i obshchestvo srednevekovoi Evropy glazami sovremennikov (Exempla, XIII v.) [Culture and society of medieval Europe through the eyes of contemporaries (Exempla, XIII c.)]. M., 1989. Pp. 28-38.
6. Le Goff Zh. Tsivilizatsiia srednevekovogo Zapada [Civilization of medieval West]. Ekaterinburg, 2005. P. 148.
7. Veber M. Op. Cit. P. 154.
8. Le Goff Zh. Tsivilizatsiia srednevekovogo Zapada [Civilization of medieval West]. Pp. 104-105.
9. Ibid. P. 430.
10. Ibid. P. 431.
11. Ibid. P. 414.
12. Ibid. P. 411.
13. Ibid. P. 431.
14. Gurevich A. Ia. Op. Cit. P. 35.
15. Le Goff Zh. Tsivilizatsiia srednevekovogo Zapada [Civilization of medieval West]. P. 432.
16. Bessmertnyi Iu. L. Zhizn' i smert' v srednie veka. Ocherki demograficheskoi istorii Frantsii [Life and death in the middle ages. Essays on the demographic history of France]. M., 1991. P. 36.
17. Le Goff Zh. Tsivilizatsiia srednevekovogo Zapada [Civilization of medieval West]. P. 434.
18. Ibid. P. 432.
19. Ibid. P. 435.
20. Gurevich A. Ia. Op. Cit. P. 84.
21. Le Goff Zh. Tsivilizatsiia srednevekovogo Zapada [Civilization of medieval West]. P. 280.
22. Vasil'ev V. V. Srednevekovaia narodnaia kul'tura [Medieval folk culture]. Available at: http://www.vvvasilyev.ru/hist-isk/1/Srednevekovaya_narodnaya_kultura.htm (accessed 02.10.2015).
23. Lebek S. Novaia istoriia srednevekovoi Frantsii. Tom. I. Proiskhozhdenie frankov. V–IX veka [A new history of medieval France. Vol. I. The origin of the francs. V–IX century]. M., 1993. P. 73.
24. Arinshtein L. M. Kommentarii [Comments] //Angliiskaia i shotlandskaia ballada. Sbornik [English and scotish ballad. Colleccion]. M., 1988. P. 484.
25. Ibid.
26. Ballady o Robin Gude [Ballads about Robin Hood] //Angliiskaia i shotlandskaia ballada. Sbornik [English and scotish ballad. Colleccion]. M., 1988. P. 215.
27. Ibid. P. 225; 259.
28. Ibid. P. 233.
29. Ibid. P. 241.
30. Ibid. P. 319.
31. Ibid. Pp. 246–248.
32. Ibid. P. 307.
33. Ibid. P. 257.
34. Ibid. P. 267.
35. Ibid. P. 253.

УДК 165

Л. А. Ермолина

Культура как сингулярность: сжатие и развертывание смыслов

В данной статье понятие сингулярности мы применяем к феномену культуры, так как в ней в сжатом виде спрессованы исторические знания, опыт, духовные потенциалы, воплощенные в различных видах деятельности человека. Сингулярность есть сверхсжатость, сверхпритяжение, сверхплотность, уходящая в бесконечность. Это есть абстрактная модель, не поддающаяся практической проверке, однако в философских, математических и физических исследованиях создан целый ряд моделей, теоретических алгоритмов, позволяющих наглядно и аргументированно развивать исследовательские программы по проблемам сингулярности.

In this article, we use the concept of singularity to the phenomenon of culture, because it compressed historical knowledge, experience, and spiritual potential embodied in various human activities. Singularity has supercompression, sverhprityazhenie, super going to infinity. This is an abstract model, intractable practical verification, however, philosophical, mathematical and physical studies, created a number of models of theoretical algorithms that clearly and convincingly to develop research programs on the problems of singularity.

Ключевые слова: сингулярность, сверхсжатость, культура, кодовая система, культурный код.

Keywords: singularity, supercompression, culture, code system, cultural code.

Выработанное в ходе историко-культурного развития разнообразие форм деятельности, мышления, видения мира все в большей степени включалось в общий процесс развития мировой культуры. Вместе с тем имеют глубокие корни и различия культур, отражающие особенности этнической общности в их пространственно-временных координатах.

Культура есть коллективное достояние человечества (опыт, знания, технологии, результаты деятельности), передающееся через взаимодействие, взаимовлияние, коммуникацию, составляющие единство всемирно-исторического процесса. Это система средств человеческой деятельности, благодаря которой программируется, реализуется, стимулируется активность индивида, групп в их взаимодействии с природой и между собой. Эти средства создаются людьми, постоянно совершенствуются и состоят из трех содержательных типов культур – материальной, социальной и духовной.

Культура – это определенный способ организации человеческой деятельности, представленный системой материальных и духовных ценностей и социокультурных норм. А также сам процесс самореализации и раскрытия творческого потенциала личности и общества в различных сферах жизни. Общим знаменателем всего многообразного содержания культуры является объективация сущностных сил человека и человечества в историческом процессе. Сущность человека проявляется во всем разнообразии действий, деяний, поступков.

В социальной жизни человеческая сущность выявляется в различных сферах: материальной и духовной. В связи с данным пониманием сущности человека культуру можно определить следующим образом: она – есть объективированная сущность человека и человечества в разнообразных формах деятельности, направляемой исторической, энергетической, информационной сингулярностью.

Культура как историческая, энергетическая, информационная сингулярность – это авторское определение, однако в науке существует достаточно большое количество терминов, содержащих понятие «сингулярность», так, например, словосочетание «технологическая сингулярность».

Сингулярность – одно из понятий, складывающееся в современной философии. Понятие возникает как попытка разрешения некоторых противоречий, рождающихся в результате прояснения сущности конкретного, единичного, а также сущности отношения единичного и множественного, абстрактного и конкретного. Понятие «сингулярность» употреблялось в семиотике, аналитической философии, но, фактически, в значительной степени продуманным и сущностно включенным в сферу размышления оно становится, в первую очередь, в современной французской философии. Наиболее полную и оригинальную трактовку это понятие получает в философии Ж. Делеза. Понятие «сингулярность», достаточно глубоко проанализированное Делезом во многих его работах, позволяет прояснить способ существования множественности и единичности, той единичности, которая сущностно находится раньше абстрактного единства или Единого. Сущность понятия «сингулярность» можно раскрыть через понятия схождения и расхождения серий.

Сингулярность – это событие, имеющее смысл, или, другими словами, сам смысл. Само событие, с одной стороны, носит точечный характер, с другой стороны, поскольку оно связано с другими событиями, его необходимо рассматривать как носящее континуальный характер, что на поверхности мира фиксируется как невозможность для События существовать изолированно от других событий. Такое понимание континуальности, однако, вовсе не должно приводить к «размыванию» смысла события и перетеканию его смысла в какой-либо другой. Смысл события остается характеризующимся понятием точки, однако точка носит пролиферированный характер. Подобная пролиферированная точка может быть понята как серия. Любой смысл, любое событие, имеющее свой смысл, может быть переинтерпретировано в пределах этой пролиферированной точки, которая предстает как серия или как линия, исчерпывающая все варианты модификации этой точки. В пределе возможности для такой модификации бесконечны, и точка события тогда совпадает со всем миром.

С другой стороны, точка события, несмотря на свою пролиферацию, продолжает носить точечный характер, и это означает, что пролиферированная точка является в то же самое время серией, другими словами, линией, наложенной на другие линии, которые являются, в сущности, другими точками.

В каждом феномене культуры, языке, знаке, символе, произведении искусства и материального производства содержится многослойная духовная составляющая. Универсальные куль-

турные коды есть сингулярность культуры, они разнообразно объективируются в различные исторические периоды и в различных формах жизнедеятельности социума. Социум тогда является гармоничным и целостным, когда, имея в себе бесконечный потенциал возможностей, реализует их природо- и космосообразно.

Культура исторически объективируется в жизни социума с помощью различных механизмов, а именно языка, взаимодействий и взаимоотношений, связей (энергетических, информационных, материальных). Язык как механизм, средство коммуникаций, с помощью различных материальных носителей шифрует (кодирует), сохраняет, транслирует различные сигнальные системы, представленные в социальной практике в разнообразных формах: письмо (руны, узелковое письмо, шрифты, иероглифы и т. д.), орнаменты, знаки (ноты, логотипы и др.), символы (крест, иконы, скульптура и пр.), нормы (правовые, религиозные, бытовые), идеи.

Формирование и развитие современных кодовых систем, таких, как правовые нормы, культурные образцы, опираются на созданные религиозные предписания, ведические легенды, т. е. их питают информационные, энергетические, духовные составляющие, хранящиеся в сингулярности культуры. Те нации, у которых отсутствуют насыщенные богатые исторические корни: собственный язык, мифология, религия, – вынуждены жестко и агрессивно «подпитываться», обеспечивать себя ценностями и культурными достижениями других народов.

Символы – это знаки, которые не только изображают некоторый объект, но и несут в себе глубокий смысл, и при этом выражают общие идеи и понятия, связанные с толкованием этого объекта. Символ – это предмет, действие и т. п., раскрывающий какой-либо образ, понятие, идею. Символ воплощает общие для людей переживания, идеи. В истории в различные эпохи люди часто обращались к символам в культуре и искусстве. Примером может служить средневековое христианское искусство.

В Средние века особый интерес представляла устремленность человека к Богу. Поэтому вещи, окружавшие человека, интересовали художника лишь в той степени, в которой они были связаны со смыслом Священного Писания. На многих средневековых картинах изображаются чаша, виноград (вино) и хлеб – символы таинства причащения; цветы лилии или ириса – символ Богородицы. Но лилии символизировали непорочность в очень многих культурах. Это яркий пример того, что одни объекты наделялись совершенно разным смыслом в зависимости от исторического периода и раскрывали себя по-разному, но основу имели всегда общую.

Язык любой культуры своеобразен и уникален. Но во всех культурах используются схожие или идентичные виды знаков и знаковых систем. Поэтому знать их необходимо для понимания любой культуры. Каждому человеку более или менее понятен символический ряд его родной культуры.

Знаки и символы возникли не просто для обозначения жизненных явлений наших предков: традиций, ритуалов, песен, устной речи, явлений природы, а, что самое главное, для шифровки жизненных смыслов: покровительства богов, обозначения энергетических потоков, предназначения существования человека.

Чтобы понять, изучить другую культуру (не национальную, не данную от рождения) человеку, даже приложив огромные усилия, трудно достичь такого же уровня, на каком находится понимание им его родной культуры. Ибо этот человек, находясь в поле своей культуры, наделяется особым национальным менталитетом и считывает знаки своей культуры на уровне генетической культурной памяти. Поэтому знаки и символы своей национальной культуры человек легко считывает и активизирует их информационно-энергетический смысл и потенциал.

Одна из опорных знаковых систем славян – это алфавит, где все буквы в исконном виде содержат информацию и о божествах, и о способах действия, и дают понимание сути значения терминов: сила, плодородие, природные стихии. Поэтому, говоря на родном языке, русский человек оживляет произнесенные слова, и они наполняются информационно-энергетическим смыслом. Славянский язык – это язык энергий. Так, песни, предания, легенды, приметы, переведенные из устной формы в знаковую систему записи, легко хранятся и транслируются в веках. Базисные символы превращаются в большой багаж конкретной, подробной информации, накопленной на протяжении длительного времени.

Весьма неоднозначными бывают результаты взаимодействия культур, особенно если их анализировать в рамках краткосрочной ретроспективы. Оценка этих результатов – достаточно сложная процедура, поскольку еще не выработаны критерии, позволяющие говорить о безусловно положительных или отрицательных последствиях взаимодействия. Последнее утверждение нельзя отнести к тем случаям, когда одна культура начинает явно стагнировать под влиянием взаимодействия с другой и постепенно растворяется в ней, ассимилируется или исчезает без следа. Такой результат наиболее отчетливо прослеживался и в прошлой, и в сегодняшней практике на примере

культур реликтового или архаического типа, которые вплоть до наших дней сохраняются в ряде регионов, при их внезапном столкновении с культурами современного типа. Подобные культуры нередко оказываются не готовыми в сжатые сроки, быстрыми темпами освоить те сложные культурные формы жизнедеятельности, которые им навязывает более динамичное и дифференцированное культурное окружение (индустриальные и постиндустриальные культуры).

В настоящее время достаточно остро стоит проблема разрешения этого противоречия: необходимо найти такие способы адаптации подобных культур к современности, чтобы, не подрывая их внутренней сущности, попытаться сделать их контакты с современным миром менее разрушительными. Особое значение эта процедура приобретает в процессе глобализации.

Кризис культуры нельзя отождествлять с катастрофой, поскольку этот кризис имеет диалектическую природу: отвергая традиционные культурные каноны, новая культура впитывает в себя все предшествующие достижения культурного развития общества – идеалы, нормы, все прогрессивные культурные ценности прошлого. Общество развивается в режиме поиска новых условий для формирования личности как активного субъекта культуры, как творца и носителя ценностей культуры. Культура придает определённое значение человеческой деятельности и жизни, вносит в них смысл. Поэтому культуру можно представить как совокупность значений, с помощью которых люди осмысливают себя и окружающий их мир.

Причины усиления ориентации отечественной культуры на сохранение (в форме повышенного интереса к прошлому, истории) вполне закономерны и объясняются целым рядом обстоятельств: во-первых, ориентация на прошлое доминирует в любой культуре, ибо она отвечает фундаментальным потребностям человека в самосохранении, стабильности, уверенности в завтрашнем дне; во-вторых, она связана со спецификой российской культуры, её ориентацией на «вчера», чем на варианты «сегодня» или «завтра»; в-третьих, она вызвана компенсаторными возможностями механизма сохранения, его способностью восполнить утрату культурной преемственности и противостоять экспансии ценностей западной массовой культуры. Сегодняшнее отношение к прошлому выражается в повышенном интересе к отечественной истории и культуре, в массовых движениях историко-культурной и патриотической направленности, которые стремятся преодолеть кризис национально-культурной идентичности путём вrastания в систему ценностей прошлого обретения там своих духовных корней и оснований.

Безусловно, инновационная направленность культурных и научных программ сегодня необходима. Одним из ведущих противоречий, характеризующих современную социокультурную ситуацию, является разрыв между инновационным потенциалом культуры и массовой неспособностью его освоения и использования в повседневной практике. Об этом свидетельствует низкий уровень культуры производства, культуры труда, длительный период адаптации молодых специалистов на рабочем месте, растущее недовольство членов общества содержанием образа жизни и качеством жизни, плохое состояние жизненной среды (экологические разрушения, запущенные города, неудобные квартиры, неблагоустроенные рабочие места и пр.).

Следовательно, ранее сложившиеся способы освоения форм культурной жизни, относящиеся к её менее динамичному состоянию, устарели, необходим их критический пересмотр и выход на осмысление, формирование и распространение новых социально значимых культурных образцов (деятельности, поведения, отношения к природе, обществу, другим людям), соответствующих сегодняшней ситуации.

В настоящее время в различных сферах культуры (и особенно правовой, экономической, политической, информационной, производственной) накоплен значительный потенциал. Этот потенциал может быть использован во благо развития культуры, личности, общества (особенно в части инноваций, связанных с информационными технологиями), но только в том случае, если будет соответствовать специфике отечественной культуры, если его внедрению будет предшествовать этап освоения собственного культурного наследия и обретения национально-культурной идентичности. Естественная соразмерность традиционных и инновационных механизмов и процессов культурного развития обеспечивается созданием условий, как создающих предпосылки для культурных инноваций, так и поддерживающих культурную преемственность. Оптимизация культурной жизни предполагает востребованность историко-культурных ценностей, включенность их в контекст современных культурных процессов и глубокое научное исследование феноменов традиций и инноваций.

Основанием диалектического единства «традиций» и «инноваций» является отношение двух реалий (форм бытия) – традиционной и инновационной – как атрибут материального и духовного бытия общества. Таким образом, отсутствие определения традиции приводит к непониманию и природы инновации, что в современных условиях является как с теоретической, так и практической точек зрения недоработкой в анализе и изучении модернизационных процессов.

Философский уровень осмысления традиционного и инновационного в обществе требует понимания природы как явлений, качественно различных, но вместе с тем имеющих одно основание. Таким основанием является не просто социальное время, а именно будущее общества во времени. И инновация, как и традиция, обе являются формами движения социума в будущее. Без сохранения достигнутого состояния не было бы никакого прогрессивного развития. И традиция обеспечивает именно эту компоненту общественного процесса в целом, выполняя одновременно консервативную и стабилизирующую функцию, обеспечивая возможность для следующего шага общества в будущее.

Вывод. Культура служит организационным началом жизни общества, выполняет роль регулятора поведения, помогает сохранить единство и целостность общества, его взаимодействие на групповом уровне. Она выражается в социальных отношениях, направленных на создание, усвоение, сохранение и распространение предметов, идей, ценностей, обеспечивающих взаимопонимание людей в различных ситуациях и различных общностях.

Символы и знаки нельзя «расшифровать» усилием логического понимания, они неотделимы от структуры образа. Сама структура символов и знаков направлена на то, чтобы представить через единичное явление целостный образ мира. Смысл символа не дан, а задан и раскрывается в динамике его восприятия. Этот смысл нельзя разъяснить, сведя к однозначной логической формуле, а можно пояснить, соотнеся с работой всей заданной культурной системы. В разные исторические периоды человек раскодирует и делает материальными из сингулярности культуры различные коды.

УДК 141.333

А. Н. Задворнов

Муки рождения человеческого разума: от стада к обществу

В статье представлена гипотеза, в соответствии с которой причиной зарождения разума человека стала дивергенция палеоантропов и неоантропов. Гипотеза разработана на основе концепции индивидуализации советского антрополога Б. Ф. Поршнева с учетом современных научных данных. Показано, что речь и абстрактное мышление сапиенсов возникли как продукт стихийного искусственного отбора, осуществляемого палеоантропами посредством своей способности к интердикции.

При этом постулируется, что первоначально мышление неантропов было коллективным, так как исторически диалог человека с самим собой (самосознание) мог возникнуть лишь из диалога с другими людьми. Только после снижения зависимости человека от природы (через неолитическую революцию) и общества (через обоснование трансцендентного) оформляется индивидуализированный разум. Основным признаком его становления является переход отдельных социальных общностей (на рубеже 2–1-го тысячелетий до н. э.) к монотеизму.

The article presents a hypothesis according to which the divergence of paleoanthropics and neoanthropines became the cause of origin of the human mind. The hypothesis is based on the concept of individualization by the Soviet anthropologist B.F. Porshnev in accordance with modern scientific data. It is shown that speech and abstract thinking of sapiens emerged as a result of spontaneous artificial selection, carried out by paleoanthropic through their ability to interdiction.

It is postulated that originally thinking of neoanthropines was collective, because historically a dialogue with oneself (self-consciousness) could only arise from a dialogue with others. Only after reducing dependence of man from nature (through the Neolithic revolution) and the public (through the study of transcendental) an individualized mind takes shape. The main feature of its formation is the transfer of certain social communities (at the turn 2-1 millennia BC) to monotheism.

Ключевые слова: коллективный разум, индивидуализированный разум, палеоантропы, неантропы, дивергенция.

Keywords: collective mind, individualized mind, paleoanthropic, neoanthropines, divergence.

В антропологии остается открытым вопрос о механизме перехода биологической макроэволюции к рационально-духовной эволюции в сфере культуры. Имеется сложно объяснимая связь между мозгом человека и его абстрактным мышлением, самосознанием, нравственным чувством.

К основным причинам возникновения разума традиционно относят: среду, труд и коллектив. Однако при детальном рассмотрении не находится убедительных доводов, позволяющих сделать вывод о решающей роли этих факторов в эволюционном прорыве человека. Например, сложно объяснить происхождение разума человека только из приспособления к среде, то есть необходимости выживания в лесах, степях, джунглях и прочих местах обитания. Влияние среды так или иначе преодолевают все живые организмы, что, однако, не приводит к возникновению у них разума.

В современной науке преобладает мнение о том, что наши предки зародились в Африке. Затем их часть (будущие *Homo sapiens neandertalensis*) мигрировала в Европу, приобретая в ходе эволюции некоторые регионально-полезные признаки. Позже с неандертальцами столкнулась вторая волна переселенцев из Африки, которая включала в себя предков вида *Homo sapiens sapiens*. Исходя из этого подхода, именно среда сформировала отличия между неандертальцами и кроманьонцами, создав определенные регионально-полезные признаки. Возникает вопрос: какая природно-климатическая среда могла сформировать регионально-полезные признаки *Homo sapiens sapiens*? Неоантропы в физическом смысле были весьма ущербны. Они уступали палеоантропам не только в объеме мышечной массы, но и головного мозга. Ни на одном континенте нет такой среды, которая закрепляла бы недостатки особи, мешающие ее выживанию. Такое «слабое» существо, которым являлся неоантроп по сравнению с палеоантропом, не могло быть сформировано только естественным путем.

Хорошо известен и марксистский принцип о том, что труд создал человека. Под трудом Ф. Энгельс понимал целесообразную деятельность, которая начиналась с изготовления из камня, кости и дерева орудий труда. Этот тезис позволял большинству антропологов полагать, что питекантропы, синантропы и неандертальцы относятся к типу «человек», а их объединения определяются в качестве социальных образований. Основным аргументом в пользу человеческой природы архантропов и палеоантропов являлась их способность производить орудия труда. Однако орудия труда изготавливает и использует не только человек. Известны примеры изготовления орудий труда (обработка предметов, которые затем используются в качестве орудий) высшими приматами, например шимпанзе. «К таким наблюдениям относятся описанные Лавик-Гудолл случаи извлечения термитов из их построек с помощью веточек или соломинок или собирания влаги из углублений в стволе дерева с помощью жеваного комка листьев. В действиях с веточками наибольший интерес представляет то обстоятельство, что, прежде чем пользоваться ими как орудиями, шимпанзе (как в описанных ранее опытах Ладыгиной-Котс) отламывают мешающие листья и боковые побеги» [1].

Существует масса примеров использования орудий труда не приматами. Например, морские выдры применяют камни для вскрытия раковин моллюсков. «Рыбы-брызгуны направляют струйки воды на находящуюся на суше жертву, с тем чтобы сбросить ее в воду, где ее можно будет изловить. Разные виды птиц используют прутья или колючки кактусов для извлечения насекомых из коры или других недоступных мест. Сообщалось о том, что некоторые птицы разбивают яйца других птиц, сбрасывая на них камни, а затем выедают содержимое» [2].

В этой связи представляется не верной абсолютизация фактора труда. Следует предположить, что архантропы и палеоантропы скорее выступали переходным звеном от человекообразной обезьяны к человеку.

Наконец, третьей причиной возникновения разума называют коллектив и, в частности, коллективные действия на охоте. Большинство антропологов считают, что первоначальным человеческим коллективом являлось первобытное человеческое стадо, существовавшее в период нижнего и среднего палеолита. «Антропологически эта эпоха представляет собой время существования формирующихся людей: питекантропов, синантропов и неандертальцев» [3].

Заметим, что в коллективе в отличие от стада ограничено или устранено действие естественного отбора. Объединения палеоантропов, в сущности, не являлись социальными группами, то есть коллективами. Во-первых, современные данные свидетельствуют о том, что палеоантропы были каннибалами. Сильные поедали слабых. Действовал принцип естественного отбора. Только *Homo sapiens sapiens* благодаря разуму смог ограничить действие принципа естественного отбора, что дало начало истинному человеческому коллективу. Во-вторых, объединения неандертальцев были малочисленны и нестабильны. Наблюдался стадный характер взаимодействия между особями. В-третьих, у неандертальцев не было эволюционной предпосылки, позволявшей бы преодолеть жесткую детерминацию законов природной системы. В противном случае неандертальцы в ходе эволюции стали бы *Homo sapiens sapiens* и были бы нашими прямыми предками. Однако современные исследования убедительно доказывают, что кроманьонцы и европейские неандертальцы принадлежали к разным биологическим видам [4].

На наш взгляд, некорректно называть первобытное человеческое стадо коллективом. Скорее оно являлось протоколлективом или протообщиной. Коллектив же явление не стадное, а социальное. Поэтому он явился скорее не причиной, а в большей степени взаимообусловленным по отношению к разуму явлением.

Теперь мы вплотную подошли к разрешению задачи нашего анализа древнейшей истории человечества. Что же следует считать ведущей причиной зарождения разума человека и общественного сознания?

По нашему мнению, таковой причиной является речь, через которую развивались абстрактное мышление и социальность сапиенсов. В свою очередь речь возникла вследствие дивергенции палеоантропов и неантропов. Эта идея восходит еще к концепции советского исследователя Б. Ф. Поршнева. Его изыскания в полном объеме стали доступны широкому научному сообществу только в 2007 г. после публикации его работы «О начале человеческой истории» [5].

Современные данные антропологии свидетельствуют о том, что палеоантропы (неандертальцы) мало занимались охотой, а питались падалью и широко практиковали каннибализм. С этим соглашаются большинство современных антропологов. Б. Ф. Поршнев полагал, что палеоантропы вовсе не охотились. Неандертальцы поедали не только представителей своего вида, что встречается и в животном мире и называется адельфофагией, но и более слабых особей, пришедших в места обитания неандертальцев и являвшихся предками неантропов (гейдельбергский человек). Последние существенно уступали по своим физическим данным и, будучи покорены палеоантропами, стали источником мяса. Предки сапиенсов должны были не только выступать кормовой базой, например, отдавая часть своего приплода, но и охотиться для палеоантропов.

Так была сбита эволюционная программа. В природе нет такого типа взаимодействия, в котором один вид осуществляет стихийный искусственный отбор и специально выращивает свою кормовую базу, а второй вид с целью выживания отдает свой приплод и добывает для первого вида пропитание.

Неандертальцы вывели неантропов, опираясь на свою способность к интердикции. Она позволяет, вызывая один рефлекс, блокировать другой. Например, поскольку палеоантропы не охотились, а питались остатками пищи животных, они научились привлекать одних хищников для отпугивания других хищников, вынуждая первых оставить добычу. В данном случае у хищника голод и иные рефлекторные проявления перекрывались страхом, то есть защитные рефлексы (удаление от раздражителя) превосходили пищевые.

Механизм интердикции палеоантропы использовали и в отношении неантропов, приучив их к покорности, выработав в них иерархический рефлекс подчинения. Интердикция, в основе которой находится бидоминантная модель, усиливала у неантропов рефлекс страха, тем самым тормозя рефлекс агрессии. Действительно, эти рефлексы имеют очень близкую химическую природу, связанную с выбросом адреналина. При этом усиление одного рефлекса тормозит другой. Вместе с тем связь между ними диалектическая. Страх в своих кульминационных точках способен порождать агрессию, и, наоборот, в пиках агрессия вызывает страх за собственное существование.

Выскажем гипотезу, что развитие большелобости сапиенсов было обусловлено, в частности, воздействием гормона страха на неокортекс. Перефразируя классика, можно сказать, что страх сделал из обезьяны человека. Он же стимулировал развитие речи, которая становится у сапиенсов своеобразной сублимацией страха и его ограничителем. Кроме того, речь – это инструмент выхода неантропов из-под зависимости от палеоантропов. Посредством речи устанавливались контакты между сапиенсами, что создавало условия для роста их социальности. Вместе было проще выжить, победить страх и противостоять троглодитам. Предсловесное и словесное воздействие (суггестия) неантропов друг на друга помогало им преодолеть защитные инстинкты и восстать против своих палачей. Развитие умения не подчиняться палеоантропам, говорить «нет» (контрсуггестия) стало важнейшим фактором эволюционного прорыва. Если суггестия была нужна для «обработки» неантропами своего вида, то контрсуггестия требовалась для противодействия навязываемых троглодитами моделей поведения. Простейшими формами контрсуггестии были уклонение от слушания, передразнивание, молчание и, наконец, прерывание коммуникации. Именно отсюда возникает и глоттогония (множественность языков). Для прерывания коммуникаций с иными (опасными) группами требовались слова, непонятные представителям других сообществ. Язык есть первичный маркер различения чужих и своих в первобытном обществе.

Способность сапиенсов к контрсуггестии позволила им совершить против каннибалов палеоантропов революцию, которая переросла в длительное противостояние. Эволюционно этот процесс занял тысячелетия. «В ходе исследований человеческих останков из израильских пе-

щер Схул и Кафзех выяснилось, что эти пещеры несколько раз “переходили из рук в руки”: до 130 тыс. лет назад там жили неандертальцы. Между 130 и 80 тыс. лет – кроманьонцы. Между 65–47 тыс. лет – снова неандертальцы, затем вновь люди современного типа. Вероятно, первая попытка кроманьонцев закрепиться в этом районе закончилась неудачей, что свидетельствует о паритете двух групп людей в технологиях. Учёные предполагают, что движущей силой мог быть климат, изменения которого накладываются на смену популяций первого человека: при похолоданиях одерживали верх неандертальцы, при потеплениях – более теплолюбивые кроманьонцы» [6]. На наш взгляд, победа в этом противостоянии *Homo sapiens sapiens* обусловлена не столько климатическими факторами, сколько развитием у них речи и социальности. Именно они позволили неантропам одолеть более развитых в физическом смысле палеоантропов.

Преодолев детерминацию биологических регуляторов, неантропы стали способны к творческому конструированию социальных отношений. И если в прямых военных действиях неандерталец благодаря своей силе превосходил бы кроманьонца, то в столкновении «социально-стей» палеоантропы явно уступали.

Если сапиенс мог усмирять свои страсти и объединяться в большие (по несколько десятков и даже сотен человек) дисциплинированные группы, то неандерталец был практически не способен к сознательному саморегулированию, а потому проявлял повышенную асоциальность, провоцируя взаимные антагонизмы. Это обстоятельство и не позволяло палеоантропам сформировать большие организованные коллективы. Успехи неантропов лишили троглодитов основного источника мяса, что и обусловило начало эпохи заката палеоантропов, их вымирание.

Таким образом, встреча неандертальцев и предков неантропов произошла в эпоху мустье (100 тыс. – 40 тыс. лет назад). В этот период протекало противостояние палеоантропов и формирующихся неантропов. К концу эпохи мустье возник коллективный человеческий разум неантропов, определивший их победу в этом противостоянии. В период позднего палеолита и мезолита шел процесс индивидуализации разума, который завершился посредством неолитической революции. Ключевым признаком появления индивидуального сознания *Homo sapiens sapiens* в эпоху неолита явилась первая контрконтрсуггестия. В истории человечества ею стал монотеизм, появившийся на рубеже 2–1 тысячелетия до н. э. Монотеизм определил новый этап развития цивилизации, закрепив в качестве доминанты трансцендентный, сверхъестественный мир высшей сущности. Человек получил опыт преодоления преобладающей в то время мифологической доктрины и системы верований. Впервые произошло ментальное отделение субъекта от лидирующей в обществе системы взглядов. Это событие завершило переход от коллективного к индивидуализированному разуму и, в сущности, стало временем рождения современного человека.

Начиная с этой эпохи человечество развивалось в рамках противостояния двух сил: разумной и людоедской. Вторая сила продолжала существовать в разных формах, сводимых как к физическому уничтожению человека (например, в войнах или репрессиях), так и к его духовному уничтожению, посредством насаждения изуверских, античеловеческих ценностей. В эпоху современного антропологического кризиса важно помнить, что разум человека рождался в муках как преодоление страха перед людоедством (в самых разных его проявлениях) и человек разумен именно настолько, насколько он противостоит духовному и физическому уничтожению себе подобных.

Примечания

1. Фабри К. Э. Основы зоопсихологии. М.: Российское психологическое общество, 1999. С. 170.
2. Использование орудий животными // Биофайл. URL : <http://biofile.ru/bio/2612.html>
3. Советская историческая энциклопедия: в 16 т. Т. 10. М.: Сов. энцикл., 1967. С. 1005.
4. The Neandertal Adolescent Le Moustier 1. New Aspects, New Results / H.Ullrich (Ed.). Berliner Beitrage zur Vor- und Fruhgeschichte, N. F., Bd. 12. Berlin, 2005. 354 p.
5. Поршнева Б. Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. СПб.: Алетейя, 2007. 714 с.
6. Harder B. Did Humans and Neandertals Battle for Control of the Middle East? URL: http://news.nationalgeographic.com/news/2002/03/0305_0307_neandertal.html

Notes

1. Fabri K. E. *Osnovy zoopsihologii* [Fundamentals of zoopsychology]. M. Russian psychological society. 1999. P. 170.
2. *Ispol'zovanie orudij zivotnymi* – Tool use by animals // Biofile. Available at: <http://biofile.ru/bio/2612.html> (in Russ.)
3. *Sovetskaya istoricheskaya ehnciklopediya* – Soviet historical encyclopedia: in 16 vol. Vol. 10. M. Sov. Encyclopaedia. 1967. P. 1005.

4. The Neandertal Adolescent Le Moustier 1. New Aspects, New Results / H.Ullrich (Ed.). Berliner Beitrage zur Vor- und Fruhgeschichte, N. F., Bd. 12. Berlin, 2005. 354 p.

5. Porshnev B. F. *O nachale chelovecheskoj istorii. Problemy paleopsihologii* [About the beginning of human history. Problems of paleopsychology]. SPb. Aletheia. 2007. 714 p.

6. Harder B. Did Humans and Neandertals Battle for Control of the Middle East? Available at: http://news.nationalgeographic.com/news/2002/03/0305_0307_neandertal.html

УДК 101.1:510.2

Н. В. Михайлова

Системно-методологический подход к проблеме обоснования математики

В статье обосновывается тезис о необходимости системно-методологического подхода к проблеме обоснования современной математики. Суть такого подхода состоит в переводе проблемы обоснования математики с логического на методологический уровень с учетом раскрытия генезиса основных направлений обоснования как системы и экспликации недостаточности их методологических предпосылок. С точки зрения методологии обоснования современной математики системно-методологический подход представляет собой философски развернутый процесс восхождения от абстрактного к практически реализуемому обоснованию действующих направлений математики. Философскую основу системной методологии в обосновании математических теорий составляют системообразующие факторы, с помощью которых выявляются связи структуры построения системы как целого и системы как взаимоотношения ее элементов. Многообразии системных моделей, разрабатываемых в философии науки, которые можно использовать в обосновании математики, выдвигает актуальную проблему синтеза направлений обоснования, что в свою очередь ставит системную методологию в проблемную ситуацию.

The article explains the thesis of the need of system and methodological approach to the problem of substantiation of contemporary mathematics. The essence of this approach is to transfer the problem of substantiation of mathematics from the logical to the methodological level taking into account the disclosure of the genesis of the main directions of substantiation as a system and explication of the insufficiency of their methodological assumptions. From the standpoint of methodology of substantiation of contemporary mathematics, system and methodological approach is philosophically detailed process of ascent from the abstract to the practically realizable substantiation of the existing areas of mathematics. The philosophical basis of system methodology in the substantiation of mathematical theories consists of the backbone factors by which the communications of structure of construction of the system as a whole and the system as a relationship of its elements are identified. A variety of system models developed in the philosophy of science, which can be used in the substantiations of mathematics, raises actual problem of the synthesis of current trends of substantiations, which in its turn puts the system methodology in problem situation.

Ключевые слова: философия математики, системно-методологический подход, современная математика, проблема обоснования, синтез.

Keywords: philosophy of mathematics, system and methodological approach, contemporary mathematics, the problem of substantiation, synthesis.

Развитие современной математики объективно обусловлено следующими движущими силами: «внешней», которая связана с необходимостью решения математическими средствами практических задач естествознания, и «внутренней», которая вытекает из методологической необходимости систематизировать найденные математические решения, которые с точки зрения их взаимодействия трудно разграничить, поскольку в историческом процессе развития математического знания то одна, то другая движущая сила выдвигались на передний план математического познания. Эти два направления развития в некотором приближении традиционно условно обозначают как прикладное и теоретическое. Методологический подход к проблеме обоснования математики, рассматриваемый в этом исследовании, предполагает уход от жесткой дихотомии «внутреннее – внешнее». Это по-своему способствует выявлению нового философского пространства для решения проблемы обоснования, используя инструментальные средства математического познания. В связи с этим, как отмечает философ математики В. Я. Перминов, «вопрос о возможности полного обоснования математики остается до сих пор не решенным и большая до-

ля неопределенности идет здесь от неопределенности философских установок» [1]. Актуальность проблемы обоснования математических теорий определяется внутридисциплинарными факторами, прежде всего необходимостью осмысления механизмов, обеспечивающих целостность математического знания в условиях нарастающего разнообразия путей его приращения, например в области компьютерной математики. Практическая востребованность такого рода философского анализа обусловлена значимостью методологического обеспечения современных междисциплинарных исследований, включая совершенствование используемого в этих исследованиях математического аппарата.

Но, говоря об обосновании современной математики, надо осознавать, что существует «постоянный разрыв» между различными проблемами, которые обсуждаются в рамках философии математики, и актуальным состоянием самого математического знания. Многие философские вопросы обоснования остаются теми же, а математика развивается и меняется. Можно выделить три подхода к обоснованию математики: онтологический, логико-гносеологический и системно-методологический, которые можно рассматривать как различные формы рефлексии в философии математики, развитые философами, логиками и математиками. Онтологические основы математики реализуют представления о природе математической реальности как предмета исследования различных математических теорий, а онтологический подход связан с экспликацией непротиворечивых математических теорий, исходя из онтологической истинности их оснований и несомненной истинности их принципов, что в свою очередь требует философского и методологического прояснения понятия математической истинности. Онтологический аспект специфики математики проявляется еще в том, что в ее абстрактных структурах содержатся базисные интуиции математического понимания, которые синтезируются в составе математических теорий и структур, а самоочевидность исходных математических представлений – это признак онтологической значимости этих представлений.

Заметим, что логико-гносеологический подход предполагает снятие неоправданных запретов на исходные принципы и логику редукции программ обоснования, выдвинутых в начале прошлого века, через рационализацию их гносеологических допущений. Наконец, системно-методологический подход можно рассматривать как новый путь к обоснованию математики на основе идеи развития математических теорий, поскольку междисциплинарный инструментализм системности позволяет взглянуть на задачу обоснования математики с разных областей математического знания. С точки зрения методологии обоснования современной математики именно системно-методологический подход представляет собой философски развернутый процесс восхождения от абстрактного к практически реализуемому обоснованию. Аргументировать необходимость системной методологии или системно-методологического подхода к проблеме обоснования современной математики можно следующим образом. Основу системной методологии в обосновании составляют системообразующие факторы, с помощью которых выявляются связи структуры построения системы как целого и системы как взаимоотношения ее элементов. В частности, она включает в себя системный подход, философский принцип системности и системный стиль мышления. Системную составляющую системной методологии отличает акцентирование математики как системы специального вида с артикулированием сложности ее теорий. Методологическая составляющая системно-методологического подхода к обоснованию современной математики состоит в исследовании методологии математического познания, соотношения между различными методами познания, а также в определении сферы их математической эффективности и практической применимости.

Системность научного знания состоит в системном характере научно-теоретического знания и в превращении ее в философско-методологическую проблему. Методологическая составляющая, преодолевающая гносеологический пласт вопросов, задана в системном движении философии науки с начала его возникновения. Хотя на всех исторических этапах интерпретации системности математического знания рассмотренные подходы к обоснованию выступают в философском единстве, но один из них, в контексте проблемы обоснования математики, в определенный период становился главенствующим. Но в чем конкретно состоит и выражается методологическая природа системного подхода? Например, по мнению философа науки Э. Г. Юдина, «методологическая ценность этого направления состоит прежде всего в том, что оно содержит и в развернутой форме выражает требование нового, по сравнению с предшествующими, подхода к объекту изучения. Этот момент очень важно подчеркнуть: системный подход сам по себе как таковой не дает решения проблемы непосредственно, он является орудием новой постановки проблем» [2]. С точки зрения анализа проблемы обоснования математики детализация методологических функций, выполняемых системным подходом, связана с его двойственной сущностью в научном познании. С одной стороны, системный подход представляет собой общенаучную мето-

дологию, которая развивается под воздействием потребностей научного мышления в целом. С другой стороны, методологическая эффективность системного подхода, не представляющего специально-научную методологию, все же измеряется тем, в какой мере он способствует реальному развитию конкретных предметов исследования.

Применение математических методов для обоснования решений в различных областях человеческой деятельности требует обоснования самой математики, для чего необходим системный подход ко всем стадиям этого процесса, способствующий выявлению новых методологических решений в проблеме обоснования современной математики. Все это непосредственно относится к проблеме обоснования математики. Многообразие системных моделей, которые можно использовать в обосновании, выдвигает новую актуальную проблему синтеза, что в свою очередь ставит системную методологию в проблемную ситуацию. Синтез направлений обоснования математики оборачивается задачей интеграции целей математики как науки, которые оказываются функциями либо системной организации самой математики, либо социокультурных запросов общества, либо ее практического применения, то есть функцией системно-методологической, а не логико-гносеологической. При этом может возникнуть двойственность толкования в зависимости от того, с каких позиций ведется рассмотрение. Поэтому работы в области системного анализа затрагивают одновременно весь спектр онтологических, гносеологических и методологических аспектов, не прибегая к их четкому разграничению. С точки зрения обоснования математики вопрос заключается не только в том, является ли математическое знание системным образованием, а еще и в том, как понимать эту системность в контексте философской проблемы обоснования.

Системно-методологический подход, используемый в анализе проблемы обоснования, можно рассматривать как новый путь к обоснованию современной математики на основе идеи эволюции и развития математических теорий. Системная методология претендует на философскую универсальность специального рода. Она проявляется в том, что системный подход к объекту исследования, по существу, тождественен его целостности, выявление которой не может быть ограничено одним типом связей, а охватывает всю их совокупность по отношению к данному объекту. Для конкретизации этого положения необходимо учитывать следующие обязательные признаки системы обоснования: наличие не менее двух элементов системы, взаимосвязь между ними, соответствующая качественная определенность. Но если мы хотим понять систему и быть в состоянии предсказывать ее поведение, то необходимо изучить ее в целом, поскольку при разделении ее на части могут разрушиться связи и, следовательно, сама система. Проблема реализации системного подхода предполагает изучение явления в различных аспектах. Среди них можно выделить следующие философские аспекты: «системно-компонентный аспект», в рамках которого выявляются направления обоснования или компоненты системы; «системно-структурный аспект», предполагающий рассмотрение системы обоснования с точки зрения межкомпонентных взаимосвязей; «системно-интегративный аспект», актуализирующий исследование интегративного качества в функционировании сложной системы обоснования математического знания.

Системная методология в проблеме обоснования математики эксплицирует также самоценность современных математических методов в контексте углубления философского понимания математического взгляда на мир действительности. Соответственно, под «принципом системности» в обосновании математики понимаются новые идеи, концепции и теории, удовлетворяющие некоторой философской парадигме, позволяющие в своей совокупности и взаимосвязи раскрыть методологическую целостность математического знания и способствующие философскому анализу реального становления математики на данном этапе развития науки [3]. Новая методология обоснования строится через критику строго номиналистического построения математики и абстрагирования от свойств реального мира, через оправдание части теоретической математики, связанной с опорой на онтологическую истинность. Следует отметить, что системная методология видоизменяет философские взгляды и на проблему целостности объектов исследования, поскольку системный подход дополняет изучение целостности анализом внутренней дифференциации систем.

Заметим, что появление системной методологии в философии науки связано с выработкой специальной исследовательской программы. Объясняющая функция системной методологии строится не на причинно-следственных связях, а на системных закономерностях. Они могут реализовываться как с помощью индуктивного объяснения, которое сводится к обобщению эмпирической информации, так и на основе дедуктивного объяснения, которое строится на выдвижении соответствующих гипотез. Системное мышление – это привычка мыслить так, чтобы видеть целостную картину, опираясь на теоретические модели и целостное интуитивное видение слож-

ных объектов и предположений о связях объектов. Но остается открытым важный вопрос: насколько реализуема концепция обоснования, удовлетворяющая обозначенным аспектам системности? Ответить на это, несмотря на подробный философский и методологический анализ проблемы обоснования, можно только одним способом – создать философскую концепцию. Хотя это может занять много времени, при этом не исключено, что, учитывая темпы развития математики и ее внешние и внутренние связи, результат может оказаться далеким от идеала. Объекты современной математики, «теоретическое ядро» которой составляют алгебра, топология, теория функций и функциональный анализ, образуют некоторую операционную систему. Поэтому современная математика выступает, а не произвольно рассматривается в философии математики, как сложная система. В такой системе операционные качества позволяют совершать действия над идеальными объектами математики, несмотря на их практическую недостижимость.

Традиционный подход к обоснованию математики опирался на структурное или формальное представление математической теории, соответствующее постановке проблемы обоснования. Базовым понятием системного подхода к проблеме обоснования остается понятие структуры, характеризующее специфику системного подхода и его организации. Структура задает способ связи различных элементов в системе как со стороны анализа свойств составляющих ее элементов, так и со стороны изучения целостных свойств системы. Развитие системных исследований повлияло на способы интерпретации направлений обоснования математики, которые можно рассматривать как составляющие элементы системы обоснования, реализующей общую концепцию обоснования современной математики, где под элементами понимаются направления, обладающие определяющими для системы обоснования свойствами и составляющие основу этой системы. По мере развития математики обнаруживается также недостаточность философских представлений о различных «противоборствующих» направлениях обоснования современной математики при анализе математической реальности, само существование которых изначально взаимно обусловлено, поскольку целостные свойства оказываются в зависимости от вида и типа особенностей структурных взаимоотношений.

Чем еще можно аргументировать необходимость системной методологии в обосновании математики? При ответе на этот принципиальный вопрос сошлемся на мнение известного математика А. А. Ляпунова: «Складывается впечатление, что имеется глубокое родство между аксиоматическими подходами к изучению множеств и системным подходом к изучению больших систем. И там и здесь имеется иерархическая конструкция, с помощью которой вся система объектов, подлежащих изучению, формируется из некоторых исходных элементов» [4]. В действительности уже даже на ранней стадии вызревания теорий просматривается глубинная связь, когда на этапе формирования аксиом в математике сознательно или бессознательно используется системный подход. Если бы математика не применяла системный подход на начальной стадии, то она не перешла бы к теоретико-множественному подходу на последующей, поскольку только когда аксиомы сформулированы, то тогда в математике начинает господствовать теоретико-множественный подход. При ретроспективном анализе математических доказательств формальная составляющая, точнее, когнитивная сила дедуктивных выводов, создает иллюзию автоматического вывода математических доказательств, в которых каждый последующий шаг неизбежно следует из предыдущего, обеспечивая концептуализацию нового знания в уже сложившейся системе понятий. Характерными признаками систем математики являются сложная структура и сложное поведение с разнообразными связями, организованные в единое целое и составляющие целостное образование.

Поскольку с точки зрения математической практики ни направление формализма, ни направление интуиционизма не являются подлинно репрезентативными для обоснования математики, то наиболее употребительный методологический подход при экспликации структуры обоснования всего комплекса математического знания – это, во-первых, вложение исследуемых направлений обоснования в более богатую структуру, а во-вторых, включение в систему обоснования математики объекта, который имеет перспективы для его реализации в будущем. Поэтому философско-методологический анализ проблемы обоснования современной математики позволяет оправдать такое допущение, поскольку нельзя понять логику становления системы математических понятий без гипотетического допущения возможной модели «будущей потребности». Кроме того, системно-методологический подход не требует жесткого выделения более надежной части теоретической математики, что освобождает его от неизбежного субъективизма, связанного с таким выделением. В частности, философская суть подхода к обоснованию состоит в переводе проблемы обоснования математики с логического на методологический уровень. Системная методология привязывает отдельные направления обоснования математики к познанию целого, точнее, целостной концепции обоснования.

В заключение необходимо отметить, что системно-методологический подход к обоснованию современной математики более абстрактен, чем логико-гносеологический, поскольку он не предполагает никакой редукции. Как при этом согласовать веру в истинность математических аксиом и принципов с идеальными математическими абстракциями? Ответ на этот вопрос связан с анализом целостной природы математических объектов. Как справедливо отмечает математик и философ математики Е. М. Вечтомов, «феномен математики состоит в том, что она сама по себе образует автономную специфическую форму познания, включающую структурный анализ бытия, его формальное воспроизведение, дедуктивно-модельный способ обретения точного знания» [5]. Философско-методологический анализ несостоятельности предыдущих установок на обоснование математики показывает, что эта проблема нуждается сегодня в постановке на принципиально иной основе, например с помощью философско-методологического синтеза направлений обоснования. Философская значимость синтеза состоит в том, что в преломлении к проблеме обоснования в целом он раскрывается через понятия целостности, суммативности и единства, а сами математические теории тоже можно рассматривать как специфические самоорганизующиеся системы, восходящие к такой стадии зрелости, когда теории свободны от внутренних противоречий.

Примечания

1. *Перминов В. Я.* Метафизика и основания математики // Метафизика. Век XXI. Альманах. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2011. Вып. 4: Метафизика и математика. С. 443.
2. *Юдин Э. Г.* Методологическая природа системного подхода // Системные исследования. М.: Наука, 1973. С. 43.
3. *Михайлова Н. В.* Философско-методологический анализ проблемы обоснования современной математики: монография. Минск: МГВРК, 2013. 552 с.
4. *Ляпунов А. А.* В чем состоит системный подход к изучению реальных объектов сложной природы? // Системные исследования. М.: Наука, 1972. С. 16.
5. *Вечтомов Е. М.* Математика как исследование границ научного познания // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 4. С. 9.

Notes

1. *Perminov V. Ja.* Metafizika i osnovanija matematiki [Metaphysics and foundations of mathematics] // Metaphysics. Century XXI. Almanac. M.: BINOM. Knowledge laboratory, 2011. Issue 4: Metaphysics and mathematics. pp. 441–461.
2. *Judin Je. G.* Metodologičeskaja priroda sistemnogo podhoda [The methodological nature of system approach] // System Research. M.: Nauka, 1973. pp. 38–51.
3. *Mihajlova N. V.* Filozofsko-metodologičeskij analiz problemu obosnovanija sovremen-noj matematiki: monografija [Philosophical and methodological analysis of the problem of substantiation of contemporary mathematics: monograph]. Minsk: MSHRC, 2013. 552 p.
4. *Ljapunov A. A.* V chem sostoit sistemnyj podhod k izucheniju real'nyh ob#ektov slozhnoj prirody? [What is a system approach to the study of real objects of the complex nature?] // System Research. M.: Nauka, 1972. pp. 5–17.
5. *Vechtomov E. M.* Matematika kak issledovanie granic nauchnogo poznanija [Mathematics as an investigation of the boundaries of scientific knowledge] // Vestnik of the Vyatka State Humanitarian University. 2015. No. 4. pp. 6–14.

Социалисты-революционеры в эмиграции о проблемах партийной истории (1920–30-е гг.)*

В статье рассматриваются трактовки истории партии социалистов-революционеров, данные самими эсерами в заключительный, эмигрантский период их существования. Характеризуются особенности эсеровской эмиграции после октября 1917 г., ключевые моменты ее формирования и развития. Отмечаются неоднократные попытки написания партийной истории, внимание к этому вопросу видных деятелей партии. Выделяется анализ проблем партийной истории во время полемики вокруг судебного процесса 1922 г. над лидерами ПСР, а также на конференции пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. Исследуются основные подходы эсеров-эмигрантов к деятельности партии в 1917–1920 гг., период революции и Гражданской войны, выделяются причины неудач ПСР в политической борьбе. Подчеркивается влияние эсеровских оценок на последующее развитие зарубежной историографии.

The article discusses the interpretation of the history of the party of socialist revolutionaries, data by the SRS in the final, the emigrant period of their existence. Characterized by the features of the socialist revolutionary emigration after October 1917, the key moments of its formation and development. Marked by repeated attempts of writing party history, attention to the issue of eminent party members. Outstanding issues in the analysis of party history during the controversy surrounding the trial of 1922 over the leaders of the PSR, as well as at the conference of the Prague group of the party of socialists-revolutionaries 1931. Approaches were investigated SR-emigrants to the activities of the party in 1917–1920, the period of revolution and civil war, highlighted the reasons for the failures of the PSR in the political struggle. Underscored the revolutionary impact of evaluations on the subsequent development of foreign historiography.

Ключевые слова: партия социалистов-революционеров, эмиграция, революция, Гражданская война, историография.

Keywords: the party of socialists-revolutionaries, emigration, revolution, civil war, historiography.

С первой половины 1920-х гг. основная деятельность партии социалистов-революционеров протекала в эмиграции. В Советской России оставались разрозненные подпольные группы, подвергавшиеся постоянным преследованиям. Несмотря на то, что руководство ПСР крайне отрицательно относилось к наличию значительной эсеровской эмиграции, за границей после октября 1917 г. в конце концов оказалось довольно много видных деятелей ПСР, в том числе В. М. Чернов, Н. Д. Авксентьев, Е. К. Брешко-Брешковская, М. В. Вишняк, В. М. Зензинов, Е. Е. Лазарев, О. С. Минор и др.

В то же время формирование эсеровской эмиграции после октября 1917 г. имело свои особенности. В отношении членов ПСР (в отличие от социал-демократов меньшевиков), как правило, не практиковались высылки за границу. ЦК ПСР, избранный на последнем IV съезде партии (ноябрь – декабрь 1917 г.) [1] практически полностью был арестован и осужден на известном процессе 1922 г. Из 20 членов ЦК только трое – В. М. Чернов, В. М. Зензинов и Н. С. Русанов – сумели эмигрировать, из 5 кандидатов в члены ЦК – только один (В. В. Сухомлин). Таким образом, возможность легальной эмиграции с территории Советской России для эсеров практически отсутствовала. Преимущественно они покидали страну с территорий, контролируемых антибольшевистскими правительствами (В. М. Зензинов, Н. Д. Авксентьев, А. А. Аргунов, Е. Ф. Роговский и др.), часть уехала нелегально.

Эсеровская эмиграция оставила большое идейно-теоретическое наследие, в том числе мемуарные и исторические работы (многие из которых не опубликованы), непредвзятое изучение

которых представляет немалый научный интерес. Это касается не только творчества В. М. Чернова, но и целого ряда других социалистов неонароднического толка. За более чем тридцать лет существования правозсеровского зарубежья (до середины 1950-х гг.) на свет появилось великое множество изданий, составивших один из самых больших эмигрантских комплексов [2]. Как отмечает В. Л. Кожевин, «для авторов, волею судеб эмигрировавших из России, безусловно важна была психологическая компенсация, возможность какой-либо предоставляло обращение к пережитому» [3].

С другой стороны, работа над историей партии представлялась и как важный элемент объединения имеющихся партийных сил, сплочения эмиграции. Весьма характерно мнение по этому поводу эсеровского ветерана О. С. Минора, подробно высказанное в его переписке с другим известным деятелем ПСР – С. П. Постниковым. 7 января 1930 г. Минор пишет Постникову в Прагу: «На днях получил Ваше письмо о Вашем соглашении с Василием Васильевичем о подготовке истории п[артии] с[оциалистов] р[еволюционеров]. Что до меня, то могу лишь приветствовать принятое вами решение. Необходимость такого труда вытекает, конечно, не только из того, что роль партии извращается историками, непосредственными участниками революции, которые всякий на свой салтык ее излагает, глядя на события только из своего угла, как это сделал Миллюков, Мартов в своей истории Общественных движений, и даже Керенский, не говоря уже о Суханове, Теодоровиче и других, но и потому, что, будучи изложена партийными людьми, может быть удастся наметить и то, что надо будет делать в ближайшем будущем нашей партии, если жизнь нас вновь как-нибудь вытолкнет на арену истории. И вот это последнее мое соображение делает меня энтузиастом Вашего предприятия. Но есть и еще одно соображение: может быть, создание истории нашей партии СОВМЕСТНЫМИ усилиями всех социалистов-революционеров создаст новую возможность более мирной и толковой между нами жизни и работы» [4]. Проект еще обсуждался некоторое время, но не был осуществлен, как и другие попытки написать историю партии.

Работы о революции и Гражданской войне в подавляющем большинстве носили мемуарный характер. Собственно исторических исследований, вышедших из-под пера правых эсеров, практически не было. В то же время этот вопрос обсуждался в партийной среде, и неоднократно. Мешало отсутствие средств – так, А. Р. Гоц писал В. М. Чернову 2 февраля 1922 г., что «когда создаешь, что проживаешь последние гроши, невольно начнешь сугубо взнуздывать свои устремления. Такие вещи, как Вещичка об “Учр[едительном] соб[рании]” или “история п.с.-р.”, сейчас нам не по карману» [5].

Вновь эта тема была поднята в 1925 г., когда Заграничная Делегация ПСР в письме Центральному бюро отмечала, что «здесь выходит много историческ[ой] литературы, касающейся только что прожитой нами эпохи. Единственно только мы ничего серьезного не делаем в этом отношении. Много ведь и б[ольшевик]ки выпускают в этой области. Для исправления этого пробела мы предполагаем выпускать “Историч[еский] сборн[ик]”. Подготавливаем № 1. Мы не можем выпускать здесь сборники, посвященные какой-либо эпохе, одному вопросу истории – с[оциалисты]-р[еволюционеры] и б[ольшевик]ки, сиб[ирская] эпопея и т[ак] д[алее]. Недостает многих участников каждого из периодов. Поэтому решили № 1 составить примерно так, чтобы каждый писал о том, что лучше знает: политика м[инистерств]ва земледелия в 1917 г.; подготовка и работа Учр[едительного] соб[рания]; Уфимское и Челяб[инское] совещания; наша политика на Дальнем Востоке; Закавказье в 1917 г.; Комуч; война и с[оциалисты]-р[еволюционеры]; предфевральские дни; большев[ики] в Финляндии; гор[одская] Петр[оградская] дума и Корнилов. Во всех этих статьях должна указываться наша политика, наша позиция. Примите и вы участие» [6]. Предполагались и исследовательские статьи. В данном случае средства у заграничных эсеров имелись, но помешали, очевидно, иные обстоятельства. В 1928 г. в Париже на заседании II съезда Заграничных организаций ПСР С. П. Постников в докладе о деятельности Заграничной Делегации партии с горечью отмечал: «Партийный архив находится в полной сохранности в надежном месте, под замком. Богатейший архив, который, к сожалению, никем не разрабатывается» [7].

Свою концепцию истории партии эсеров после Октябрьской революции представила в 1922 г. Заграничная Делегация ПСР. Причиной этому послужила широкая антиэсеровская кампания, развернутая в Советской России весной и летом 1922 г. вокруг судебного процесса над ЦК ПСР и партийными активистами. Заграничные эсеры уже 7 марта 1922 г. создали в Берлине комиссию по ведению кампании в связи с процессом в Москве [8]. Среди многочисленной печатной продукции, изданной Заграничной Делегацией, выделяется сборник «Двенадцать смертников», в приложении к которому правые эсеры представили очерк истории ПСР после Октябрьской революции [9]. Он стал своеобразным ответом на обвинения в адрес социалистов-революционеров, прозвучавшие в Москве.

Эсеры предъявили большевикам контробвинения и категорически отрицали свою вину в инкриминируемых им преступлениях. Большевики обвинялись в вооруженном диктате и репрессиях по отношению к социалистам, арестах, закрытии эсеровских газет и типографий, роспуске антибольшевистских Советов. Свое поражение в Гражданской войне эсеры объясняли заговорами буржуазно-монархических групп, синхронно с большевиками напавших на демократические силы в Поволжье и Сибири. Цитируя решения IX Совета, Заграничная Делегация доказывала, что ПСР прекратила вооруженную борьбу с большевиками и сосредоточила все свои силы на борьбе с реакцией [10]. Приведенные факты, указывалось в заключении, вполне достаточны для опровержения «клеветнических измышлений» большевиков.

С оценками Заграничной Делегации ПСР были солидарны известный немецкий социал-демократ К. Каутский и русский меньшевик В. С. Войтинский, представившие свои статьи в сборнике «Двенадцать смертников». По мнению К. Каутского, большевики первыми применили насилие по отношению к другим социалистам и разогнали Учредительное собрание потому, что признали свое бессилие в попытках привлечь на свою сторону большинство пролетариата и крестьянства методами пропаганды. В таких условиях оппозиции оставалась только одна форма открытого политического выступления – гражданская война [11]. В. С. Войтинский указывал, что суд над эсерами в Москве – последнее звено в длинной цепи преследований социалистов в Советской России, которые начались сразу же после захвата власти большевиками [12].

Концепция истории ПСР, представленная Заграничной Делегацией, носила преимущественно рекламный характер и умалчивала о некоторых существенных сторонах партийной жизни. Не упоминалось о репрессиях, к которым прибегали сами правые эсеры в эпоху Комуча, оставался в тени вопрос о партийных расколах, тактических ошибках партии, имевших серьезные последствия. В своем кругу, как отмечалось выше, эсеры высказывались гораздо откровеннее. Издания же, ориентированные на широкие круги западного общества (сборник «Двенадцать смертников» был переведен на немецкий, английский, французский и чешский языки), создавали впечатление, что в плачевном положении ПСР в Советской России повинны исключительно большевистские репрессии. Столь же рекламный характер носил очерк В. М. Чернова об истории ПСР, подготовленный для несостоявшегося издания Ф. Адлера «Handbuch des Sozialismus und der Arbeiterbewegung». Впрочем, В. М. Чернов в 1920–30-е гг. многократно обращался к истории ПСР, но ни одна из этих попыток не была доведена до логического конца.

Размышления об историческом пути ПСР звучали на конференции пражской группы социалистов-революционеров 1931 г. Материалы этой конференции являются ценным источником для понимания эволюции программных установок партии социалистов-революционеров в эмиграции в 1920–30-е гг. [13] В ее работе принимали участие такие известные деятели партии, как Е. Е. Лазарев, В. Г. Архангельский, С. П. Постников, И. А. Якушев и др. (Чернов, находившийся в то время также в Праге, не был приглашен на конференцию из-за конфликта различных частей Заграничной организации ПСР).

Вопросы истории партии не находились в повестке дня, однако так или иначе затрагивались докладчиками. Более того, отношение пражских эсеров (среди которых были представители разных партийных течений) к прошлому партии социалистов-революционеров, особенно событиям 1917 г., являлось довольно критическим. Это было заметно во время обсуждения вопроса о политическом строе России после большевизма (доклад С. Н. Николаева и Е. Е. Лазарева). Так, И. И. Калюжный, размышляя о причинах поражения ПСР, отметил ошибочность поддержки эсерами советов. По его мнению, «Временное правительство, государственная власть, ответственная за свои действия перед страной, оказалась фикцией, лишенной всякого значения и силы. Фактическая власть была у безответственной частной политической организации – у советов. И партия с.-р., находясь еще в зените своего значения и влияния, не только допустила такое развитие советов, но и способствовала ему». Вывод Калюжного вполне определен – «партия с.-р. оказалась негосударственной и несостоятельной логически. Если она сознательно и способствовала всем своим поведением фактическому захвату власти советами, она должна была бы сделать соответствующие выводы – возложить на советы и ответственность, устранить временное правительство и установить единовластие» [14]. Напротив, эсер Я. Г. Лозовой видел проблему партии именно в уходе в государственные дела: «Партия государство никогда не отрицало. Можно утверждать обратное: в 1917 г. партия слишком ушла в “государственность”. Задачи общегосударственные, защита границ (оборончество) от внешнего врага, охрана правопорядка и права внутри страны и т. д. были в России во время революции задачами доминирующими, в ущерб политическим задачам партии как таковой» [15]. «Партия отстаивала государство как программный пункт, – подчеркивал Лозовой, – но, к сожалению, в партии не было решимости отстаивать свои задачи и цели, не было воли, а главное людей». Дискуссии такого рода шли в партии и в 1917 г., и в эмигра-

ции; фактически они продолжают и в современной исторической науке. Видимо, рациональные моменты есть и в той, и в другой позиции – с одной стороны, эсеры действительно превратились в 1917 г. из демократов в «государственников», однако эта эволюция была неполной и не затронула всю партию, с другой стороны, недооценка государственных институтов и переоценка массовых организаций (а в XX в. трансформация общества проходит через государство) привела ПСР к кризису.

Наибольшее внимание причинам поражения ПСР уделено в своем докладе на пражской конференции С. П. Постников (1883–1965), опытный социалист-революционер, в 1917 г. депутат Учредительного собрания, гласный Петроградской думы и секретарь редакции главного партийного печатного органа – газеты «Дело народа». Постников вообще отличался вниманием к партийной истории. Тогда же, в статье 1931 г. он подвел некоторые неутешительные итоги изучения истории ПСР в послеоктябрьский период: «Наш центральный комитет последнего состава признавал всю необходимость скорейшего составления истории партии. На одном из своих заседаний в 1919 г., когда еще большинство членов его, хотя и нелегально, но еще были на свободе, ЦК рассмотрел и утвердил программу, по которой должна быть составлена история партии. Были распределены и статьи между авторами. Но, к сожалению, большинство вскоре были арестованы и лишены возможности работать (...) В с-ровской эмиграции было несколько попыток издания исторических сборников. Но партийная неурядица каждый раз препятствовала осуществлению этого дела, казалось бы никакого отношения не имеющего к фракционным раздорам. За последние годы мною подготавливается материал для работы по составлению истории партии. Но эта работа удовлетворительно, конечно, не может быть выполнена индивидуальными силами.

Зимой 1930 г. Минором, Сухомлиным и мною составлена примерная программа истории ПСР, причем предложено выпустить два тома, приблизительно по 20 листов каждый.

Первый том предполагается посвятить собственно истории партии и второй том – ее мирозерцанию, теории и отдельным видам работы. Успех работы по составлению и изданию истории будет зависеть от того, насколько заграничные эсеры, вне зависимости от своих группировок, сочтут ее своим общим делом» [16].

В выступлении на пражской конференции 1931 г. Постников обратил внимание на проблему соотношения программы и тактики партии в 1917 г., а также на состояние партийных кадров. Он отмечал: «Итак, наша программа была хороша. Но почему же все-таки мы потерпели в революции разгром и поражение. По этому поводу следует вспомнить известную фразу Чернова, сказанную им еще в полемике с «искровцами»: “Мы-то, может быть, и плохи, но программа наша хороша”. Чернов, конечно, тогда и не подозревал, сколько правды окажется в обеих частях его фразы в эпоху революции 1917 г. За нашу программу голосовал чуть ли не весь народ, но мы не сумели использовать это и провести свою программу, оказавшись плохими политиками и тактиками» [17]. И далее Постников обобщил причины неудачи партии – «преимущество большевиков было в том, что они имели почти гениального тактика и организатора в лице своего лидера Ленина, в то время как у нас, с одной стороны, был лидером только теоретик Чернов, а с другой стороны, Керенский, главный герой февральской революции, хотя и политический тактик, но организационно не связанный с партией и часто действовавший в порядке индивидуальном» [18]. Ярким примером стала позиция ПСР в эпоху Брестского мира, «когда партия в угоду принципам совершенно не считалась с реальной действительностью. Если бы партия действительно хотела бы, чтобы Учредительное Собрание имело возможность работать по восстановлению страны и по проведению требований революционной демократии, то прежде всего надо было заключать какой-то “модус вивенди” с немцами...» [19]. Из этого опыта партия должна была вынести очень важный урок – учитывать фактическое соотношение сил при решении политических вопросов, особенно, как подчеркнул Постников, при решении национального вопроса, который, наряду с аграрным, являлся наиболее принципиальным в России.

Главное, что объединяло всю эсеровскую эмиграцию в оценке деятельности партии в годы Гражданской войны, – стремление представить борьбу ПСР как «третий путь», движение за настоящее народовластие, подлинную демократию и социализм. Можно согласиться с историком А. В. Медведевым, утверждающим, что эсеры «не создали более или менее завершенной картины гражданской войны, борьбы классов и партий» [20]. Однако вряд ли верно то, что эсеры стремились «замолчать свою роль в разжигании гражданской войны, нередко шли на заведомую фальсификацию событий и домыслы...» [21]. Бесспорно, социалистам-революционерам, как и всякой другой партии, было свойственно желание оправдать свои действия. Однако нет оснований обвинять их в заведомом искажении фактов. Более того, в отдельных работах эсеров встречается резкая критика деятельности ПСР в 1917–1918 гг., откровенно признаются крупные и «роковые» ошибки партии [22].

С 1930-х гг. эмигрантских исследований по истории ПСР стало гораздо меньше. Сказались многочисленные конфликты, сотрясавшие партию правых эсеров за границей, общее ухудшение положения выходцев из России в Европе. Парижский съезд (1928 г.) стал последним форумом в истории партии социалистов-революционеров, где были представлены, пусть и не в полном объеме, различные течения в партии социалистов-революционеров. Дальнейшие попытки собрать зарубежных эсеров и наладить общепартийную работу оказались безуспешны. На конференции пражской группы ПСР 1931 г. И. А. Якушев отмечал, что «связь с Россией оборвалась, ЗД практически не существует, во всяком случае общепартийной работы не ведет, отсутствует и центральный орган». Угасает и издательская деятельность партии. Журнал «Революционная Россия» перестал выходить в Праге в 1931 г. (на № 77/78), «Воля России» и «Социалист-революционер» прекратили свое существование в 1932 г. Только в Париже в 1933–1936 гг. группе эсеров под редакцией В. В. Руднева удалось выпустить шесть номеров журнала «Свобода».

В целом эсеровские (как и меньшевистские) авторы, признавая свои политические ошибки, главной причиной поражения все же считали слабость тех общественных сил, на которые мог опереться в России демократический социализм. Социальной опорой демократии социалисты-революционеры считали «трудящийся класс» (рабочие, крестьяне, интеллигенция), а социал-демократы – пролетариат. Неудачный для социалистических партий исход российской революции был связан в первую очередь с тем, что эти общественные классы не успели в полной мере сформироваться и достигнуть необходимой степени зрелости. Их борьба против большевизма всегда имела существенные самоограничения и почти никогда не была последовательной.

Версии эмигрантской историографии и мемуаристики о причинах поражения эсеров оказали влияние на развитие зарубежной исторической науки. До сих пор эта тема не стала предметом специального исследования. Между тем утверждения социалистов-революционеров-эмигрантов о «подлинно крестьянском, народном» характере их партии активно использовались западной исторической наукой, особенно в 1950-е гг. Зарубежная историография социалистических партий также прошла сложный путь, меняясь как под воздействием текущих событий (прежде всего, холодной войны), так и под влиянием метаморфоз внутри самой исторической науки. Важным корректирующим фактором было воздействие советской историографии, противостояние двух идеологически полярных мировоззрений, «стартовавшее» сразу после Октябрьской революции. Эмигрантская либеральная и социалистическая литература, педалируя идею «искусственности» прихода большевиков к власти, признавая права на подлинность лишь за революцией Февральской, серьезно воздействовала на послевоенную западную, прежде всего американскую, русистику 1950-х гг. В годы холодной войны именно этот образ – противопоставление двух революций – утвердился в академических кругах и общественном сознании Запада.

Примечания

1. Краткий отчет о работах Четвертого Съезда Партии социалистов-революционеров (26 ноября – 5 декабря 1917 года). Пг., 1918. С. 152.
2. Базанов П. Н. Издательская деятельность Заграничной делегации партии социалистов-революционеров: на материалах Бахметевского архива (США) и ГАРФ (Россия) // Политические партии России: прошлое и настоящее: материалы конф. СПб., 2005. С. 263–273.
3. Кожевин В. Л. Историк – очевидец событий: «ситуация пограничья» // Мир историка. XX век. М., 2002. С. 79.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 6065. Оп. 1. Д. 63. Л. 4.
5. Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection. Box 9. Folder 3.
6. Ibid. Folder 6.
7. ГА РФ. Ф. Р-6108. Оп. 1. Д. 24.
8. Морозов К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М., 2005. С. 245–257.
9. Двенадцать смертников. Суд над социалистами-революционерами в Москве. Берлин, 1922.
10. Там же. С. 115.
11. Каутский К. Московский суд и большевизм // Двенадцать смертников. С. 9.
12. Войтинский Вл. Суд над социалистами-революционерами в Москве // Двенадцать смертников. С. 23.
13. Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. / публикацию подготовили А. П. Новиков и А. Ю. Суслов // Вопросы истории. 2014. № 8. С. 3–26; № 9. С. 3–15; № 10. С. 3–14; № 11. С. 3–18; № 12. С. 3–19; 2015. № 1. С. 3–15.
14. Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection. Box 28. Folder 11.
15. Ibid.
16. Постников С. П. К истории Партии социалистов-революционеров // Социалист-революционер. Париж. 1931. № 3. Январь. С. 6–7.
17. Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection. Box 28. Folder 11.

18. Ibid.
19. Ibid.
20. Медведев А. В. Большевики и неонародники в борьбе за крестьянство в годы гражданской войны, октябрь 1917–1920 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Н. Новгород, 1994. С. 39.
21. Там же. С. 39–40.
22. См.: Сухомлин В. В. Политические заметки // Воля России. Прага, 1928. № 10–11. С. 156–167.

Notes

1. *Kratkij otchet o rabotakh Chetvertogo S'ezda Partii sotsialistov-revoljucionerov (26 noyabrya – 5 dekabrya 1917 goda)* [A brief report on the work of the Fourth Congress of the Party of socialist revolutionaries (26 November – 5 December 1917).] Pg., 1918. S. 152.
2. Bazanov P. N. *Izdatel'skaya deyatel'nost' Zagranichnoj delegatsii partii sotsialistov-revoljucionerov: na materialakh Bakhmetevskogo arkhiva (SSHA) i GARF (Rossiya)* [Publishing activity of the Foreign delegation of the party with the professional revolutionaries: on the materials of the Bakhmeteff archive (USA) and GARF (Russia)] // Political parties of Russia: past and present. SPb., 2005. Pp. 263–273.
3. Kozhevnikov V. L. *Istoriya – ochevidets sobytij: «situatsiya pogranič'ya»* [Historian, eyewitness: "borderland"] // The World of the historian. Of the twentieth century. M., 2002. S. 79.
4. *Gosudarstvennyj arkhiv Rossijskoj Federatsii (GA RF)* [State archive of the Russian Federation (GA RF)]. F. 6065. Op. 1. D. 63. L. 4.
5. Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection. Box 9. Folder 3.
6. Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection. Box 9. Folder 6.
7. GARF. F. P-6108. Op. 1. D. 24.
8. Morozov K. N. *Sudebnyj protsess sotsialistov-revoljucionerov i tyuremnoe protivostoyanie (1922–1926): ehika i taktika protivoborstva* [The trial of the socialist revolutionaries and the prison confrontation (1922–1926): ethics and tactics of resistance]. M., 2005. S. 245–257.
9. *Dvenadtsat' smertnikov. Sud nad sotsialistami-revoljucionerami v Moskve* [Twelve bombers. The trial of the socialists-revolutionaries in Moscow]. Berlin, 1922.
10. Ibid. S. 115.
11. Kautsky K. *Moskovskij sud i bol'shevizm // Dvenadtsat' smertnikov* [Moscow court and Bolshevism // Twelve bombers]. P. 9.
12. Voitinsky V. L. *Sud nad sotsialistami-revoljucionerami v Moskve // Dvenadtsat' smertnikov* [The trial of the socialists-revolutionaries in Moscow // Twelve bombers.] P. 23.
13. *Konferentsiya Prazhskoj grupy partii sotsialistov-revoljucionerov 1931 g. / Publikatsiyu podgotovili A. P. Novikov i A. Y. Suslov* [The Prague conference of the group of the party of socialists-revolutionaries 1931 / Publication prepared by A. P. Novikov and A. Y. Suslov] // Questions of history. 2014. No. 8. С. 3–26; No. 9. С. 3–15; No. 10. С. 3–14; No. 11. Pp. 3–18; No. 12. Pp. 3–19; 2015. No. 1. Pp. 3–15.
14. Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection. Box 28. Folder 11.
15. Ibid.
16. Postnikov S. P. *K istorii Partii sotsialistov-revoljucionerov* [To the history of the party of socialists-revolutionaries] // Socialist-revolutionary. Paris. 1931. No. 3. Jan. Pp. 6–7.
17. Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection. Box 28. Folder 11.
18. Ibid.
19. Ibid.
20. Medvedev A.V. *Bol'sheviki i neopopulizm v bor'be za krest'janstvo v gody grazhdanskoj vojny, oktjabr' 1917–1920 gg.* [the Bolsheviks and neopopulist in the struggle for the peasantry during the civil war, October 1917–1920: dis. ... Dr Hist.Sciences.] Nizhny Novgorod, 1994. S. 39.
21. Ibid. Pp. 39–40.
22. See: Sukhomlin V. *Politicheskie zametki* [Policy notes] // Will Russia. Prague, 1928. No. 10–11. Pp. 156–167.

УДК 930.1“1941–1945”

Е. П. Емельянов

Деятельность Н. В. Устюгова в годы Великой Отечественной войны

В статье рассматривается деятельность советского историка Н. В. Устюгова (1896/97–1963) в период Великой Отечественной войны. Характеризуются боевой путь Устюгова и его военная карьера. Отмечается, что одной из основных сфер деятельности специалистов-историков в годы войны стала агитационно-пропагандистская работа. Показывается, что лекции, проводившиеся Устюговым для бойцов Красной армии, выходили за рамки простой военной пропаганды и носили просветительский характер. Отмечается, что многолетний отрыв от исследовательской работы не прервал научно-педагогической деятельности

Устюгова. Он сохранял живой интерес к исторической науке и продолжал обсуждать научные проблемы в переписке с учениками и коллегами и при личных встречах с ними во время коротких визитов в Москву. Поддержание тесной связи с коллегами, остававшимися в тылу, помогло ему сразу после возвращения с фронта активно включиться в работу научного сообщества советских учёных-историков.

The article devoted to activities of soviet historian N. V. Ustjugov during the Great Patriotic war. It characterizes N. V. Ustjugov's operational record and his military career. The article notes that one of the main fields of activity of historians during the war was the agitation and propaganda. It demonstrates that Ustjugov's lectures were not mere propaganda, and wore educational nature. The article notes that forced separation from the research did not interrupt Ustjugov's scientific thinking and teaching. He maintained an active interest in history and went on to discuss the scientific issues with friends and colleagues in the letters and shorter meetings. Liaising with colleagues in the rear helped him actively involved in the work of the scientific community of historians immediately after returning from the front.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, советская историческая наука, агитационно-пропагандистская работа, Н. В. Устюгов.

Keywords: Great Patriotic war, soviet historical science, agitation & propaganda, N. V. Ustjugov.

Профессор Московского государственного историко-архивного института (далее – МГИАИ) Николай Владимирович Устюгов (1896/97–1963) принадлежал к числу крупнейших отечественных специалистов по российской истории XVII–XVIII вв. Занимаясь вопросами социально-экономического развития России в указанный период, он одним из первых отметил важность вятского хлебного рынка в деле продовольственного снабжения Москвы и Русского Севера в XVII в. [1] При этом путь Устюгова к занятиям исторической наукой был долг и труден. Закончив в 1924 г. Московский университет, он только в 1935 г. стал сотрудником Историко-археологического института, вскоре переименованного в Институт истории АН СССР. Позднее, в 1938 г., он начал совмещать работу в Институте истории с преподаванием в МГИАИ. Но исследовательская деятельность Устюгова и его преподавание в вузе вскоре прервались в связи с началом Великой Отечественной войны [2].

К началу войны Устюгов достиг возраста, освобождавшего его от воинского призыва. Однако подобно многим своим коллегам (В. И. Шункову, А. Л. Сидорову, П. А. Зайончковскому и др.) он оставил занятия исторической наукой и вступил в ряды народного ополчения. 6 июля 1941 г. Устюгов стал бойцом 21-й дивизии народного ополчения, сформировавшейся в Киевском районе Москвы [3]. Его ученица Е. И. Каменцева вспоминала: «Я тогда студенткой третьего курса проходила практику в архиве, который назывался ГАФКЭ (Государственный архив феодально-крепостнической эпохи, ныне – РГАДА). В читальном зале архива я беседовала с Н. В. Устюговым, он и сообщил о записи в ополчение. Предполагалось, что ополченцы будут охранять определённые объекты. Но получилось всё иначе. Ополченцев, почти не вооружённых, отправили на фронт» [4].

По приказу Ставки Верховного Командования от 30 июля 1941 г. дивизия была включена в состав 33-й армии Резервного фронта и вскоре переброшена на Ржевско-Вяземский оборонительный рубеж. 26 августа дивизия и входившие в неё воинские части получили общевойсковые номера. С этого времени Устюгов стал красноармейцем 1311-го стрелкового полка 173-й стрелковой дивизии. Дивизия приняла первый бой во время Вяземской операции 3 октября 1941 г. и смогла отразить немецкое наступление. Но уже через два дня, 5 октября 1941 г., 1311-й полк, в котором служил Устюгов, был разбит в бою возле города Людиново Орловской области (сегодня он находится в составе Калужской области) [5]. В целом в результате Вяземской операции девятнадцать советских стрелковых дивизий и четыре танковые бригады попали в окружение, что стало одним из самых тяжёлых поражений Красной армии за весь период войны. И хотя 173-я стрелковая дивизия смогла вырваться из Вяземского котла, Устюгов попал в окружение и в течение сорока дней выходил к советским частям [6]. Позднее, вспоминая об этих событиях, он писал Е. И. Каменцевой: «У меня было сильное и настойчивое желание выбраться, но в то время твёрдой уверенности, что я переживу на свете ещё год, у меня не было. А окружающая меня тогда действительность могла, пожалуй, вселить уверенность в противном. Но ведь человек живуч, он очень много может вынести. Перелистывая эти страницы своей жизни (Боже мой, какое фигуральное выражение!), я прихожу к выводу, что так было нужно. Я многое видал своими глазами, и я бы не хотел, чтобы этих страниц моей жизни не было» [7].

Пройдя свыше 500 километров, Устюгов вышел из окружения и стал бойцом 150-го отдельного дорожно-эксплуатационного батальона (далее – 150-й одэб), действовавшего в составе 16-й армии, подчинявшейся командованию Западного фронта. Руководство батальона решило

использовать медицинский опыт Устюгова, полученный им во время Гражданской войны, и он был назначен санитаром в медицинское подразделение батальона. Вскоре он получил повышение и занял должность санинструктора, а затем стал военным фельдшером [8]. Батальон сражался на Волоколамском направлении во время битвы за Москву, а в начале 1942 г. был переброшен в Смоленскую область, где принимал участие в тяжёлых позиционных боях на Сухиничском выступе, глубоко вдававшемся в линию немецкой обороны. Вернувшись в строй, Устюгов получил возможность регулярного обмена письмами с друзьями и коллегами, действовавшими в других частях и остававшимися в тылу. В годы войны в числе его корреспондентов было около семидесяти человек, писавших по несколько писем в месяц. На каждое письмо Устюгов аккуратно и обстоятельно отвечал, используя для этого недолгие часы ночного отдыха [9].

Устюгов не мыслил своей жизни вне науки и преподавания, что наглядно отразилось в тематике его писем. Он уделял основное внимание в них научным вопросам, полагая, что вынужденный отрыв от научной работы во время войны не должен сказываться на размышлениях учёного над его исследованиями. Его отношение к науке демонстрирует его реакция на письмо студента Л. Л. Смоктуновича, которому Устюгов в феврале 1942 г. писал о его работе по теме «Колонизация Обвенского поречья в XVII в.». Получив ответ: «Ваш покорный слуга, как и Вы, находится в действующей армии, а потому колонизация Обвенского поречья в XVII в. от меня сейчас весьма и весьма далека», – он предположил, что Смоктунович хочет сменить профессию [10].

С большим вниманием Устюгов подходил к вопросу о выборе темы кандидатской диссертации для своей ученицы Е. И. Каменцевой, поступавшей в 1942 г. в аспирантуру. Её руководитель А. Н. Сперанский предлагал ей заняться изучением собрания документов Литовской метрики. Заботясь о её интересах, Устюгов возражал против данной темы и писал ей, что она является слишком сложной для кандидатской диссертации [11]. Одновременно он отправил письмо Сперанскому, где, говоря о трудностях подготовки диссертации по Литовской метрике, писал, что при работе над ней придётся обращаться за консультацией к Н. Г. Бережкову, являвшемуся одним из крупнейших специалистов по истории Великого княжества Литовского. При этом Устюгов указывал на сложность работы с Бережковым и напоминал, что предыдущая попытка Сперанского сотрудничать с ним при подготовке аспирантов закончилась безрезультатно [12].

Сам Устюгов полагал, что было бы лучше, если бы его ученица продолжила заниматься прошлым Русского Севера, изучавшимся ею при подготовке дипломной работы. Когда Каменцева ответила, что изучение истории Русского Севера представляется ей мало актуальным, он прислал горячие возражения в письме от 4 марта 1942 г., где говорил: «Я, конечно, ни в какой мере не возражаю против исключительно большой актуальности изучения Литовской метрики. Эта тема получит утверждение скорее, чем всякая другая. Но, с другой стороны, я не могу согласиться, что изучение истории Русского Севера мало актуально. Русский Север имел исключительное значение в истории Московского государства. Освоение огромной территории нашей страны, в частности колонизация Урала и Сибири, была произведена именно с Севера. Сношения Московского государства с иностранными государствами шли через Север. Промышленность начала развиваться в первую очередь на Севере: таким образом, развитие основных процессов русского народного хозяйства всего удобнее изучать именно на материалах Севера <...> Я не признаю слишком узких специалистов. Сейчас Вы поработаете над материалом по истории Белоруссии и Литвы, а затем опять вернётесь к Московскому государству» [13]. В итоге темой диссертации Каменцевой стала дипломатика актов Великого княжества Литовского, но смерть её научного руководителя и близкого друга и наставника Устюгова А. Н. Сперанского в январе 1943 г. прервала работу над ней [14]. Кандидатскую диссертацию, посвящённую новгородским порядным записям XVII в. как источнику по истории крестьянского закрепощения, Каменцева написала после войны под руководством Устюгова и защитила в 1950 г.

Находясь в армии, Устюгов внимательно следил не только за судьбой своих учеников, но и за жизнью кафедры вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ. Вскоре после включения в состав кафедры Л. В. Черепнина, в марте 1942 г., он сообщал Каменцевой, что очень доволен его появлением на кафедре, так как Черепнин является для него товарищем по университету и очень близким человеком [15].

В начале 1942 г. в часть Устюгова был назначен новый политрук, который привлёк его к пропагандистской работе. Её началом для Устюгова стало проведение цикла бесед «Героическое прошлое русского народа», состоящего из шести частей, посвящённых Александру Невскому, Дмитрию Донскому, Минину и Пожарскому, Суворову и Кутузову [16]. Литературы, необходимой для подготовки занятий, на фронте не было, и Устюгов в письме своей коллеге по Институту истории Е. Н. Кушевой отмечал: «Все факты приходится извлекать исключительно из недр собственной памяти» [17]. Но его широкая эрудиция позволяла ему преодолевать эти трудности, и его

лекции и беседы пользовались большим успехом. Лекции Устюгова на военно-патриотические темы по своему уровню заметно превосходили простые пропагандистские выступления и во многом носили просветительский характер. Сообщая в письме историку И. У. Будовницу о своих занятиях, Устюгов писал: «Я несколько раз читал лекцию о Минине и Пожарском, причём бурные события начала XVII в. я давал на широкой основе экономического, социального и политического кризиса конца, точнее, второй половины XVI в.» [18] Его неоднократно приглашали выступать не только в своей части, но и в других частях. В августе 1942 г. он писал Каменцевой: «Я получил заказ от одного военного учреждения на лекцию о теории мирового господства Германии и исторических корнях этой идеологии. Другими словами, нужно сделать кавалерийский рейд по истории Германии от Арминия до Гитлера. Или, быть может, даже не от Арминия, а взять ещё на одно столетие раньше от первого появления кимвров и тевтонов в Северной Италии и борьбы с ними Кая Мария <...> Основным заказчиком я её ещё не читал, но когда стало известно об этом заказе, то я получил требования на эту же лекцию от других и читал её уже дважды <...> Слушателям понравилось, лектору нет, т. к. получился кавалерийский рейд по германской истории. Пришлось останавливаться только на основных моментах, но и то оказалось слишком много для двухчасовой лекции. Что она понравилась, я отношу за счёт невзыскательности моих слушателей» [19].

Наряду с агитационно-пропагандистскими выступлениями, Устюгов проводил чисто образовательные лекции, целью которых было просвещение слушателей. Рассказывая об этой стороне своей деятельности Е. Н. Кушевой, он писал: «Есть тут у нас одно подразделение, где подавляющее большинство – бывшие студенты различных вузов. Они меня постепенно превращают из историка в преподавателя гуманитарных дисциплин вообще. Мне приходится читать не только по вопросам истории, но и литературы, и искусства, и экономики. <...> Я им пообещал прочесть о русской живописи, о русской музыке и о символистах. Я предупредил своих слушателей, что всё, что я буду читать на эти темы, будет от начала до конца спорным. Я ведь не специалист по этим вопросам, и то, что я буду читать, будет лишь впечатлениями человека, который кое-что знает по этим вопросам и, во всяком случае, много размышлял на эти темы и пришёл к каким-то своим выводам» [20]. Эти лекции также пользовались большим успехом, и одна из слушательниц, вспоминая о них, писала Устюгову: «Позвольте теперь, Николай Владимирович, выразить Вам лично большую благодарность за тот “толчок мозгам”, который сделали Вы, читая свои лекции. Особенно хорошее впечатление у меня осталось от лекции по истории русской живописи <...> Далее я ставлю лекцию о приказной интеллигенции XVII в., об истории русской музыки» [21].

В октябре 1942 г. Устюгов получил звание лейтенанта интендантской службы и был переведён на должность заместителя командира роты по хозяйственной части [22]. Перейдя на интендантскую должность, Устюгов не прекратил чтения лекций. В конце октября 1942 г. он писал Каменцевой, что приступил к проведению занятий по географии, так как «обнаружилось, что у целого ряда товарищей нет достаточно чёткого представления ни о расположении фронтов на карте, ни о географическом расположении воюющих стран» [23].

В начале 1943 г. Устюгов смог ненадолго приехать в Москву. Вернувшись на короткий срок в столицу, он стремился максимально использовать отпущенное время для продолжения научной работы. В частности, он встречался с Н. Г. Бережковым, с которым обсуждал тематику своей докторской диссертации. Бережков очень возражал против сужения работы до солеваренной промышленности Соли Камской, и в итоге Устюгов предложил другую формулировку: «Промышленность, ремесло и труд в Поморье в XVII в.» Однако широта данной темы вызывала у него сильные сомнения, и он писал Е. Н. Кушевой: «Но ведь если пойти на такое расширение тематики, то нужно затратить ещё не менее двух лет на просмотр материалов. “Приказные дела старых лет” просмотреть нужно? Нужно. А они просмотрены у меня только по 1664 г. включительно. Таможенные книги по Устюгу Великому и Тотье нужно? Нужно. Ямские книги по Устюгу Великому нужно? Тоже нужно. Причём таможенные и ямские книги придётся подвергать статистической обработке. На всё это нужно время» [24]. Тем не менее тема докторской диссертации Устюгова была утверждена именно в такой формулировке.

Приезд Устюгова в Москву был омрачён случившейся незадолго до того смертью А. Н. Сперанского. После смерти Сперанского кафедру вспомогательных исторических дисциплин возглавил выдающийся источниковед ленинградский профессор А. И. Андреев, переехавший в годы войны в Москву. Так как Устюгов не успел издать свой курс лекций, то Андреев, предварительно списавшись с ним, поручил работу над учебными пособиями Черепнину [25]. В 1943 г. первые две части курса Устюгова, посвящённые хронологии и метрологии, были вновь отпечатаны на стеклографе.

Вскоре после возвращения Устюгова на фронт, в феврале – марте 1943 г. 16-я армия приняла участие в Жиздринской операции, представлявшей собой попытку прорыва немецкого фронта и освобождения города Жиздры. Несмотря на то, что прорвать немецкий фронт не удалось, за-

слуги 16-й армии при проведении данной операции были высоко оценены командованием, и она была преобразована в 11-ю гвардейскую армию [26]. Соответственно Устюгов с этого времени стал офицером гвардии. Прорыв немецкого фронта удалось осуществить только в июле 1943 г. в ходе контрнаступления советских войск во время Курской битвы. 11-я гвардейская армия принимала участие в наступательной операции на северном фланге Курской дуги, носившей кодовое наименование «Кутузов». В результате успехов советских войск в ходе данной операции 26 июля 1943 г. немецкие войска начали отступление на оборонительную линию «Хаген», созданную в ходе подготовки немецкого наступления на Курскую дугу и проходившую в нескольких километрах к востоку от Брянска. 30 июля 1943 г. 11-я гвардейская армия была передана в подчинение Брянскому фронту. 16 августа была освобождена Жиздра, а 18 августа советские войска вышли к линии «Хаген». 1 сентября 1943 г. началась Брянская фронтовая операция, в ходе которой части 11-й общевойсковой и 11-гвардейской армий 17 сентября освободили Брянск. После завершения данной операции, в октябре 1943 г. 11-я гвардейская армия была передана в состав Прибалтийского фронта, переименованного в конце октября во 2-й Прибалтийский фронт [27].

Войдя в состав Прибалтийского фронта, 11-я гвардейская армия была переброшена на север и стала действовать на полоцком направлении. Однако на данном направлении красноармейским частям пришлось столкнуться с мощной обороной противника, выдержавшей несколько попыток прорыва со стороны советских войск. Проведение наступательных операций Красной армии повышало роль дорожной разведки, в задачи которой входили выявление и оценка транспортных путей, пригодных для переброски войск. В этот период проведение дорожной разведки, наряду с чтением лекций, вошло в круг обязанностей Устюгова. За заслуги при её проведении во время Городокской операции на северо-востоке Белоруссии 27 декабря 1943 г. он был представлен к ордену Красной Звезды. В наградном листе говорилось, что Устюгов «работает начальником командирской технической разведки, с задачей которой справляется отлично. Проводя разведку армейских маршрутов непосредственно за передовыми частями, своей чёткой работой способствует быстрому исправлению непроезжих мест, направляя армейские транспорты, идущие к фронту, по выбранным хорошим дорогам, обставляя их указательными знаками, тем самым способствует бесперебойному движению транспортов» [28]. Данное представление было утверждено военным советом армии, и 21 марта 1944 г. Устюгов был награждён орденом Красной Звезды. Позднее его ученик Р. В. Овчинников вспоминал, вероятно, со слов Устюгова, что ему вручал орден прямо на поле боя сам командующий 11-й гвардейской армией генерал-полковник К. Н. Галицкий [29].

В мае 1944 г. 11-я гвардейская армия была передана в состав 3-го Белорусского фронта и летом того же года приняла участие в стратегической операции «Багратион», целью которой являлось освобождение Белоруссии. Во время данной операции от Устюгова перестали поступать письма, прежде регулярно приходившие его родственникам и коллегам [30]. Отсутствие известий от Устюгова привело к тому, что части его учебного пособия по вспомогательным историческим дисциплинам, посвящённые хронологии и метрологии, были опубликованы под именем Л. В. Черепнина. Многолетний коллега обоих историков Н. И. Павленко вспоминал, что, по словам Устюгова, Черепнин объяснял свой поступок материальными трудностями и уверенностью окружающих в его гибели [31]. Позднее, публикуя в 1946 г. своё исследование по древнерусской метрологии, Устюгов прямо отметил, что Черепнин в своём пособии 1944 г. использовал его стеклографированный курс и опубликовал ряд его выводов и наблюдений [32]. Вместе с тем следует отметить, что коллега Устюгова по кафедре вспомогательных исторических дисциплин А. А. Зимин в своих воспоминаниях утверждал, что лично просматривал оба пособия и никакого плагиата в них не обнаружил [33].

В августе 1944 г., после освобождения Белоруссии, части 11-й гвардейской армии приняли участие во втором этапе операции «Багратион» и освободили территорию южной Литвы. Освободив Литву, советские войска вышли непосредственно к границам Третьего рейха – к территории Восточной Пруссии. В октябре 1944 г. 11-я гвардейская армия приняла участие в Гумбиннен-Гольдапской фронтовой операции. 18 октября 1944 г. советские войска вступили в Восточную Пруссию и продвинулись на несколько десятков километров по её территории, но немецкие войска продолжали оказывать упорное сопротивление, и разгромить их не удалось. В ноябре 1944 г. Устюгов оставил должность заместителя командира роты по хозяйственной части и стал помощником командира роты по службе дорожного регулирования. В январе 1945 г. он занял должность инспектора по службе дорожного регулирования 150-го одэб. С этого времени основной его задачей стало проведение дорожной разведки. В январе 1945 г. советские войска продолжили наступление в Восточной Пруссии и начали Восточно-Прусскую стратегическую операцию, для осуществления которой были привлечены силы нескольких фронтов. В конце января

11-я гвардейская армия вышла к побережью Балтийского море и в апреле 1945 г. приняла участие в штурме Кёнигсберга, завершившемся взятием города и разгромом основных немецких сил в Восточной Пруссии. В конце апреля 1945 г. части 11-й гвардейской армии взяли штурмом военно-морскую базу Пиллау, что стало завершением Восточно-Прусской операции [34].

Устюгов встретил победу в Великой Отечественной войне в Восточной Пруссии в звании старшего лейтенанта интендантской службы. 27 июня 1945 г. он был демобилизован из рядов Красной армии и вернулся в Москву, где сразу приступил к работе в Институте истории АН СССР и МГИАИ [35]. Годы войны стали для Устюгова временем тяжёлых испытаний: сражаясь на фронте, он получил контузию [36]. Но тяготы военных лет и многолетний отрыв от исследовательской работы не прервали научно-педагогической деятельности Устюгова. Как и большинство историков, в годы войны он занимался пропагандой среди красноармейцев. Но в отличие от многих своих коллег он не ограничивался простой военно-патриотической агитацией, а вёл просветительскую работу среди бойцов. Устюгов сохранял живой интерес к исторической науке и продолжал обсуждать научные проблемы в переписке с учениками и коллегами и при личных встречах с ними во время коротких визитов в Москву. Поддержание в годы войны тесной связи с коллегами, оставшимися в тылу, помогло ему сразу после возвращения с фронта активно включиться в работу научного сообщества советских учёных-историков.

Примечания

1. Устюгов Н. В. Рец. на: Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII века // Вопросы истории. 1947. № 6. С. 133–134.
2. Преображенский А. А. Устюгов Николай Владимирович // Историки России: биографии. М.: РОССПЭН, 2001. С. 714.
3. НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л. 64.
4. Каменцева Е. И. Первые годы работы кафедры вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института // Гербовед. 2004. № 75. С. 8–11.
5. Первенцев Г. Н. Московские ополченцы в боях за Родину // Провал гитлеровского наступления на Москву. М.: Наука, 1966. С. 293.
6. НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л. 63 об.
7. Каменцева Е. И. Указ. соч. С. 92.
8. Там же. С. 81.
9. Михайлова Н. Г. Переписка военных лет Н. В. Устюгова в Архиве АН СССР // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 58.
10. Там же. С. 61.
11. Каменцева Е. И. Указ. соч. С. 83.
12. АРАН. Ф. 1535. Оп. 4. Ед. хр. 22. Л. 3.
13. Каменцева Е. И. Указ. соч. С. 84–85.
14. Пчёлков Е. В. Е. И. Каменцева: начало научного пути // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. М.: РГГУ, 2010. С. 324–327.
15. Каменцева Е. И. Указ. соч. С. 85.
16. Там же. С. 83–84.
17. Михайлова Н. Г. Указ. соч. С. 61.
18. Бурдей Г. Д. Историк и война. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. С. 113.
19. Каменцева Е. И. Указ. соч. С. 88–89.
20. Михайлова Н. Г. Указ. соч. С. 62.
21. Там же.
22. Каменцева Е. И. Указ. соч. С. 92; НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л. 63 об.
23. Каменцева Е. И. Указ. соч. С. 92–93.
24. Михайлова Н. Г. Указ. соч. С. 60.
25. Простоволосова Л. Н., Станиславский А. Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М.: МГИАИ, 1990.
26. Баграмян И. Х. Так шли мы к победе. М.: Воениздат, 1977. С. 178.
27. Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 248, 258–259.
28. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Ед. хр. 69. Л. 32. URL: <http://podvignaroda.mil.ru/?#id=34128000&tab=navDetailDocument> (дата обращения 20. 01. 2015).
29. Историко-архивный институт: сб. воспоминаний. URL: <http://iai.rsuh.ru/section.html?id=9512> (дата обращения 20. 01. 2015).
30. Письма В. И. Шункова к Н. В. Устюгову и С. В. Бахрушину // Археографический ежегодник за 2011 г. М.: Наука, 2014. С. 471.
31. Павленко Н. И. Воспоминания историка // Родина. 2010. № 10. С. 23.
32. Устюгов Н. В. Очерк древнерусской метрологии // Исторические записки. Т. 19. М., 1946. С. 299.
33. Зимин А. А. Храм науки // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М.: Аквариус, 2015. С. 170.

34. Галицкий К. Н. В боях за Восточную Пруссию: записки командующего 11-й гвардейской армией. М.: Воениздат, 1970. С. 607–613.
35. НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л. 67.
36. Троицкий С. М. Николай Владимирович Устюгов как историк Европейского Севера СССР // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 30.

Notes

1. Ustyugov N. V. *Rec. na: SHunkov V. I. Ocherki po istorii kolonizacii Sibiri v XVII – nachale XVIII veka* [Rev. on: Shunkov. V. I. Essays on the history of the colonization of Siberia in the XVII – early XVIII century] // *Voprosy istorii - Questions of history*. 1947, No. 6, pp. 133-134.
2. Preobrazhenskiy A.A. *Ustyugov Nikolaj Vladimirovich* [Ustyugov Nikolay Vladimirovich] // *Istoriki Rossii: biografii - Historians of Russia: biography*. M. ROSSPEN. 2001. P. 714.
3. Archive of Institute of Russian History of RAS. F. 10. Unit of st. 45. Sh. 64.
4. Kamentseva I. E. *Pervye gody raboty kafedry vspomogatel'nykh istoricheskikh disciplin Istoriko arhivnogo instituta* [The first years of operation of the Department of auxiliary historical disciplines of the Historical-archives institute] // *Gerboved - Gerboved*. 2004, No. 75, pp. 8-11.
5. Perventsev G.N. *Moskovskie opolchency v boyah za Rodinu* [The Moscow militia in the battles for the Motherland] // *Proval gitlerovskogo nastupleniya na Moskvu - Failure of the Nazi offensive on Moscow*. M. Nauka. 1966. P. 293.
6. Archive of Institute of Russian History of RAS. F. 10. St. unit 45. Sh. 63 turn.
7. Kamentseva I. E. Op. cit. P. 92.
8. Ibid. P. 81.
9. Mikhailova N. G. *Perepiska voennykh let N. V. Ustyugova v Arhive AN SSSR* [N. V. Ustyugov's correspondence of the war years in the archive of the USSR Academy of Sciences] // *Agrarnaya istoriya Evropejskogo Severa SSSR - Agricultural history of the European North of the USSR*. Vologda. 1970. P. 58.
10. Ibid. P. 61.
11. Kamentseva I. E. Op. cit. P. 83.
12. ARAS. F. 1535. Sh. 4. St. unit 22. Sh. 3.
13. Kamentseva I. E. Op.cit. Pp. 84-85.
14. Pchelov E. V. *E. I. Kamenceva: nachalo nauchnogo puti* [Kamentseva I. E.: the beginning of the scientific way] // *Istoriografiya istochnikovedeniya i vspomogatel'nykh istoricheskikh disciplin - Historiography of source studies and auxiliary historical disciplines*. M. RSHU. 2010. Pp. 324-327.
15. Kamentseva I. E. Op. cit. P. 85.
16. Ibid. Pp. 83-84.
17. Mikhailova N. G. Op. cit. P. 61.
18. Burdei G. D. *Istoriik i vojna* [Historian and war]. Saratov. Publishing house of Saratov University. 1991. P. 113.
19. Kamentseva I. E. Op. cit. Pp. 88-89.
20. Mikhailova N. G. Op. cit. P. 62.
21. Ibid.
22. Kamentsev I. E. Op. cit. P. 92; Archive of Institute of Russian History of RAS. F. 10. St. unit 45. Sh. 63 turn.
23. Kamentseva I. E. Op. cit. Pp. 92-93.
24. Mikhailova N. G. Op. cit. P. 60.
25. Prostovolosova L. N., Stanislavsky A. L. *Istoriya kafedry vspomogatel'nykh istoricheskikh disciplin* [History of the Department of auxiliary historical disciplines]. M. MSIAI. 1990.
26. Baghranyan I.Kh. *Tak shli my k pobede* [So we walked to victory]. M. Voениzdat. 1977. P. 178.
27. Baghranyan I. Kh. Op. cit. Pp. 248, 258-259.
28. Central Archive of Moscow Region. F. 33. Sh. 690155. St. unit 69. Sh. 32. Available at: <http://podvignaroda.mil.ru/?id=34128000&tab=navDetailDocument> (accessed 20. 01. 2015).
29. Historical-archives institute: a collection of memories. Available at: <http://iai.rsuh.ru/section.html?id=9512> (accessed 20. 01. 2015).
30. *Pis'ma V. I. SHunkova k N. V. Ustyugovu i S. V. Bahrushinu* - Letters of I. N. Shunkov to N. V. Ustyugov and V. S. Bahrushin // *Arheograficheskij ezhegodnik za 2011 g. - Arheographical year-book for 2011*. M. Nauka. 2014. P. 471.
31. Pavlenko N. I. *Vospominaniya istorika* [Memoirs of the historian] // *Rodina - Rodina*. 2010, No. 10, p. 23.
32. Ustyugov N. V. *Ocherk drevnerusskoj metrologii* [Sketch of the old Russian metrology] // *Istoricheskie zapiski - Historical notes*. Vol. 19. M. 1946. P. 299.
33. Zimin A. A. *Hram nauki* [Temple of science] // *Sud'by tvorcheskogo naslediya otechestvennykh istorikov vtoroj poloviny XX veka* Fate of the creative heritage of Russian historians of the second half of the twentieth century. M. Aquarius. 2015. P. 170.
34. Galitsky K. N. *V boyah za Vostochnuyu Prussiyu: zapiski komanduyushchego 11 j gvardejskoj armiej* [In the battle for East Prussia: notes of the commander of the 11 th guards army]. M. Voениzdat. 1970. Pp. 607-613.
35. Archive of Institute of Russian History of RAS. F. 10. St. unit 45. Sh. 67.
36. Troitskiy S. M. *Nikolaj Vladimirovich Ustyugov kak istorik Evropejskogo Severa SSSR* [Nikolay Vladimirovich Ustyugov as a historian of the European North of the USSR] // *Agrarnaya istoriya Evropejskogo Severa SSSR - Agricultural history of the European North of the USSR*. Vologda. 1970. P. 30.

Возникновение малой коалиции в Западной Германии в 1949 г. Поиск новых форм сотрудничества между консерваторами и либералами

В статье рассматривается возникновение малой коалиции в Западной Германии в 1949 г. Опираясь на немецкие источники, автор сумел раскрыть в новом контексте прогрессивность взглядов немецкого политического консерватизма, идеология которого критиковалась в отечественной историографии на протяжении всего периода советской истории. Так, немецкий консерватизм играл объединительную функцию, позволив объединить все демократические силы, создав, таким образом, заслон против чуждой Западной Германии коммунистической идеологии. Главную роль в коалиции играл первый канцлер послевоенной Германии Конрад Аденауэр. Он отказался от стереотипов по отношению к членам коалиции как к младшим партнёрам, предоставив им равные права, даже в ущерб мнению в рядах своей партии. Всё это обеспечило стабильное политическое процветание Западной Германии на протяжении полутора десятилетий.

In article occurrence of a small coalition in the Western Germany in 1949 is considered. Leaning against German sources, the author has managed to open progressiveness of sights of the German political conservatism which ideology was criticised in a domestic historiography throughout all period of the Soviet history in a new context. So German conservatism played unifying function, having allowed to unite all democratic forces having created, thus, a barrier against alien Western Germany communistic ideology. A leading role in a coalition the first chancellor of post-war Germany played Konrad Adenauer. So he has refused stereotypes of the relation to members of a coalition as to younger partners, having given them the equal rights, even in a damage opinion in the ranks of the party. All it has provided stable political prosperity of the Western Germany throughout one and a half decades.

Ключевые слова: политический консерватизм, ХДС, СвДП, малая коалиция, экономическое чудо, франкфуртский совет, канцлер.

Keywords: Political conservatism, CDU, FDP, a small coalition, an economic miracle, the Frankfurt council, the chancellor.

В 1949 г. на европейской арене возникли новые политические образования – ГДР и ФРГ. Находясь между двумя политическими лагерями, Западная Германия, как никакое другое государство Европы, нуждалась в стабильном политическом устройстве. В этой ситуации наиболее выгодным был союз консерваторов и либералов, представлявших собой две политические идеологии, основу которой составляла антикоммунистическая направленность. Поэтому представляется интересным рассмотреть возникновение малой коалиции в Западной Германии как феномен послевоенного политического устройства Германии, выяснить общие точки соприкосновения этих идеологий и ответить на вопрос, выгодным ли было такое сотрудничество.

На выборах в первый бундестаг 14 августа 1949 г. ХДС/ХСС поддержал 31% населения. С небольшим отставанием шла СДПГ – 29,2%, затем СвДП – 11,9%. В сложившейся ситуации превосходство консерваторов над социал-демократами было небольшим, что изначально создало исходную базу для коалиционного образования [1]. Первый Бундестаг был представлен широким партийным спектром партий, поскольку пятипроцентный барьер был введён позднее. Всё это вызывало трудности формирования коалиций, главной причиной которого было партийное расщепление, создававшее сходство первого бундестага с Веймарской партийной системой.

Накануне выборов в бундестаг шансы Аденауэра на победу оценивались очень высоко. После того как консерваторам и либералам удалось отойти от социалистических взглядов в своих партиях, шансы на дальнейшее политическое сотрудничество между ними резко возросли. Многие противники и даже члены партии думали об Аденауэре как о фигуре временной, которая в условиях сильных стрессов откажется от поста канцлера. Однако противники недооценивали Аденауэра. Для него конфронтация с СДПГ была наиболее желаемой. При неустойчивых отношениях среди социал-демократов и нежелании идти к сотрудничеству малая коалиция более жизнеспособна. Кроме того, наличие оппозиции в парламенте давало возможность к принятию жестких мер.

Формирование коалиции представляло огромные трудности для Аденауэра. Ему необходим был союз с ХСС, поскольку баварцы в большинстве были за малую коалицию и являлись со-

юзниками Аденауэра против социальных комитетов ХДС [2], составлявших левое крыло партии. Также он делал ставку на членов Франкфуртского экономического совета, в котором у него произошло сближение с либералами и которые в целом поддерживали его политику. В сложившейся ситуации Аденауэру наиболее правильным было делать ставку на Хейса и председателя ХСС Баварии Ханса Эрхарда.

Вообще Аденауэр вынужден был считаться с либералами, поскольку либеральная экономическая концепция сыграла решающую роль в прорыве Аденауэра к политической власти. Ключевой фигурой коалиции был либерально настроенный Людвиг Эрхард. С ним Аденауэра связывали как минимум три причины. Во-первых, Эрхард персонифицировался как противоположный полюс ко всем социалистическим силам и плано-экономической организацией экономики [3]. Во-вторых, назначение либерального Эрхарда министром экономики положительно сказывалось на имидже канцлера. В-третьих, выдвижение Эрхарда через баварский избирательный округ усиливало интеграцию между ХДС, ХСС и СвДП [4].

Проблема малой коалиции заключалась в её пестроте. Так, либералы были против национал-либералов, немецкие националисты и скрытые национал-социалисты, южнонемецкие – против северонемецких, приверженцы Аденауэра – против противников Аденауэра. Из всей этой пестрой массы в первые годы канцлерства не могло образоваться никакой опасной силы, тем более внутри ХДС.

Роль председателя СвДП Франца Блюхера в этом контексте имела значительный вес. Так, имевшиеся амбиции он был вынужден держать в себе. Имея претензии на пост министра иностранных дел, он тем не менее был настолько ослаблен внутривнутриполитическими распрями внутри партии, что вынужден был цепляться за Аденауэра, чтобы сохранить пост председателя СвДП.

Всё же следует отметить, что все противники Аденауэра недооценивали вес христианско-демократического движения в его политике. Она охватывала социалистические, консервативные, либеральные группировки, католиков и протестантов. Политический католицизм в 50-е гг. являлся связывающим звеном различных политических сил, олицетворением которого был Аденауэр.

В сложившейся ситуации многие члены ХДС/ХСС считали коалицию с СДПГ наилучшим решением. Это объяснялось тем, что таким образом создавалось сильное правительство, и это решение приветствовалось бы оккупационными властями, в особенности англичанами [5]. Тем не менее руководство обеих партий стремились избежать создания коалиционного правительства. Причём Курт Шумахер ультимативно заявил, что готов к коалиции при условии передачи его партии Министерства экономики. Пойти на это, при успешно развивающемся социальном рыночном хозяйстве, Аденауэр не мог. Если бы СДПГ получила Министерство экономики, был бы похоронен один из самых существенных пунктов программы ХДС/ХСС. Поэтому в высшем руководстве ХДС/ХСС господствовало мнение сторонников малой коалиции с СвДП, сгруппированное в предвыборной борьбе вокруг Аденауэра и Людвиг Эрхарда [6].

Следует отметить, что Эрхард был в некоторой степени обязан либералам. Так, беспартийный экономист только по настоянию либералов смог занять пост директора экономики в англо-американской оккупационной зоне, что в немалой степени способствовало, по мнению историка Х.-Р. Шварца, тому, что «эра Аденауэра была как раз также эрой Эрхарда» [7].

Для коалиционных планов Аденауэра важную роль играли отношения с ХСС, которая была сторонницей малой коалиции и являлась верной союзницей Аденауэра против социальных комитетов ХДС, образовавших левое крыло партии [8]. Кроме того, Аденауэр рассчитывал создать сильное крыло министров из южногерманских консерваторов во главе с Эрхардом [9].

В этой ситуации 20 августа Аденауэр организовал встречу с Эрхардом во Франкфурте. На ней оба связали себя с малой коалицией. Также договорились о том, что Аденауэр получает пост канцлера, а Эрхард становится председателем бундесрата. Баварский премьер-министр согласился, что Теодор Хейс получит должность федерального президента [10].

На следующий день после встречи с Эрхардом Аденауэр собрал у себя в Рондорфе ключевых членов союза ХДС и ХСС. Круг приглашённых был определён так, чтобы среди 26 приглашённых доминировали те, кто был за правоцентристскую коалицию и слабыми приверженцами большой коалиции (П. Альтмайер, Г. Мюллер, В. Хилпер, Г. Гереке и А. Дичтел). На встречу не были приглашены сторонники союза с СДПГ, в частности самый важный протагонист большой коалиции, премьер-министр Карл Арнольд из Северной Рейн-Вестфалии [11]. Члены СвДП в этом собрании участия не принимали. В разговоре с приглашёнными Аденауэр сделал упор на продолжении франкфуртской коалиции и углубления реформ «социального рыночного хозяйства». Это дало ему возможность заручиться поддержкой левого крыла партии, в котором были сильны профсоюзы в лице Теодора Бланка и Якоба Кайзера, являвшиеся приверженцами эрхардовской эко-

номической программы и считавшие, что можно осуществить благоразумную социальную политику с рассудительной экономической деятельностью [12].

Когда встал вопрос о назначении федерального президента, Аденауэр отверг все кандидатуры по причине их малозначительности. Близкий соратник Аденауэра Гебрахт Мюллер так описывал речь канцлера. По его мнению, президентом должен стать человек известный в политике, другим, нежели сам канцлер, с возможностью занимать свой пост долгое время, а при необходимости и заменить первое лицо государства и при этом быть опорой канцлеру. На такую должность, как никто другой, подходил Т. Хейс [13].

Основная цель собрания заключалась в подтверждении договорённостей, которые Аденауэр накануне достиг со СвДП и ХСС. Эхарду был предложен пост председателя бундесрата, после чего они вдвоём придумали приманку для Хейса. Ему предполагалось предложить пост президента.

В разговоре Аденауэр объяснил членам партии, что создание большой коалиции при передаче Министерства экономики в руки СДПГ является ошибочным. Кроме этого социал-демократы настроены против союза ХДС с ХСС. К тому же большая часть немецкого народа не разделяет взглядов социал-демократов, и победа христианских демократов была обусловлена успешным осуществлением «социального-рыночного хозяйства». В этой ситуации необходимо «продолжать линию Франкфуртского экономического совета. И искать союзников в лице ХСС и СвДП, поскольку с ними налажены контакты и их мировоззрение наиболее близко с христианскими демократами» [14]. Что же касается критики СвДП за их резкие взгляды против католической церкви, то их оппоненты явно перегибают палку, «поскольку в отличие от социал-демократов с ними всегда можно найти общий язык» [15].

Аденауэр был убеждён, что в рядах СвДП сильны убеждения по вопросам предпринимательства. Кроме того, со свободными демократами у него было много общих решений по вопросам социальной политики. Между тем он понимал, что, как и в ХДС, нет чёткой линии внутри партии, и в узком кругу единомышленников не раз говорил, что «при принятии решений ставку надо делать на ключевые фигуры СвДП: Т. Хейса и Блюхера. Поскольку их мировоззрение наиболее близко к христианским демократам» [16].

Кроме вопроса экономической политики у Аденауэра были много других поводов против коалиции с СДПГ: если бы ХДС и СДПГ образовали правительство, то в парламенте не было бы никакой энергичной оппозиции. Социал-демократы делали ставку на националистическую демагогию, которая представляла опасность для молодого государства. Такое движение лучше всего было иметь вне парламента, поэтому СДПГ, которая жестко выступала против любого решения союзников, была лучшей партией на роль оппозиции. Кроме того, жесткие отношения социал-демократов с оккупационными властями ставили консерваторов в более выгодные позиции, и союзники легче бы шли на контакты с ними.

В своём выступлении Аденауэр заявил, что основные принципы парламентаризма между 1918 и 1933 гг. были неправильно реализованы. Прежде всего, политические партии не стремились создать коалиции партий при сходных политических идеологиях. «Немецкий народ должен приучиться к тому, чтобы самая сильная партия приняла руководство, а другой досталась роль оппозиции. Причём только ответственная оппозиция при проведении политики, направленной на реализацию интересов народа, может добиться победы на следующих выборах. Это и есть парламентская демократия» [17].

В конце дня Аденауэру удалось убедить оппонентов в создании малой коалиции. Такая коалиция давала в итоге 208 мест; 139 – ХДС/ХСС, 52 – СвДП и 17 – Немецкой партии. Таким образом, у консерваторов было хорошее правящее большинство [18].

Следует отметить, что вхождение свободных демократов в коалицию объяснялось не сходством их программных установок с ХДС, а желанием ни при каких обстоятельствах не создавать правительства с СДПГ [19]. Значение Рондорфской конференции заключалось в том, что Аденауэру удалось собрать мощную группу, сочетающую в себе региональные, идеологические и экономические направления, а также членов профсоюзов, католиков, протестантов и представителей ХДС не только британской зоны, но и политиков юга и юго-запада страны.

Таким образом, создание коалиции консерваторов и либералов в послевоенной Западной Германии объяснялось стремлением буржуазных политических партий избежать скатывания страны к социализму. Наиболее приемлемым вариантом в сложившейся ситуации было коалиционное объединение партий. Важным элементом коалиции было то, что ХДС/ХСС и СвДП отошли от партийных принципов Веймарской республики, делавший упор на узкий круг избирателей определённого вероисповедания. Это позволило сделать основными элементами партийных программ буржуазные ценности, являвшиеся общими как для консерваторов, так и для либералов, что, в конечном итоге, способствовало успеху коалиции.

Примечания

1. Datenhandbuch zur Geschichte des Deutschen Bundestages, Bd. I: 1949 bis 1982. Bonn: Verwaltung des Deutschen Bundestages, 1983. S. 34.
2. MÜCHLER G. Die CDU/CSU. Das schwierige Bündnis. München: Verlag Anstalt, 1976. S. 88.
3. DREHER K. Der Weg zum Kanzler. Adenauers Griff nach der Macht. Düsseldorf, Wien: Duncker & Humblot, 1972. S. 215.
4. WENGST U. CDU/CSU im Bundestagswahlkampf 1949. Bonn: Verlag Tectum. S. 23-27.
5. JÜRGEN W. Alte und neue Parteiorientierungen: Die Bundestagswahlen 1949 zwischen Kontinuität und Neubeginn // Wie neu war der Neubeginn? Zum deutschen Kontinuitätsproblem nach 1945. hrsg. v. Everhard Holtmann, Erlangen: Drohung, 1989. S. 50–69.
6. WENGST U. Die CDU/CSU im Bundestagswahlkampf 1949. Bonn: Verlag Tectum, 1960, S. 1–52, 15.
7. WENGST U. Mit und gegen Adenauer und Erhard // Verantwortung für die Freiheit 40 Jahre FDP Wolfgang Mischnick, Stuttgart: Deutsche Verlag-Anstalt, 1989. S. 103.
8. MÜCHLER G. Die CDU/CSU. Das schwierige Bündnis, München: Verlag Anstalt, 1976. S. 88.
9. WENGST U., KNORR H. Auftakt zur Ära Adenauer. Koalitionsverhandlungen und Regierungsbildung im Bund 1949. Düsseldorf: Duncker & Humblot, 1985. S. XXVIII.
10. GELBERG K.-U. Hans Ehard. Die föderalistische Politik des bayerischen Ministerpräsidenten 1946–1954. Düsseldorf: Tonar, 1992, S. 282.
11. HÜWEL D. Karl Arnold. Eine politische Biographie. Wuppertal: Trogte, 1980. S. 207.
12. Aufzeichnungen Gerhard Müller zur Rhöndorfer Konferenz vom 21.8.1949, in Auftakt, S. 39.
13. Aufzeichnungen Gerhard Müller zur Rhöndorfer Konferenz vom 21.8.1949, in Auftakt, S. 40.
14. Adenauer K. Erinnerungen. Stuttgart: Deutsche verlags-anstalt, 1980, Bd. 1. S. 225.
15. Aufzeichnungen Gerhard Müller zur Rhöndorfer Konferenz vom 21.8.1949, in Auftakt, S. 33.
16. Adenauer K. Op. cit. S. 226.
17. Adenauer K. Op. cit. S. 227.
18. Adenauer K. Op. cit. S. 228.
19. FDP-Bundesvorstand, Bd: I; Die Liberalen unter dem Vorsitz von Theodor Heuß und Franz Blücher. Sitzungsprotokolle 1949 bis 1954, Erster Halbband: 1.- 26. Sitzungen 1949–1952, hrsg. v. Karl-Dietrich Bracher, Rudolf Morsey, Hans-Peter Schwäre. Düsseldorf, Tonar, 1990. S. LXXV, Dok. Nr. 5a. S. 45, Dok. Nr. 8. S. 68.

Notes

1. Datenhandbuch Zur house history des Deutschen Bundestages, DB. I: 1949 bis 1982. Bonn: Verwaltung des Deutschen Bundestages, 1983. P. 34.
2. MÜCHLER G. die CDU/CSU. Das schwierige Bündnis. Munich: Anstalt Verlag, 1976. P. 88.
3. Dreher K. Federal der veg TSUM. Adenauers Griff nach der Macht. Dusseldorf, Vienna: Duncker & Humblot, 1972. P. 215.
4. Wengst, U. CDU/CSU im Bundestagswahlkampf 1949. Bonn: Verlag Roof. P. 23 27.
5. Jürgen U. Alte und Neue Parteiorientierungen: die Bundestagswahlen 1949 between Kontinuität und Neubeginn // VI Noah war der Neubeginn? Kontinuitätsproblem hotel zum deutschen nach 1945. HRSG. V. Everhard Holtmann, Erlangen: Drohung, 1989. P. 50-69.
6. Wengst, U., die CDU/CSU im Bundestagswahlkampf 1949. Bonn: Verlag Roof, 1960, Pp. 1-52, 15.
7. Wengst, U., MIT und gegen Adenauer and Erhard // responsibility für die Freiheit 40 sports of the FDP Wolfgang Mischnick, Stuttgart: Deutsche Verlag anstalt, 1989. P. 103.
8. MÜCHLER G. die CDU/CSU. Das schwierige Bündnis., Munich: Anstalt Verlag, 1976. P. 88.
9. Wengst, U., H. Knorr Auftakt Zur Adenauer Era. Koalitionsverhandlungen und Regierungsbildung im Bund 1949. Dusseldorf: Dunker & Humblot, 1985. C. XXVIII.
10. K. W. Gelberg, Hans Ehard. Die föderalistische policies des Ministerpräsidenten friends 1946-1954. Dusseldorf: Tonar, 1992, P. 282.
11. D. Hüwel Karl Arnold. Was eine politische Biographie. Wuppertal: Trogte, 1980. P. 207.
12. We started with Gerhard müller Zur Rhöndorfer Konferenz vom 21.8.1949, Auftakt, p.39.
13. We started with Gerhard müller Zur Rhöndorfer Konferenz vom 21.8.1949, Auftakt, p. 40.
14. Konrad Adenauer Erinnerungen. Stuttgart: Deutsche verlags anstalt, 1980, BD. 1. P. 225.
15. We started with Gerhard müller Zur Rhöndorfer Konferenz vom 21.8.1949, Auftakt, p. 33.
16. Adenauer K. the decree. CIT. p. 226.
17. Adenauer K. the decree. CIT. P. 227.
18. Adenauer K. the decree. CIT. p. 228.
19. FDP Bundesvorstand, DB: I; die Liberalen unter dem Vorsitz von Theodor Heuß and Franz Blucher. Sitzungsprotokolle 1949 bis 1954, Erster Halbband: 1. 26. Sitzungen 1949-1952, HRSG. V. Karl Dietrich Bracher, Morsey Rudolf, Hans Peter Schwäre. Dusseldorf, Tonar, 1990. S. LXXV, Doc. Km No. 5A. P. 45, Doc. HP. 8. P. 68.

Организация работы министерств и ведомств РСФСР в сфере охраны природы в 1950–1970-е гг.

В статье рассматривается процесс формирования и развития системы государственного управления охраной природы в РСФСР и особенности организации природоохранной деятельности министерств и ведомств. Затрагиваются вопросы становления советского законодательства в сфере охраны природы и рационального использования природных ресурсов, выявляются и анализируются причины ухудшения экологической обстановки в стране в 1950–70-х гг. Автор статьи рассматривает также роль экономических реформ 1957 и 1965 гг. в развитии государственной системы управления охраной природы и анализирует влияние ведомственных интересов на формирование экологической политики СССР. В научный оборот впервые вводится ряд документов из фондов российских государственных архивов.

In the article the process of formation and development of the system of state management of nature protection in the RSFSR and features of the organization of the environmental activities of ministries and agencies. Addresses the issues of formation of the Soviet legislation in the field of nature protection and rational use of natural resources, identifies and analyzes the causes of environmental degradation in the country in 1950-70-ies. The author also considers the role of the economic reforms of 1957 and 1965 in the development of the state system of management of nature protection and analyzes the influence of institutional interests on the formation of environmental policy of the USSR. In the scientific circulation for the first time introduced a number of documents from funds of the Russian state archives.

Ключевые слова: охрана природы, природоохранная деятельность, взаимоотношения общества и природы, экологическая политика.

Keywords: environmental protection, environmental protection activities, the relationship between society and nature, environmental policy.

В начале XXI в. в результате постоянного возрастания антропогенного воздействия на природную среду в мире все сильнее обостряется глобальный экологический кризис, который является серьезной опасностью для настоящего и будущего человечества. С каждым годом проблема взаимоотношений общества и природы становится все более актуальной, поэтому большое значение приобретает изучение истоков этой проблемы, а также истории развития природоохранной политики, роли государственных и общественно-политических институтов в решении экологических проблем. Исследование исторического опыта организации работы государственных структур в сфере охраны природы позволяет извлечь определенные уроки и определить возможные пути дальнейшего совершенствования природоохранной практики современного российского государства.

Первые попытки решения экологической проблемы в нашей стране были предприняты в 1950–1970-х годах. Именно в этот период времени под влиянием научно-технической революции, обострения противоречий между человеком и природой и зарождения глобального экологического кризиса в мире появилось осознание необходимости усиления охраны окружающей среды и перехода от стихийного к сознательному регулированию природоохранной деятельности под контролем государства. Эта общемировая тенденция коснулась как Советского Союза в целом, так и отдельных его республик, в том числе РСФСР.

В 1957 г. в СССР началась реформа управления народным хозяйством, задачами которой были децентрализация системы управления, повышение роли союзных республик в хозяйственном строительстве и преодоление ведомственного подхода к решению социально-экономических вопросов. В ходе этой реформы стало очевидным, что в стране нарастает комплекс экологических проблем, для решения которых необходимо выделение охраны природы в самостоятельный объект государственного управления.

Руководство природоохранной деятельностью в определенной степени осуществлялось Советским государством с момента образования СССР, но оно не носило самостоятельного и целенаправленного характера и представляло собой лишь незначительный элемент общего социально-экономического управления страной. Идея выделения охраны природы в специальную область управленческой деятельности появилась лишь в 1950-х гг. Именно к этому времени от-

носятся первые конкретные шаги по перестройке системы государственного руководства охраной природной среды.

После образования Совнархозов в 1957 г. впервые встала задача организации руководства природоохранной работой на уровне отдельных регионов. Началось формирование территориально-республиканской системы управления охраной природы, что создало возможность для более глубокого изучения проблемы взаимоотношений общества и природы и специфических особенностей окружающей среды в различных регионах страны.

ЦК КПСС, Совет Министров СССР, республиканские советские и партийные органы пришли к выводу о целесообразности передачи функции управления охраной природы специальным государственным и отраслевым природоохранным органам [1], которые должны быть созданы в союзных республиках. Они были призваны координировать и направлять работу в сфере охраны природы советских и хозяйственных организаций, предприятий и учреждений, министерств и ведомств, разрабатывать перспективы развития природоохранной практики и определять текущие задачи по обеспечению рационализации природопользования и сохранения благоприятной экологической обстановки.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. в РСФСР были образованы государственные органы по управлению использованием отдельных видов ресурсов. Так, в 1960 г. при Совете Министров РСФСР было основано Главное управление лесного хозяйства (Главлесхоз РСФСР), а в 1961 г. – Государственный комитет по водному хозяйству (Госводхоз РСФСР). С одной стороны, эти структуры были ориентированы на сбережение природных ресурсов и преодоление их нерационального использования министерствами и ведомствами, что имело положительное значение. Но с другой стороны, предоставление широких полномочий этим органам в условиях административно-командной системы и экстенсивной экономики способствовало неограниченному росту приоритета собственных ведомственных интересов в природопользовании над общегосударственными. И практика доказала, что Минводхоз, например, действительно стал одним из основных источников нарушения экологического равновесия в целом ряде регионов страны. Об этом свидетельствует, в частности, так называемый «проект века» о переброске части стока северных рек Сибири в южные районы страны, который был разработан этим министерством.

К счастью, под давлением общественности запуск этого проекта был остановлен. Возможные катастрофические последствия его реализации стали открыто обсуждаться на страницах газет и журналов практически сразу после объявления в стране гласности в 1985 г. Кульминацией стал VIII съезд Союза писателей РСФСР, где вместо обсуждения проблем развития литературы писатели начали рассказывать о нависшей над природой и культурой страны угрозе. Съезд единогласно проголосовал за обращение к М. С. Горбачеву с просьбой немедленно остановить работы по переброске [2]. Таким образом, отмена переброски рек – это заслуга общественности, а не государственных структур, занимающихся охраной природы. И эта победа над ведомственными интересами стала стимулом резкого скачка в развитии российского экологического движения в конце 1980-х гг.

Начиная с 1960-х гг. экологические вопросы занимают все более важное место в социально-экономической политике государства. В октябре 1960 г. принят закон «Об охране природы в РСФСР», в котором было заявлено, что «охрана природы является важнейшей государственной задачей и делом всего народа» [3]. Этот закон впервые обозначил природные объекты, подлежащие охране (земля, недра, леса, воды, атмосферный воздух и др.), определил формы, методы и принципы использования и охраны природных богатств, меру ответственности предприятий, ведомств и каждого человека за нарушение природоохранного законодательства. Важное место в законе занимали вопросы разработки научных основ природопользования, преподавания основ охраны природы в учебных заведениях, пропаганды природоохранных идей. Что особенно важно, разработка и осуществление необходимых природоохранных мероприятий была возложена на Совет Министров РСФСР. В дальнейшем были приняты также законы по охране отдельных видов природных ресурсов.

Одновременно шел процесс формирования организационной структуры государственной системы управления охраной окружающей среды. Он включал в себя три направления: первое – образование структурных элементов руководства охраной природы в высших и местных органах власти; второе – образование территориальной структуры управления; третье – расширение и совершенствование природно-ресурсной системы управления.

В 1965 г. в СССР началась новая экономическая реформа, одной из основных задач которой было превращение министерств, в том числе республиканских, в важнейшие производственно-технические комплексы народного хозяйства. В результате в стране окончательно утвердился отраслевой подход к организации природопользования, министерства и ведомства стали основ-

ными владельцами природных богатств страны, а предприятия различных отраслей промышленности (металлургической, нефтехимической, машиностроительной, химической и др.) – основными источниками загрязнения окружающей среды.

В сложившихся условиях было необходимо создание специального координирующего природоохранного органа. И в июне 1965 г. такой общесоюзный орган создается при Министерстве сельского хозяйства СССР. Это было Главное управление по охране природы, заповедникам и охотничьему хозяйству. Однако права и обязанности этой структуры имели ограниченный характер, а эффективность ее деятельности была низкой в связи с отраслевым статусом. Министерства и ведомства воспринимали решения, рекомендации и распоряжения Главного управления не как правительственные, а как отраслевые, то есть необязательные для выполнения.

В июле 1967 г. было утверждено Общее положение о министерствах, в котором впервые были определены природоохранные функции отраслей. В нем подчеркивалось, что министерство «обеспечивает рациональное использование и восстановление природных ресурсов, учитывая при их эксплуатации интересы других отраслей и народного хозяйства в целом, осуществляет необходимые мероприятия по охране воздуха, почвы и водоемов от загрязнения промышленными и хозяйственными выбросами, сточными водами, радиоактивными веществами и отходами производства, по сохранению растительного и животного мира» [4].

Несомненно, все эти меры имели прогрессивный характер, однако их реализация проходила в сложных условиях административно-командной системы, экстенсивной экономики и затратного хозяйственного механизма, способствующих процветанию ведомственности. Основной принцип административно-командной системы управления заключался в следующем: «выполнение плана любой ценой – закон для предприятия». Он являлся антиэкологичным по своей сути. При строительстве промышленных объектов недостаточно учитывались возможные негативные экологические последствия их работы, а в создании природоохранной инфраструктуры (например, очистных сооружений) повсеместно наблюдалось отставание от запланированных сроков. Эти факторы напрямую влияли на деятельность министерств и ведомств в сфере охраны природы, а тенденция обострения экологического кризиса в стране продолжала сохраняться.

В данных условиях природоохранные органы вынуждены были все чаще обращаться за поддержкой и помощью к государственным и партийным структурам. Вероятно, это стало одной из основных причин резкого увеличения количества принимаемых решений по вопросам рационального природопользования. Так, если в 1967 г. на основе предложений и рекомендаций природоохранных органов в Российской Федерации было принято всего 447 постановлений [5], то в течение восьмой пятилетки (1966–1970 гг.) было принято 4732 решения по вопросам рационализации природопользования, сохранения и воспроизводства природных ресурсов, улучшения экологических условий для жизни людей [6].

Большое внимание стало уделяться повышению ответственности хозяйственных руководителей за реализацию мероприятий в сфере охраны природы. При этом использовались не только административные, политические и воспитательные меры, но и экономические. Так, если в 1966 г. экономические санкции были применены к 1131 хозяйственному руководителю [7], то в 1970 г. штрафам были подвергнуты 4067 человек, всего же за 1966–1970 гг. были оштрафованы 11450 должностных лиц [8].

Однако экономические методы регулирования отношений человека и природы носили эпизодический характер, в основном же оптимизация природоохранной деятельности министерств и ведомств осуществлялась административным путем. В связи с постоянным ухудшением экологической обстановки Правительство РСФСР взяло курс на усиление борьбы с узковедомственным подходом к использованию природных ресурсов. При этом большое внимание уделялось созданию природоохранной инфраструктуры отраслей народного хозяйства. Было установлено, что возведение очистных сооружений должно входить в состав первой очереди строительства заводов и фабрик, а для эффективного контроля за состоянием окружающей среды предприятия обязали создавать у себя специальные природоохранные подразделения (лаборатории).

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. были приняты основополагающие документы и решения, определившие задачи и основные направления охраны почвы, водных ресурсов, рыбных запасов, атмосферного воздуха, ландшафтов и т. д. При этом принимаемые меры были направлены не только на преодоление последствий нарушения экологического равновесия, но и на предупреждение загрязнения природной среды и улучшение форм и методов регулирования отношений общества с окружающей средой.

Важным шагом на пути рационализации использования природных ресурсов стал переход к государственному планированию охраны природы. В республиках СССР в начале 1960-х гг. бы-

ли разработаны и утверждены Генеральные схемы комплексного использования и охраны водных ресурсов на 1960–1980 гг. Они отразили общие тенденции и специфические черты водопользования и охраны окружающей среды, а переход к ним проходил в условиях нарастания темпов и роста масштабов использования природных ресурсов. Так, например, нарастали темпы водопотребления, о чем свидетельствуют данные Всесоюзного института «Гидропроект», который составил прогноз в начале 1960-х гг. Если в 1962 г. водопотребление в стране составило 165 млрд м³, то к 1980 г., по расчетам института, оно должно было вырасти в три раза, до 500 млрд м³ [9].

Уже в середине 1960-х гг. в РСФСР возник дефицит чистой воды, необходимой для удовлетворения растущих потребностей народного хозяйства и коммунальной сферы. В ряде промышленных центров Урала, Центра России, Северного Кавказа недостаток водных ресурсов превратился в сдерживающий фактор социально-экономического развития [10]. Положение усугублялось увеличением сброса неочищенных сточных вод [11]. Продолжалось загрязнение водных источников и ухудшение состояния воды в реках Урала, Волжского, Обь-Иртышского и Кубанского бассейнов [12]. Такая ситуация складывалась на фоне общего увеличения капиталовложений на строительство очистных сооружений и повышения требований к их эксплуатации (см. таблицу) [13].

**Капитальные вложения,
выделенные на строительство очистных сооружений в РСФСР**

Годы	Млн руб.	Процент выполнения к плану
1961	78,4	68,0
1962	111,7	71,4
1963	78,5	82,2
1964	120,6	82,1
1965	195,0	82,0
1966	256,0	90,4
1967	285,0	93,3

Данные таблицы свидетельствуют об устойчивом росте финансовых затрат на охрану водных ресурсов, однако если сравнить их с динамикой роста капиталовложений в народное хозяйство в целом, то мы получим весьма скромные результаты. В 1965 г. на развитие народного хозяйства РСФСР было выделено 38,0 млрд руб. [14], а на строительство водоохраных объектов – лишь 195 млн руб., что составило 0,5% от общего объема средств, вложенных в развитие экономики республики в целом.

Строительство очистных сооружений долгое время оставалось главным направлением охраны природы в стране. К 1970 г. из 16181 предприятий РСФСР очистные сооружения имели только 5536 объектов, или 34% от общего количества. Остальные 66% продолжали сбрасывать сточные воды в водоемы без очистки [15].

Во второй половине 1960-х гг. постепенно начали создаваться Комиссии по вопросам охраны природы и рационального использования природных ресурсов при Советах Министров республик, в том числе и в РСФСР (1982 г.). Образование российской Комиссии было обусловлено, прежде всего, усилением темпов и увеличением масштабов развития производительных сил, освоения новых регионов Севера, Дальнего Востока и Сибири, ростом вмешательства в экологические системы и загрязнения окружающей среды. К тому же в Российской Федерации особенно резко проявлялись ведомственные интересы в использовании природных ресурсов и нарушения природоохранного законодательства. Решения Комиссии признавались обязательными для исполнения всеми министерствами, ведомствами РСФСР, Советами Министров автономных республик, исполкомами местных Советов народных депутатов, а также организациями, предприятиями и учреждениями независимо от их ведомственной принадлежности [16].

В 1970-х гг. государство внесло некоторые изменения и дополнения в программу мер по усилению деятельности министерств и ведомств в сфере охраны природы, к числу которых можно отнести, во-первых, постановку задачи по разработке методики определения эффективности природоохранных мероприятий, а также размеров экономического ущерба, наносимого народному хозяйству загрязнением окружающей среды, а во-вторых, разработку нормативных актов природозащитной деятельности. С этой целью Госкомитету СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды, Министерству мелиорации и водного хозяйства СССР и Госнабу СССР совместно с министерствами и ведомствами союзных республик было поручено разработать

«нормы» предельных выбросов загрязняющих веществ для предприятий, учреждений и организаций и изменить действующие нормативные документы по проектированию и строительству, включив в сметы на строительство и реконструкцию предприятий и сооружений раздел по охране окружающей среды. Также была введена обязательная экологическая экспертиза проектов строительства и реконструкции хозяйственных объектов.

Таким образом, в 1950–70-е гг. были сделаны важные шаги в области разработки организационной концепции государственного управления охраной природы в СССР и ее реализации в союзных республиках, в частности в РСФСР был образован специальный природоохранный орган – Комиссия по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов, определены природоохранные функции государства, обновлена отраслевая природно-ресурсная система управления охраной окружающей среды. Эти меры, несомненно, имели определенные практические результаты. В отчете Главного управления по охране природы, заповедникам и охотничьему хозяйству при Министерстве сельского хозяйства СССР за 1970 г. подчеркивалось, что «положение дела с охраной природы в стране за последние годы и особенно в 1970 году характеризуется усилением повсеместного внимания к проблемам сохранения и рационального использования природных богатств и защиты окружающей природной среды от загрязнения» [17].

Однако сохранялись противоречия между стремлением к созданию целостной системы государственного регулирования взаимодействия человека и природы и господством административно-командной системы, являющейся носителем затратного, нерационального природопользования, гарантом обеспечения приоритета ведомственных интересов перед интересами человека. В основе отношений общества и природы по-прежнему лежали принципы «покорения» и «завоевания» природной среды, концепция неисчерпаемости природных богатств. В результате противоречие между обществом и природой продолжало обостряться.

Присутствовала некая непоследовательность и нерешительность в решении экологических проблем. В целом ряде правительственных и партийных документов звучал призыв к поиску научно обоснованных принципов и методов регулирования отношений человека и природы, и в то же время прогрессивные предложения ученых и некоторых представителей партийно-хозяйственного актива, рекомендации научно-практических конференций и совещаний по вопросам охраны природы не находили практического воплощения в жизнь, так как они подразумевали качественные изменения и в экономическом базисе советского общества, и в его политической надстройке. Приоритет идеологии над экономикой сохранялся.

Углубление противоречия между содержанием государственных решений и практикой их реализации стало одним из факторов обострения экологического кризиса, а также – активным элементом механизма торможения социально-политического развития страны и совершенствования природоохранной деятельности. Кардинальное улучшение экологической ситуации и переход к научно обоснованным принципам и формам взаимодействия человека и природы были возможны только при условии перестройки всего комплекса общественных отношений в СССР.

Примечания

1. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 92. Д. 537. Л. 186.
2. Залыгин С. П. Поворот: Уроки одной дискуссии (Поворот. Интеллект и литература. Зачем нам отеченья? Проект: научная обоснованность и ответственность. Разумный союз с природой) // Поворот. М.: Мысль, 1987. С. 5–31.
3. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 586.
4. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 6: 1966 – июнь 1968 г. М.: Политиздат, 1968.
5. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 436. Оп. 2. Д. 474. Л. 59.
6. РГАЭ. Ф. 436. Оп. 2. Д. 1207. Л. 67.
7. РГАЭ. Ф. 436. Оп. 2. Д. 474. Л. 61.
8. РГАЭ. Ф. 436. Оп. 2. Д. 1207. Л. 67–68.
9. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 33. Д. 175. Л. 4.
10. Там же.
11. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 33. Д. 305. Л. 1.
12. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 33. Д. 175. Л. 1.
13. РГАЭ. Ф. 436. Оп. 2. Д. 725. Л. 49.
14. РСФСР в цифрах в 1986 г. М.: Финансы и статистика, 1987.
15. РГАЭ. Ф. 436. Оп. 2. Д. 1207. Л. 21.
16. Постановление Совета Министров РСФСР от 19.07.1982 № 409 // Собрание постановлений Совета Министров РСФСР. 1982. № 16. Ст. 116.
17. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 33. Д. 305. Л. 1.

Notes

1. Russian state archive of socio-political history. F. 17. Sh. 92. File 537. Sh. 186.
2. Zalygin S. P. *Povorot: Uroki odnoj diskussii (Povorot. Intellekt i literatura. Zachem nam otrechen'ya? Proekt: nauchnaya obosnovannost' i otvetstvennost'. Razumnyj soyuz s prirodoj)* [Turn: Lessons of one discussion (Turn. Intelligence and literature. Why do we have to surrender? Project: scientific validity and responsibility. A reasonable Union with nature)] // *Povorot - Turn. M. Mysl'*. 1987. Pp. 5-31.
3. *Vedomosti Verhovnogo Soveta RSFSR* - News of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1960, No. 40, art. 586.
4. The decisions of the party and the government on economic issues. Vol. 6: 1966 – June 1968. M. Politizdat. 1968. (in Russ.)
5. Russian state archive of economy (RGAE). F. 436. Sh. 2. File 474. Sh. 59.
6. RGAE. F. 436. Sh. 2. File 1207. Sh. 67.
7. RGAE F. 436. Sh. 2. File 474. Sh. 61.
8. RGAE. F. 436. Sh. 2. File 1207. Sh. 67-68.
9. RGAE. F. 7486. Sh. 33. File 175. Sh. 4.
10. Ibid.
11. RGAE. F. 7486. Sh. 33. File 305. Sh. 1.
12. RGAE. F. 7486. Sh. 33. File 175. Sh. 1.
13. RGAE. F. 436. Sh. 2. File 725. Sh. 49.
14. The USSR in figures in 1986. M. Finance and statistics. 1987.
15. RGAE. F. 436. Sh. 2. File 1207. Sh. 21.
16. The resolution of Council of Ministers of the RSFSR of 19.07.1982 No. 409 // *Sobranie postanovlenij Soveta Ministrov RSFSR* - Collection of resolutions of Council of Ministers of the RSFSR. 1982. No. 16, art. 116. (in Russ.)
17. RGAE. F. 7486. Sh. 33. File 305. Sh. 1.

Аллегория и символ как средства актуализации скрытых смыслов

Данная статья посвящена вопросам имплицитного представления сообщаемого. В работе определяются особенности таких средств актуализации скрытых смыслов, как «аллегория» и «символ». Аллегория рассматривается как концептуально-структурированное лингвистическое явление, что позволяет установить смысловые микроконцепты, входящие в буквальную и скрытую сферы аллегорического высказывания. Идентичные микроконцепты двойных смыслов становятся релевантными при выявлении механизма порождения аллегии, основанной на принципе тождества буквального и скрытого смыслов. При сравнении аллегии и символа обнаруживаются различные уровни этой тождественности: в аллегии – это неполное тождество, а в символе – это абсолютное тождество, иными словами, равенство. Такой подход соотнесения двойных смыслов позволил определить параметры, способствующие идентификации данных языковых фигур.

The proposed article is devoted to the problem of the implicit meaning in the utterances. It defines peculiarities of such ways of hidden meanings actualization as “allegory” and “symbol”. The article gives understanding of allegory as the conceptually-structured linguistic phenomenon that makes it possible to determine semantic micro concepts acting as verbal and hidden spheres of allegoric utterances. Identical double meanings become grounds for revealing the mechanism of allegory generation on the basis of literal and hidden meanings identity. Although allegory and symbol originate in the terms of “implicit” and “explicit” identity, there exist various levels of the identity in question: as for allegory, it is incomplete identity, but as far as a symbol is concerned, it is absolute identity, in other words, equality. The given approach of double meanings correlation has made it possible to allocate the parameters identifying and distinguishing these language units.

Ключевые слова: двойной смысл, скрытый смысл, буквальный смысл, аллегория, символ, средства актуализации, декодирование, метод компонентного анализа, метод ассоциирования, образное мышление, микроконцепты, тождество.

Keywords: double meaning, hidden meaning, literal meaning, allegory, symbol, means of actualization, decoding, component analysis, association method, creative thinking, micro concepts, identity.

Проблемы косвенной коммуникации, непрямого, имплицитного представления сообщаемого относятся в настоящее время к наиболее актуальным. К скрытым смысловым компонентам традиционно относят пресуппозиции, импликации, коннотации различных типов: стилистические, экспрессивные, эмоциональные, культурные. Сюда же относят и косвенные речевые акты, намеренные отклонения от речевого стандарта, ассоциативные характеристики языкового знака. «Самые разнообразные и еще не описанные формы скрытых и потенциальных смыслов проявляют себя в процессе перевода... Незаконченность списка наводит на мысль, что детально описанный инвентарь и комбинаторика знаков языковой системы составляют лишь надводную часть айсберга, называемого коммуникацией» [1].

Различные подходы к определению смысла и способов его формирования можно найти в работах И. В. Арнольд, Н. И. Жинкина, О. Л. Каменской, А. А. Леонтьева, А. Р. Лурия, Р. И. Павилениса, Е. Ф. Тарасова, Г. В. Чернова и многих других. Однако, несмотря на большое количество исследований, в том числе диссертационных (В. В. Дементьева, Е. В. Ермаковой, Л. А. Исаевой, А. В. Кашичкина, А. А. Масленниковой, И. Ю. Облачко, И. А. Солодиловой и др.), данная проблема не теряет своей актуальности. Напротив, со становлением когнитивно-дискурсивного подхода, в основе которого лежит принцип антропоцентризма и основной задачей которого является реконструкция работы сознания, определяющего процессы коммуникации, осуществляемой как в живом общении, так и текстовой деятельности, появилась настоятельная потребность посмотреть на проблему скрытых смыслов «глазами новых концепций», а именно в когнитивно-дискурсивном

ракурсе. Согласно этой концепции, формирование смысловой картины является процессом выведения, или инференции, умозаключения на основе взаимодействия языковых значений слов, составляющих высказывание, и элементов когнитивной среды, известных коммуникантам.

Представляется, что скрытый смысл, как и непосредственно данный, является частью семантики и имеет логико-семантическую основу, которую можно идентифицировать с помощью определенной методики декодирования. Опираясь на множество возможностей декодирования замысла, необходимо выбрать максимально актуальную из них, чтобы приблизить полученную информацию к истинностной картине. Речь идет о дешифровке смыслов, скрытых в равноуровневом языковом пространстве.

Декодирование – это множество мыслительных операций, непосредственно связанных с нашей когницией. В сознании человека возникают мыслительные цепочки, состоящие из определенных звеньев – микроконцептов и концептов. Чаще всего возникающие в нашем сознании ассоциации и образы помогают нам понять истинный смысл, например, метафорических, аллегорических или фразеологических высказываний, что обеспечивает успешность коммуникации. Однако образное мышление не способствует выявлению скрытого смысла немецких высказываний, содержащих, например, грамматические формы с имплицитным потенциалом. В данном случае должна быть использована другая, более конкретная методика. Фундаментом этой научной концепции могут выступать уровни коммуникативного пространства. Причем берутся они не изолированно, но в отношениях единиц разных уровней между собой. Поскольку выявление скрытых смыслов содержит установку на обязательное декодирование содержательной стороны, при этом должны учитываться все языковые уровни.

Первым в этом ракурсе следует рассматривать пространство лексем, выявление скрытого смысла которой может основываться на компонентном анализе и определении базовых и ассоциативных сем. Наиболее яркими примерами лексем, содержащих скрытый смысл, являются общепринятые символы, метафоры и аллегории. Для немецкого языка характерны следующие общепризнанные символы:

(1) *das Veilchen* – CC (скрытый смысл): die Bescheidenheit,
die Rose – CC: die Schönheit,
die Lilie – CC: die Sanftmut,
das Ölblatt – CC: der Frieden и т. д.,

а также общеизвестные аллегории-лексем:

(2) *der Hase* – CC: die Feigheit,
der Fuchs – CC: die Schlauheit,
der Jüngling – CC: der Frühling,
der Herbst – CC: das Alter и т. д.

Механизм порождения и прототип аллегории, по сравнению с символом и метафорой, установить гораздо труднее, поскольку в аллегории происходит выделение множества скрытых сущностей. Для того чтобы установить её истоки и декодировать скрытый смысл, необходимо рассмотреть пути взаимодействия двойных смыслов. Например:

(3) *Willkommen, schöner Jüngling,*
Du Wonne der Natur!
Mit deinem Blumenkörbchen
Willkommen auf der Flur!.. [2]

Данное аллегорическое высказывание является примером поэтического представления весны (Frühling) в образе юноши (Jüngling). В качестве основы процесса декодирования лексем, содержащих скрытый смысл, в рамках данного исследования предлагаются метод компонентного анализа и метод ассоциирования. Обратимся к дефинициям лексем, представляющих скрытый (CC) и буквальным (BC) смыслам.

BC: *Jüngling* – «ein fast erwachsener junger Mann»; jung – «(in Bezug auf einen Menschen, ein Tier oder eine Pflanze) so, dass sie erst seit relativ kurzer Zeit leben» [3].

CC: *Frühling* – «1. die Jahreszeit der drei Monate, die auf den Winter folgen; 2. der Frühling des Lebens lit.; die Jugend» [4].

Приведенные дефиниции и возникающие ассоциации (которые могут лавировать в сознании каждого человека) позволяют выделить следующие компоненты скрытого и буквального смыслов:

<u>Jüngling</u>	<u>Frühling</u>
– jung;	– Zeit (Jahreszeit);
– männlich (Mann);	– Monate;
– Zeit;	– Winter;
– Leben;	– folgen;
– Erneuerung;	– männlich (Geschlecht);
– Übergangszustand;	– Leben;
– Blütezeit;	– jung (Jugend);
– Freude (des Lebens);	– Erneuerung;
– Wärme (Herzlichkeit) usw.	– Übergangszustand;
	– Blütezeit;
	– Freude (Gesang der Vögel);
	– Wärme (Temperatur) usw.

Итак, в жёстком импликационале (заключающемся в дефинициях) указанных существительных выделяются четыре общих семы: jung, männlich, Zeit, Leben, которые воспринимаются нашим сознанием в виде идентичных микроконцептов. На основе этих базовых компонентов, расположенных в начале парадигматического ряда, возникает взаимодействие (а точнее, тождество скрытого и буквального смыслов: Jüngling (БС) ≡ Frühling (СС). Кроме того, в результате возникающих ассоциаций (которые входят в вероятностный импликационал и находятся в конце парадигматического ряда) можно выделить ещё несколько одинаковых микроконцептов, которые сопутствуют реализации аллегии такого времени года, как весна: Erneuerung, Übergangszustand, Blütezeit, Freude, Wärme.

Многие общепринятые аллегии являются примером актуализации стандартных ассоциаций, поскольку ассоциативные семы жёсткого импликационала потенциально способны создавать стереотипную характеристику объекта. Например:

(4) *der Fuchs* – СС: die Schlauheit

“Langenscheids Großwörterbuch” даёт следующую дефиницию слова «Fuchs»: «ein Raubtier, das wie ein kleiner Hund aussieht, in einer Art Höhle (dem Bau) im Wald lebt und dessen Fell rotbraun und am Bauch weiß ist <schlau, lustig wie ein Fuchs>» [5].

Рассматривая дефиницию, можно обнаружить, что сема schlau входит в ассоциативное поле существительного Fuchs. Становится очевидным тот факт, что данная сема присуща и тому и другому слову, а реализация аллегии-лексемы осуществляется на основе тождества данных компонентов скрытого и буквального смыслов. Таким образом, компонентный анализ является основным методом, способствующим процессу декодирования в пространстве лексемы. Следует заметить, однако, что в рамках более крупных коммуникативных уровней, вероятно, будут функционировать уже другие методики.

При рассмотрении скрытых смыслов в аллегии следует обратиться к концепции А. Ф. Лосева о соотношении «внутреннего» и «внешнего»: «Здесь “внешнее” перевешивает “внутреннее”, “реальное” – полнее и интереснее “идеального”» [6].

(5) *Wie eitel diese Männer, wie töricht! Es fiel Hedi gar nicht ein, zu weinen. Sie dachte nicht einmal an ihn. ...*

Ihre Paläste waren in Schutt zerfallen, die Paläste mit dem Wappenschild der Hecht-Babenberg: das rote Pferd im blauen Feld. Dahin! Schon aber baute Hedi neue Paläste! Weitaus herrlichere, kühnere!

Ach, sie hatte ihre Jugend vergeudet! Drei Jahre lang hatte sie auf Ottos Brief gewartet und selbst einige hundert Briefe ins Feld geschrieben. Und dieser Krieg endet ja nie, sie hätte alt werden können dabei. Wie töricht! [7]

Основой реализации данного аллегорического высказывания служит представление абстрактного понятия «Traum» (скрытый смысл) посредством конкретного предмета «Palast» (буквальный смысл). Определим, какие семы включают в себя указанные лексемы.

БС: «Palast der; -(e)s, Paläste; ein großes, teures Gebäude, in dem ein König, Fürst o. Ä. lebt <ein prunkvoller P.; der P. des Königs, des Maharadschas usw.>» [8].

СС: «Traum der; -(e)s, Träume; ... 2 ein großer Wunsch <ein T. geht in Erfüllung, erfüllt sich, wird wahr>» [9].

Приведенные дефиниции и возникающие ассоциации позволяют выделить следующие семы, а точнее, компоненты скрытого и буквального смыслов:

Palast

- *das Gebäude*;
- *groß*;
- *teuer*;
- *prunkvoll*;
- *die Realität*;
- *eine Person, die ihn gebaut hat* (z. B. *der Architekt*);
- *eine Person, die ihn besitzt* (z. B. *der König*);
- *die Schönheit (Herrlichkeit)*;
- *der Zerfall (mit der Zeit)*.

Traum

- *der Wunsch (ein abstraktes Bild im Bewußtsein)*;
- *groß*;
- *die Irrealität (sehr oft)*;
- *eine Person, die ihn gebaut hat*;
- *die Schönheit (Märchenhaftigkeit)*;
- *die Erfüllung*;
- *der Zerfall*.

Декодирование скрытого смысла предложенного текста (5) становится возможным, во-первых, в результате выделения лексемы с имплицитным потенциалом и рассмотрения ее семного состава, во-вторых, в результате образного мышления и воображения реципиента. В ходе анализа были выявлены следующие идентичные компоненты: 1) *groß*; 2) *eine Person, die ihn gebaut hat*; 3) *die Schönheit*; 4) *der Zerfall*. Именно на основе этих микроконцептов в нашем сознании формируется смысловая картина и реализуется скрытый потенциал данного отрывка.

Рассматривая актуальное смысловое пространство художественного текста, нередко возникают разногласия в понимании и смешение таких языковых явлений, как аллегория и символ, что и обуславливает актуальность предложенного исследования. До сих пор остаётся открытым вопрос о том, что же объединяет и отличает аллереорию и символ. Прежде всего, их объединяет наличие образа, который фигурирует уже в определениях. Ведь символ – это «идея, образ или объект, имеющий собственное содержание и одновременно представляющий в обобщённой, неразвёрнутой форме некоторое иное содержание» [10]. Несколько другое определение, указывающее на непосредственную связь символа с аллегорией, можно найти в Большой советской энциклопедии: «Символ (от греч. *symbolon* – знак, опознавательная примета), 1) в науке (логике, математике и др.) – то же, что знак, 2) в искусстве – универсальная эстетическая категория, раскрывающаяся через сопоставление со смежными категориями художественного образа, с одной стороны, знака и аллегии – с другой». А далее указывается принципиальное отличие, которое состоит в том, что смысл символа нельзя дешифровать простым усилием рассудка, он неотделим от структуры образа и не существует в качестве некоей рациональной формулы, которую можно «вложить» в образ и затем извлечь из него [11].

Если рассматривать эти понятия в широком смысле слова, т. е. как некие формы выражения, то можно обнаружить подтверждение выдвинутых посылов. «Выразительное бытие есть всегда синтез двух планов, одного – наиболее внешнего, очевидного, и другого – внутреннего, осмысляющего и подразумеваемого. Выражение есть всегда синтез чего-нибудь внутреннего и чего-нибудь внешнего. Это – тождество внутреннего с внешним» [12]. Таким образом, как указывает А. Ф. Лосев, «выражение есть синтез и тождество внутреннего и внешнего, самотождественное различие внутреннего и внешнего. Аллегория есть бытие выразительное. Стало быть, аллегория также имеет нечто внутреннее и нечто внешнее; и спецификум аллегии можно найти, следовательно, только как один из видов взаимоотношения внутреннего и внешнего вообще» [13]. Существуют три вида таких взаимоотношений, однако только два из них представляют для нас определённый интерес. Во-первых, если «внешнее» перевешивает «внутреннее», «реальное» – полнее и интереснее «идеального», то данное выражение является аллегорией. Аллегоризм, по мнению А. Ф. Лосева, есть всегда принципиальное неравновесие между означаемым и означающим. В аллегии образ всегда больше, чем идея. «Образ тут разрисован и расписан, идея же отвлечена и неявна. Чтобы понять образ, мало всматриваться в него как в таковой. Нужно еще мыслить особый отвлеченный привесок, чтобы понять смысл и назначение этого образа» [14]. Во-вторых, если обнаруживается полное равновесие между «внутренним» и «внешним», идеей и образом, «идеальным» и «реальным», в «образе» нет ровно ничего такого, чего не было бы в «идее», то речь идёт уже о символе. В символе всё равно с чего начинать, и в нём нельзя узреть ни «идеи» без «образа», ни «образа» без «идеи». Символ есть самостоятельная действительность. Хотя это тоже встреча двух планов бытия, но они даны в полной, абсолютной неразличимости, так что уже нельзя указать, где «идея» и где «вещь». Это, конечно, не значит, что они никак не различаются между собою. «Образ» и «идея» обязательно отличаются, так как иначе символ не был бы выражением. Однако они различаются так, что видна точка их абсолютного отождеств-

ления и сфера их отождествления. «Стало быть, в аллегории из “идеи”, вступающей в синтез с “образом”, берется “идейная”, “смысловая”, “отвлечённая” сторона. Отождествляется с вещью не вся “идея” и “сущность”, но лишь смысловая, и притом отвлеченно-смысловая, сторона. Итак, в аллегории происходит синтезирование смыслового слоя “внутренней” “идеи” со смысловым или выраженным слоем “внешней” “вещи”. ...Поэтому если в аллегории отвлеченный смысл, идея “внутреннего” отождествляется с выраженным смыслом “внешнего”... то в *символе* самый факт “внутреннего” отождествляется с самым *фактом* “внешнего”, *между “идеей” и “вещью” здесь не просто смысловое, но – вещественное, реальное тождество*» [15]. Таким образом, несмотря на то, что аллегория и символ возникают на основе тождества «внутреннего» и «внешнего», можно пронаблюдать различные уровни этой тождественности: в аллегории – это неполное тождество, а в символе – это абсолютное тождество, т. е. равенство.

В качестве объективного критерия для различения этих двух стилистических фигур Э. Г. Ризель и Е. И. Шендельс рассматривают их путь возникновения (Entstehungsweg). Исходной точкой процесса аллегоризации является абстрактное понятие или обобщённое представление, для которого адресант (автор) подыскивает и находит конкретное облачение (Einkleidung). Идею, которая выражается с помощью наглядного оживления, как правило, нетрудно понять из контекста [16].

В противоположность аллегории исходным пунктом возникновения символа является конкретное явление действительности, в основном это либо какой-нибудь предмет, либо растение или животное, реже человек.

(6) *Der Brief, den du geschrieben,
Er macht mich gar nicht bang:
Du willst mich nicht mehr lieben,
Aber dein Brief ist lang.*

*Zwölf Seiten, eng und zierlich!
Ein kleines Manuskript!
Man schreibt nicht so ausführlich,
Wenn man den Abschied gibt [17].*

Стихотворение Г. Гейне посвящено одной теме, одной детали, которая разрастается в композицию из двух строф – письмо. Однако это письмо приобретает значение обобщённого фрагмента отношений двух людей – символа, знака их отношений: само письмо ничего не значит, но все его детали – его размеры, содержание (то, что «она» поэта не любит) приобретают гипертрофированный смысл, всё время повторяются и варьируются (der Brief, den du geschrieben; dein Brief ist lang; ein kleines Manuskript), скрывая истинную драму (так в поэзии мелочи приобретают смысл человеческой жизни). Эта «драма», обозначенная письмом, носит в стихотворении двусмысленный характер, поскольку представлена как контраст между трагическим содержанием письма и внешне игривым настроением поэта, который не верит, что письмо о разрыве может быть таким длинным. Эта ирония и рождает второй, художественный смысл стихотворения, построенный на параллелизме.

Таким образом, стихотворение Гейне представляет собой фрагмент, содержащий в себе целый мир человеческой жизни, который является формулой и одновременно знаком человеческих отношений. Уже внутри самого стихотворения открывается второй смысловой план с ироническим содержанием, превращающий прямое значение предмета (письмо о разрыве отношений) в его противоположность (продолжение этих отношений).

В качестве основы символа могут быть также использованы реальные процессы из жизни общества. Эксплицитное сообщение о названном реальном денотате вызывает более или менее настоятельно дополнительный смысл, который в некоторых случаях однозначно, а в других (другими лицами) по-разному может быть истолкован.

Например, наиболее известными (общепонятными и общеупотребительными) символами являются те, которые скрываются в названиях конкретных растений: das Veilchen – символ скромности; die Rose – символ красоты и т. д. Или другой пример. Е. Штриттматтер начинает свой роман “Ole Bienkopp” следующими символами:

(7) *Die Erde reist durch den Weltenraum. Der Mensch sendet eiserne Tauben aus und harret ungeduldig ihrer Heimkehr. Er wartet auf ein Ölblatt von Brüdern auf anderen Sternen [18].*

«Eiserne Tauben» – летающие корабли, которые покоряют космос в мирных целях. Данное иносказание является индивидуальным, однако усвоить его легко исходя из контекста. Другой контекстно независимый и общепризнанный символ мира (Frieden) – «Ölblatt».

Таким образом, символ – это идеализированная сущность, которая имеет знаковый характер. Он не может полностью охарактеризовать явление. Он указывает только ведущую сему, не раскрывая свойство предмета. Это их сближает с метафорой, но в символе нет сравнения, как в метафоре.

Если обратиться к уровням реализации аллегории и символа, то можно обнаружить следующее явление. Аллегория может быть выражена одним словом, словосочетанием, предложением или целым текстом. На данное свойство указывает также Ф. Растье в работе «Интерпретирующая семантика», где отмечает три момента:

- 1) предложение может иметь двойной смысл;
- 2) первый смысл скрывает второй;
- 3) второй смысл является основным [19].

В данном случае он опирается на исследования Фонтанье, который определял аллегория следующим образом: «Она являет собой предложение с двойным смыслом – буквальным и духовным одновременно, в котором некоторая мысль подаётся под видом другой мысли, что делает её более весомой и ощутимой, чем в непосредственно высказанной, неприкрытой форме» [20]. Однако далее Ф. Растье подчёркивает, что эти положения относятся в равной мере и к отрезкам текста больше чем предложение.

Кроме того, следует еще раз подчеркнуть, что аллегория может быть выражена одним словом или словосочетанием. Общеизвестны такие примеры: *die Sonne – eine Frau; der Frühling – Jüngling; der Tod – Sensenmann*. Другое дело, что за счёт использования подобной языковой единицы аллегоризируется всё высказывание или целый текст (например, практически все басни).

(8) *Als des Äsopus Löwe mit dem Esel, der ihm durch seine fürchterliche Stimme die Tiere sollte jagen helfen, nach dem Walde ging, rief ihm eine naseweise Krähe von dem Baume zu: "Ein schöner Gesellschafter! Schämst du dich nicht, mit einem Esel zu gehen?" – "Wen ich brauchen kann," versetzte der Löwe, "dem kann ich ja wohl meine Seite gönnen."*

So denken die Großen alle, wenn sie einen Niedrigen ihrer Gemeinschaft würdigen [21].

Фактический материал (басня «Der Löwe mit dem Esel») доказывает, что аллегоризация отдельных языковых единиц может способствовать аллегоризации всего текста. В приведённом примере олицетворение таких абстрактных понятий, как сила и власть (Löwe), покорность и унижение (Esel), а также любопытство (Krähe), приводит к аллегорическому восприятию всего текста. Реципиент понимает, что, с точки зрения подлинного воззрения автора, указанные животные не говорят и вовсе не проповедуют никаких моральных истин. Здесь важна сама идея, способная к морализации.

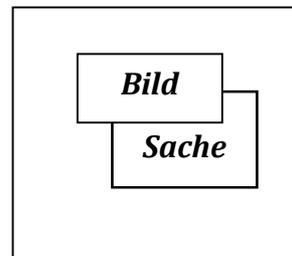
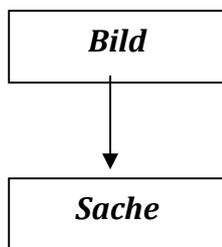
Символ, в отличие от аллегии, может реализоваться только на уровне слова (*die Lilie* – символ кротости и невинности) или словосочетания (*die fünf Ringe* – символ Олимпийских игр). Например, символом выступает спасательный круг в репортаже Э. Э. Киша «Спасательный круг на мостике» (*"Rettungsring an einer kleinen Brücke"*), в котором описывается зверское убийство вождей немецкого рабочего класса Р. Люксембург и К. Либкнехта. Жертвы были сброшены с мостика, на котором висел спасательный круг как символ гуманизма. Картина убийства наглядно показывает, чего этот символ стоит. Однако наличие этого символа никак не искажает и не изменяет содержания данного текста.

Наглядной в отношении дифференциации аллегии и символа является схема, представленная Эберхардом Гермесом в его словаре основных понятий литературы [22]:

Взаимодействие скрытого и буквального смыслов в аллегии и символе

Allegorie

Symbol

В данной схеме чётко прослеживаются различия в порождении и восприятии буквальных и скрытых смыслов в обозначенных фигурах. Действительно, восприятие любого аллегорического высказывания начинается с образа (Bild), интерпретация которого ведёт к пониманию основного смысла (Sache). В символе, в отличие от аллегии, трудно разграничить образ и скрытую идею, так как они образуют единое целое.

Из вышесказанного следует, что аллегория и символ как лингвистические явления могут быть идентифицированы и противопоставлены друг другу по следующим параметрам:

- по способам возникновения: исходный пункт аллегоризации – это абстрактное понятие, а исходный пункт возникновения символа – это конкретное явление действительности;
- по виду взаимоотношений идеи и образа: в аллегории «внешнее» перевешивает «внутреннее», а в символе же обнаруживается полное равновесие между «внутренним» и «внешним»;
- по степени тождественности «идеи» и «образа»: в аллегории – неполное тождество, в символе – абсолютное тождество (равенство);
- по уровням реализации: аллегория может реализоваться на уровне слова, словосочетания, предложения и текста, а символ – только на уровне слова и словосочетания.

Таким образом, проведенный анализ показывает, насколько близки, но не тождественны рассматриваемые средства актуализации скрытого смысла. Построенная концептуальная база, когда идентичные микроконцепты становятся основанием для выявления механизма порождения аллегории на принципе тождества буквального и скрытого смыслов, не только демонстрирует смысловые особенности реализации аллегорических высказываний, но и открывает широкие возможности выхода на более высокий уровень практического овладения навыками эффективного речевого взаимодействия в ситуациях межкультурного общения.

Примечания

1. Скрытые смыслы в языке и коммуникации: сб. науч. ст. / ред.-сост. И. А. Шаронов. М.: Российский гос. гуманитар. университет, 2007. С. 5.
2. Heine H. *Ausgewählte Werke in zwei Bänden*. 1 Band. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1951. S. 86, 147.
3. Langenscheidts Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache: Большой толковый словарь немецкого языка: Для изучающих немецкий язык. М., 1998. С. 530, 362, 735, 992.
4. Там же.
5. Там же.
6. Лосев А. Ф., Шестаков В. П. *История эстетических категорий*. М.: Искусство, 1965. С. 62, 64, 67.
7. Kellerman B. *Ausgewählte Werke in Einzelausgaben*. Der 9. November. Roman. Berlin: Verlag Volk und Welt, 1968. S. 77.
8. Langenscheidts Großwörterbuch.
9. Там же.
10. Ивин А. А., Никифоров А. Л. *Словарь по логике*. М.: ВЛАДОС, 1998. С. 304.
11. Большая Советская Энциклопедия: (в 30 т.) / гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 3-е. Т. 1. М.: Сов. энцикл., 1969. С. 385–386.
12. Лосев А. Ф., Шестаков В. П. *Указ. соч.*
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же.
16. Riesel E., Schendels E. *Deutsche Stilistik*. М., 1975. С. 221.
17. Heine H. *Указ. соч.*
18. Strittmatter E. *Ole Bienkopp*. Roman. Berlin; Weimar, 1974. S. 7.
19. Растье Ф. *Интерпретирующая семантика* / пер. с фр., примеч., предметно-именной указатель А. Е. Бочкарёва. Н. Новгород: Деком, 2001. С. 179.
20. Цит по: Растье Ф. *Указ. соч.*
21. Lessing G. E. *Ausgewählte Werke*. М.: Verlag für fremdspr. Literatur, 1954. S. 29.
22. Hermes E. *Abiturwissen Grundbegriffe der Literatur von A bis Z: Definitionen – Beispiele – Erläuterungen*. – 2. Aufl. Stuttgart; Düsseldorf; Leipzig: Klett, 1999. S. 12.

Notes

1. *Skrytye smysly v yazyke i kommunikacii: sb. nauch. st.* – Hidden meanings in language and communication: collection of scientific articles / ed.-comp. I. A. Sharonov. M. Russian State humanitarian University. 2007. P.5.
2. Heine H. *Ausgewählte Werke in zwei Bänden*. 1 Band. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1951. P. 86, 147.
3. Langenscheidts Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache: Big dictionary of the German language: For learners of the German language. M. 1998. Pp. 530, 362, 735, 992.
4. Ibid.
5. Ibid.
6. Losev A. F., Shestakov V. P. *Istoriya ehsteticheskikh kategorij* [History of aesthetic categories]. M. Iskusstvo. 1965. Pp. 62, 64, 67.
7. Kellerman B. *Ausgewählte Werke in Einzelausgaben*. Der-9. Nov. Roman. Berlin: Verlag Volk und Welt, 1968. P. 77.
8. Langenscheidts Großwörterbuch.
9. Ibid.

10. Ivin A. A., Nikiforov A. L. *Slovar' po logike* [Dictionary of logics]. M. VLADOS. 1998. P. 304.
11. *Bol'shaya Sovetskaya EHnciklopediya* - Big Soviet encyclopedia (in 30 volumes) / chief editor A. M. Prokhorov. Ed. 3. Vol. 1. M. Sov. Encyclopaedia. 1969. Pp. 385-386.
12. Losev A. F., Shestakov. P. Op. cit.
13. Ibid.
14. Ibid.
15. Ibid.
16. E. Riesel, Schendels E. *Deutsche Stilistik*. M. 1975. P. 221.
17. H. Heine. Op. cit.
18. *Strittmatter E. Ole Bienkopp*. Roman. Berlin; Weimar, 1974. P. 7.
19. Rustie F. *Interpretiruyushchaya semantika* [Interpretive semantics] / transl. from Fr., notes, subject-author index A. E. Bochkarev. N. Novgorod. Dekom. 2001. P. 179.
20. Cited for: Rustie F. Op. cit.
21. *Lessing G. E. Ausgewälte Werke*. M.: Verlag für fremdspr. Literatur, 1954. P. 29.
22. *Hermes E. Abiturwissen Grundbegriffe der Literatur von A bis Z: Definitionen – Beispiele – Erläuterungen*. – 2. Aufl. Stuttgart; Düsseldorf; Leipzig: Klett, 1999. P. 12.

УДК 811.111

С. С. Сулова, Ю. В. Зайцева

Концепт *мир* в английской языковой картине мира

В статье приводятся концепты английской языковой картины мира *peace* и *world*. Рассмотрению подверглась их семантическая структура, синонимические и антонимические ряды, а также их производные и понятия-ассоциаты. В статье отмечается, что данные понятия имеют несколько значений в языковой картине мира, которые непосредственно связаны между собой. Одной из задач данной статьи является выявление дериватов, изучение синонимических и антонимических рядов данных понятий. Все приведенные значения представлены как система взаимообусловленных лексико-семантических вариантов. Также указываются отношения ЛСВ в каркасах семантических структур. В статье приводится комплексное описание концепта *мир* в английской языковой картине мира. Актуальность данной темы обусловлена интересом учёных-лингвистов к концептуальному подходу, так как именно концепт включает в себя всю коммуникативно значимую информацию: внутрисистемную, прагматическую, эпидигматическую и этимологическую.

The article presents the concepts of the English language picture of the world *peace* and *world*. It considers their semantic structure, synonyms and antonymous ranks, as well as their derivatives and concepts-associates. The article notes that these concepts have multiple meanings in a language picture of the world that are directly linked. One of the goals of this article is to identify the derivatives, the study of synonymous and antonymous series of these concepts. All values are presented as a system of interdependent lexical-semantic variants. It also indicates the relationship LSV in frames of semantic structures. The article provides a comprehensive description of the concept of peace in the English language picture of the world. Relevance of the topic due to the interest of scientists, linguists to conceptual approach, since it is a concept includes all communicative and meaningful information: in-system, pragmatic, etymological and epidigmatic.

Ключевые слова: концепт, лексико-семантический вариант, языковая картина мира.

Keywords: concept, lexical-semantic variant, language picture of the world.

Современная эпоха развития лингвистики – это, бесспорно, эпоха семантики, центральное положение которой в кругу лингвистических дисциплин непосредственно вытекает из того факта, что человеческий язык в своей основной функции есть средство общения, средство кодирования и декорирования определённой информации [1]. Эта лингвистическая дисциплина, которая связана со значением и означиванием, относится к древним дисциплинам. В семантической структуре слова содержится богатейшая информация о системе ценностей того или иного народа [2].

Каждый язык обладает собственной семантической структурой, создает свой понятийный мир, который служит как бы посредником между действительностью и человеком. Структура языка соответствует частному видению мира людьми, которые говорят на данном языке.

В семантической структуре слова по содержанию связаны определенные, но не любые пары словозначений. Совокупность этих связей образует схему семантической структуры слова.

Каждое значение в такой схеме характеризуется с двух сторон: 1) по содержанию и 2) по статусу в системе номинативных средств языка. Содержательная характеристика словозначения – это структура свойственных ему семантических признаков плюс прагматическое (коннотативное) значение, присущее данному лексико-семантическому варианту. Языковой статус словозначения определяется соотносительными характеристиками лексико-семантического варианта как элемента системы номинативных средств языка. В целом семантическую структуру слова можно определить как схему содержательных связей между словозначениями совокупно с их статутными характеристиками. Содержательные связи словозначений есть практическое выражение общих правил семантического варьирования слова, определяющих его семантический потенциал, его «силовое поле» [3].

В английской языковой картине *peace* имеет 5 значений [4]. Эти значения отражают эпидигматические отношения в составе *peace*, представляя это многозначное слово как систему взаимообусловленных лексико-семантических вариантов.

Peace:

ЛСВ1 – отсутствие войны.

ЛСВ2 – мирное соглашение.

ЛСВ3 – отсутствие шума, неприятного звука.

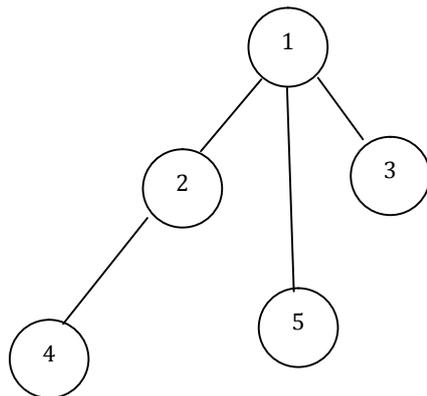
ЛСВ4 – чувство покоя.

ЛСВ5 – ситуация мира и стабильности между людьми, живущими или работающими друг с другом.

Смысловая структура слова имеет радиально-цепочечную связь [5].

Схема производности ЛСВ *peace*
Peace

Граф 1

В английской языковой картине ЛСВ1 *peace* – значение прямое, немотивированное, свободное, реализующее семы «отсутствие», «война». ЛСВ2, ЛСВ3, ЛСВ4 и ЛСВ5 *peace* – значения переносные, мотивированные, свободные. Эти значения реализуют семы «мирный», «соглашение», «шум», «покой», «ситуация», «стабильность», «люди», «работающий», «друг с другом».

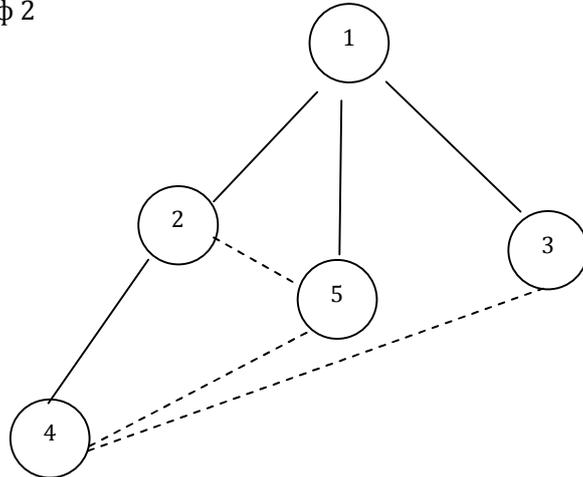
Первоначальное значение (ЛСВ1) является основным в каркасе семантической структуры слова, все остальные лексико-семантические варианты, занимая определённую позицию по отношению к нему, выстраивают схему, обретая подчинённый характер. Так, наиболее близкими к ЛСВ1 являются ЛСВ2, реализующий значение «мирное соглашение», и ЛСВ3, реализующий значение «отсутствие шума, неприятного звука», и ЛСВ5 – «ситуация мира и стабильности между людьми, работающими друг с другом». В свою очередь ЛСВ4, реализующий значение «чувство покоя», следует за ЛСВ2 соответственно. Конечно, подобные графы, отражающие только связи значений по содержанию, являются упрощённой моделью семантической структуры слова. Расстояния между пунктами не всегда соответствуют действительной удалённости значений.

Peace имеет общую мотивирующую часть – «покой», объединяющую производное и первоначальное значения. ЛСВ многозначного *peace* по-разному зависят один от другого и различно связаны между собой. ЛСВ, производные от первого значения, связаны с ним причинно-следственными отношениями или отношениями причинного обоснования. Так, ЛСВ2 непосредственно связан с ЛСВ1 «мирным соглашением», которое подразумевает отсутствие военных действий и, следовательно, войны. ЛСВ3, связанный непосредственно также с ЛСВ1, включает «отсутствие шума, неприятного звука», соответствует состоянию покоя. ЛСВ4 непосредственно связан с ЛСВ2, образован на его базе, их прочно объединяет «чувство покоя» во время мира. ЛСВ5 непосредственно

венно связан с ЛСВ1, так как отсутствие войны – это мирная ситуация, стабильность, дающая людям возможность работать, ладить друг с другом. ЛСВ4 и ЛСВ5 связаны между собой опосредованно, покой и мир благоприятно влияют на отношения людей во всех сферах жизни. ЛСВ3 и ЛСВ4 опосредованно связаны друг с другом также через чувство покоя, возникающее при отсутствии шума или какого-либо другого неприятного звука. ЛСВ2 и ЛСВ5 связаны между собой опосредованно, так как мир дает людям возможность спокойно трудиться.

Заметно, что семантическая структура лексемы *peace* гораздо сложнее, нежели та, что представлена графом. Он, по сути дела, отражает лишь производность значений. Внутренняя же структура *peace* отличается богатством, разнообразием связей и отношений, что можно передать таким графом эпидигмы:

Граф 2

- А) ————— – непосредственная связь
 Б) - - - - - – опосредованная связь

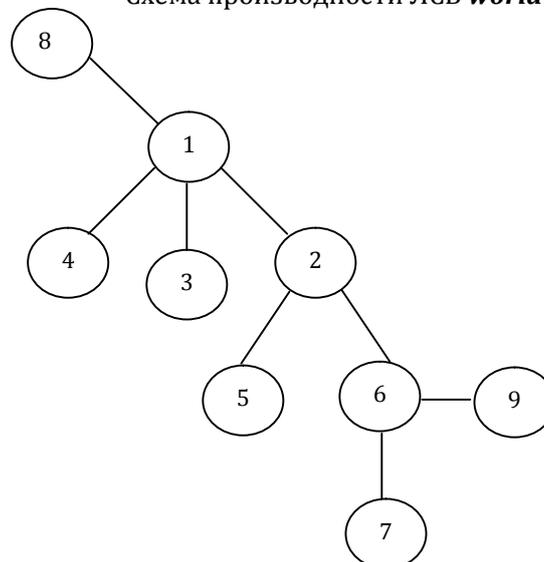
Лексема *world* в современной английской языковой картине имеет 9 лексико-семантических вариантов [6]:

World

- ЛСВ 1 – планета Земля.
- ЛСВ 2 – современное нам общество.
- ЛСВ3 – группа стран.
- ЛСВ 4 – исторический период.
- ЛСВ 5 – сфера деятельности.
- ЛСВ 6 – жизнь одного человека или нескольких.
- ЛСВ 7 – место или ситуация, наполненная чем-либо (чувством, событиями).
- ЛСВ 8 – часть вселенной.
- ЛСВ 9 – суетный мир «за воротами» церкви.

Граф 3

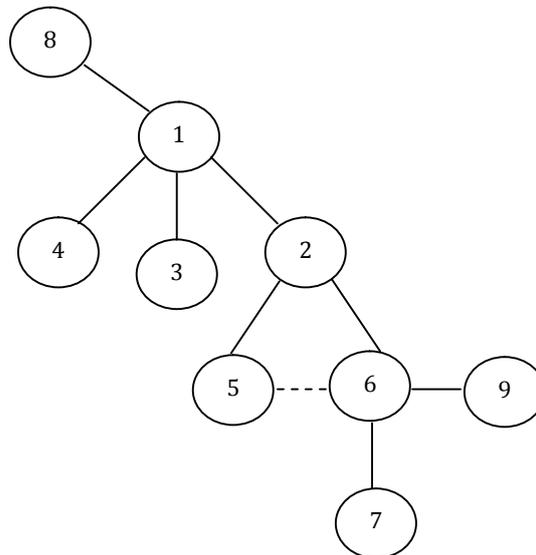
Схема производности ЛСВ *world*

В английской языковой картине *ЛСВ1 world* – значение прямое, немотивированное, свободное, реализующее семы «пространство», «время». *ЛСВ2, ЛСВ3, ЛСВ4 и ЛСВ5 world* – значения переносные, мотивированные, свободные. Эти значения реализуют семы «планета», «общество», «деятельность», «жизнь», «ситуация», «суетность».

На графе 3 *ЛСВ1* занимает центральное положение, вокруг которого на различном расстоянии находятся остальные лексико-семантические варианты, удалённость расположения которых от центра определяет их опосредованность по отношению к *ЛСВ1*. *ЛСВ8*, связанное непосредственно с *ЛСВ1*, располагается обособленно от остальных *ЛСВ*. *ЛСВ2*, являясь достаточно важным и часто понимаемым под лексемой *world*, ведёт за собой группу из *ЛСВ5, ЛСВ6 и ЛСВ9*. Однако уже было отмечено, что подобные графы, отражающие только связи значений по содержанию, представляют собой весьма упрощенную модель семантической структуры слова. Не говоря уже о том, что для их построения необходимо установить какие-то критерии, посредством которых можно было бы с достаточной объективностью определять наличие/отсутствие содержательной связи между парами словозначений, в таких графах лишь грубо оценено семантическое расстояние между отдельными словозначениями. На самом же деле семантическое пространство многозначного слова и его семантическая структура организованы гораздо более сложным образом: для того, чтобы представить их более адекватно, требуется не плоскостная, а объемная модель, с тем, чтобы отразить «сгущения семантических масс», их взаимное расположение и «силы гравитации» между «массами» – словозначениями. В данном случае в отличие от семантической структуры, внутренняя структура *world* практически не отличается, что можно передать следующим графом эпидигмы:

Граф 4

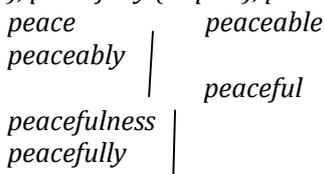

- А) ————— – непосредственная связь
 Б) - - - - - – опосредованная связь

Как показано на графе, опосредованная связь существует между *ЛСВ5* и *ЛСВ6*, в остальном он идентичен графу семантической структуры лексемы *world*.

Известно, что словарь играет определенную роль в формировании картины мира и тесно связан с членением окружающей человека действительности. Различия словарного состава отражают различия в деталях осознания мира людьми разных национальностей.

Слово *peace* имеет следующие производные: *peaceable* (прил.), *peaceably* (нареч.), *peaceful* (прил.), *peacefully* (нареч.), *peacefulness* (сущ.).

Производные *peaceable, peaceful* являются производными первой степени.

Производные *peaceable, peacefulness, peacefully* – это производные второй степени.

Сложные слова, имеющие компонент *peace*, относятся к разным частям речи: *peacekeeping (force/troops) (прил.)*, *peace-loving (прил.)*, *peacemaker (сущ.)*, *peacemarch (сущ.)*, *peaceoffering (сущ.)*, *peacerep (сущ.)*, *peacetime (сущ.)*.

Все производные представляют собой положительные явления и вызывают приятные ассоциации и чувства: покой и спокойствие, надёжность, уверенность и стабильность. Следует заметить, что все из них имеют эквиваленты в русской языковой картине мира.

Синонимический ряд *peace* представлен следующими словами: *Peace – amity, friendship, harmony, concord; tranquility, repose, quiescence; armistice, cease-fire, truce, pacification; neutrality*. Доминантой данного синонимического ряда является слово *pacification*, так как включает в себя два наиболее значимых ЛСВ, входящих в семантику *peace*: ЛСВ1 – отсутствие войны и ЛСВ2 – чувство покоя. Воображение рисует довольно приятную картину: отсутствие войны, покой, стабильность отношений. Весь синонимический ряд состоит из понятий со знаком «плюс». В синонимический ряд *peace* не входят отрицательные значения, его семантика не вмещает отрицательной коннотации.

Антонимический ряд *peace* представлен следующими словами: *war, warfare; enmity, hostility, feud, animosity, animus; emotion, agitation, unrest, disturbance*. Являясь антонимами, данные лексемы наделены явной отрицательной коннотацией, они представляют собой негативные явления и вызывают негативные ассоциации.

Слово *world* имеет следующие производные: *worldly (прил.)*, *worldliness (сущ.)*, *unworldly (прил.)*.

Отметим наличие производных двух ступеней:

<i>world</i>		<i>worldly</i>
		<i>unworldly</i>
<i>worldliness</i>		
<i>worldwide</i>		

Производные первой ступени – *worldly, worldwide*; производные второй ступени – *unworldly, worldliness*.

Сложные слова, имеющие в своём составе компонент *world*, относятся к разным частям речи: *world-beater (сущ.)*, *world-beating (прил.)*, *world-class (прил.)*, *world-famous (прил.)*, *worldly-wise (прил.)*, *worldpower (сущ.)*, *world-shaking (прил.)*, *world-weary (прил.)*.

Синонимический же ряд *world* представлен единицами: *World – creation, nature, universe; earth, globe, wide world; cosmos; macromcosm, megacosm; microcosm; sphere, hemisphere; heavens, sky, firmament; celestial space, outer space, interstellar space; the void; heavenly bodies, stars, nebulae; galaxy, Milky Way, solar system; constellation, planet, planetoid, satellite, comet, meteor; sun, moon*. В данном случае синонимический ряд достаточно широкий, охватывающий понятия космоса, Вселенной, космических тел и явлений, стремление к осмыслению которых всегда притягивало человека. Доминантой данного синонимического ряда является единица *earth (планета Земля)*. Антонимический ряд данного понятия не представлен.

Являясь универсальной категорией, концепт *мир* в каждой этнической культуре обладает национальным своеобразием как в понятийном компоненте, так и в других составляющих концепта.

Примечания

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. М.: Школа «Языки русской культуры», РАН, 1995. 472 с.
2. Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макросем). М.: Индрик, 1998. С. 40.
3. Никитин М. В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). М.: Высш. шк., 1983. С. 37.
4. Longman Dictionary of Contemporary English. Longman Group Ltd 1995.
5. Никитин М. В. Указ. соч.; Диброва К. Ю. Современный русский язык. Анализ языковых единиц. Ч. I. М.: Просвещение, 1995. С. 78–79.
6. Longman Dictionary of Contemporary English.

Notes

1. Apresyan Yu. D. *Izbrannyye trudy* [Selected works. Vol. 1. Lexical semantics]. M. School "Languages of Russian culture", Russian Academy of Sciences. 1995. 472 p.
2. Vendina T. I. *Russkaya yazykovaya kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniya (makrosem)* [Russian language picture of the world through the prism of word formation (macrosem)]. M. Indrik. 1998. P. 40.
3. Nikitin M. V. *Leksicheskoe znachenie slova (struktura i kombinatorika)* [Lexical meaning of a word (structure and combinatorial analysis)]. M. Vyssh. shk. 1983. P.37.
4. Longman dictionary of contemporary English. Longman Group Ltd 1995.

5. Nikitin M. V. Op. cit.; Dibrova K. Y. *Sovremennyj russkijazyk. Analiz yazykovykh edinic* [Modern Russian language. Analysis of language units]. Pt. I. M. Prosveschenie. 1995. Pp. 78-79.

6. Longman dictionary of contemporary English.

УДК: 81'271

О. Н. Егорова

Лингвоспецифика исторического романа

Роль исторического романа как в современной литературе, так и в литературе предшествующих столетий достаточно велика. Появившись в XIX в., исторический жанр прочно занял свое место среди жанров художественной литературы. На протяжении своего становления исторический жанр прошел ряд этапов. Менялись не только тематика и галерея художественно-исторических образов, но и сам язык повествования. Воспроизведение речевых особенностей изображаемого времени, описываемой социальной среды стало одним из существенных признаков художественно-исторического произведения. С течением времени на место хаотичного и искусственного вкрапления архаических слов в повествовательную канву пришла обдуманная и искусная стилизация всего повествовательного пространства под описываемую эпоху. Таким образом, в данной статье рассматриваются особенности построения речевой структуры исторического романа и ее противопоставления современному для автора языку.

The role of the historical novel both in modern literature and the literature of previous centuries is important enough. Having appeared in the 19th century, the historical genre took its firm place among the genres of fiction. During its formation the historical genre underwent a series of stages. Not only the theme and the set of art-historical images changed, but also the language of the narrative altered. The reproduction of speech specifics of the described time period, the social environment became one of the essential features of artistic and historical works. Eventually, chaotic and artificial impregnation of archaic words in the narration was changed to measured and skillful stylization of all the narrative space in the described period. Thus, this article discusses the features of speech-forming structure of the historical novel and its opposition to the modern language of the author.

Ключевые слова: историзм, речь, стилизация, язык, жанр, повествование, художественная литература.

Keywords: historicism, speech, stylization, language, genre, narration, fiction.

Жанрово-стилистическая специфика исторического романа, по мнению ученых, обусловлена прежде всего особенностями предмета изображения. Прошлое – предмет изображения исторического жанра, современность, будущее – предмет изображения неисторических жанров. А поскольку язык есть составная часть общественной жизни человека и, следовательно, входит в предмет изображения, то исторический роман противопоставлен неисторическому как одна эпическая структура другой и по своему языку, особенностям и стилистике. Сам роман как жанр в целом формируется и получает широкое распространение в связи с утверждением в художественной литературе принципа историзма. Еще в большей мере этому принципу обязан своим рождением и расцветом исторический роман. Принцип же историзма в художественной литературе предполагает художественное освоение конкретной эпохи, ее исторически неповторимого облика, колорита. Историзм как основной принцип реалистической литературы в речевом плане требует «объективно-исторического соответствия стиля изображаемому миру действительности» [1].

Воспроизведение речевых особенностей изображаемого времени, описываемой социальной среды является одним из существенных признаков художественно-исторического произведения. На важность достоверности в художественно-историческом произведении указывал Добролюбов, выдвигая требование вымысел в историческом жанре «основывать на истории». Условие истинности изображаемого в произведении о прошлом, по словам Добролюбова, «не ограничивается простыми законами вероятности; автор должен быть верен не только тому, что может быть или бывает, но и тому, что действительно было и было таким, а не другим образом» [2]. В связи с этим весьма существенным представляется вывод академика В. В. Виноградова о том, что именно «на базе историзма как стилиобразующей категории», «историзма как метода понимания и оценки жизненных явлений» в русской литературе 20–30-х гг. XIX в. «расцветают жанры исторической драмы, исторической повести и исторического романа» [3].

Язык эпической структуры на историческую тему в идеале противопоставлен эпической структуре на современную тему как язык, отошедший в прошлое, эпохе современной.

Это противопоставление речевой структуры исторического романа современному для автора языку и, следовательно, речевому строю неисторических жанров проявляется, прежде всего, в ее документальной основе. Романист, который пишет о современности, имеет дело с языковой действительностью, о которой у него есть живое, непосредственное представление, сложившееся на основе личных, повседневных впечатлений от речи окружающих, то есть от непосредственного личного соприкосновения с живой современной речью. Более того, он не только слышит речь своего времени, но и сам ею владеет. В отличие от него автор исторического романа имеет дело с языковой действительностью, которую он за отдаленностью во времени не может воспринять непосредственно, и, следовательно, его знакомство с нею основано преимущественно на изучении документов эпохи: писем, записок, публикаций, летописей, официально-деловых бумаг и т. п. Отсюда следует, что язык любого реалистического исторического жанра в принципе документален, в том смысле, что он воспроизведен на основе представлений, опосредованных через разного рода письменные источники эпохи, в то время как автор произведения на современную ему тему опирается на живые, непосредственные свои представления о современном языке, его функционировании, стилевой дифференциации.

Естественно, что документальная опосредованность речи героев в разных типах исторического романа в зависимости от объективных возможностей и индивидуального стиля писателя может проявляться по-разному. Так, например, документальная опосредованность речи героев в романах, посвященных русской истории XV–XVIII вв., значительно ощутимее, чем, скажем, в произведениях о событиях XIX столетия, где документальность существенно уступает живым, непосредственным впечатлениям автора, что определяется разными объективными возможностями этих типов исторического романа [4].

Но и при равных объективных возможностях, то есть при изображении одной и той же эпохи, одних и тех же исторических лиц, документальность речи героев часто оказывается неодинаковой у разных писателей, что определяется уже индивидуальной методикой художественного творчества, свойственной этим писателям, особенностями их времени, литературного направления. Однако, несмотря на разную степень и разные формы проявления, документальность речи героев в историческом романе оказывается постоянным признаком, отличающим этот жанр от произведений на современные автору темы, где документальность либо совсем отсутствует, либо является не определяющим, а лишь вспомогательным источником языковых средств и не противопоставлена непосредственным представлениям автора о современной ему языковой действительности, основанным на личных впечатлениях от живой речи своего времени.

Еще одним отличительным признаком исторического жанра, в значительной мере зависящим от степени и характера документированности, следует признать, по мнению ученых, наличие в его речевом строе языковых средств, которые характерны для описываемой эпохи, но не свойственны или не характерны для современности. Употребление таких специфических средств, как разного рода историзмы, архаизмы, и составляет одну из наиболее очевидных особенностей исторического романа в отличие от неисторических, современных. Причем особенность эта проявляется не только в самом наличии специфических языковых элементов, так как многие из них в принципе могут быть использованы и в произведениях на современные темы, но и в их функциональном своеобразии, в широте и в частоте их употребления.

В речи героев реалистического исторического жанра это противопоставление неисторическим произведениям является постоянным, обязательным и по наличию устаревших слов, отражающих собой происшедшие во времени изменения во внеязыковой действительности (историзмы), и по наличию архаических средств, отражающих изменения в самой языковой действительности. Как справедливо заметил К. Федин, «в диалогах, в прямой, произносимой речи героев никогда не могут быть слова безотносительные к эпохе, которую описываешь. Это закон для романа исторического» [5]. Но объем и характер употребленных историзмов и архаизмов в речи героев – это величины переменные, избирательные, зависят как от художника, от его индивидуального стиля, так и от объективных причин. Если, например, сопоставить язык трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» и исторической трагедии А. К. Толстого «Царь Борис», то при всей выдержанности в них указанного постоянного жанрового признака речь героев заметно различается: это различие проявляется и в разном объеме употребленных устаревших языковых средств, и в разном их характере, в том, что архаизмы неодинаково представлены на разных уровнях языка, как лексическом, фонетическом, так и морфологическом, синтаксическом, словообразовательном. Эти переменные величины характеризуют уже индивидуальный стиль писателя в пределах жанра. Если сопоставить язык романа А. Чапыгина «Разин Степан» и С. Злобина

«Степан Разин», то и в них речь героев заметно различается: это различие проявляется и в большом объеме употребленных Чапыгиным в своем романе историзмов и архаизмов, и в том, что архаизмы у Чапыгина значительно шире представлены на всех уровнях языка, как лексическом, фонетическом, так и морфологическом, синтаксическом, словообразовательном [6]. Определенные ограничения в употреблении архаичных средств обусловлены и объективными причинами.

При всей, казалось бы, очевидной необходимости в историческом романе «говорить языком времени действия», как можно точнее воспроизводить особенности речи прошлого, для автора, воссоздающего сравнительно отдаленную эпоху, существуют эстетические требования. Из них наиболее существенным является, прежде всего, то, что язык подлинно художественного произведения не может далеко отступать от основы современного автору литературного языка, иначе он перестанет быть понятным для читателя. Как отмечал В. В. Виноградов, «в основе стиля художника-историка должна и может лежать лишь система современного ему литературного языка, языка его среды и его эпохи, эпохи читателей, к которым он обращается... Система современного языка образует семантический стержень художественного выражения, она является тем языковым фоном, на котором выступают отдельные красочные пятна исторической стилизации. Она заложена в структуре художественного произведения как объект отталкивания или сопоставления как критерий всех отклонений и уклонений в область исторических форм выражения – архаичных, областных, иноязычных» [7].

Противоположные стилистические требования, предъявляемые к историческому жанру, приводят к тому, что речевой строй его оказывается двупланов по своей природе: план современного языка и языка изображаемой эпохи непременно сосуществуют в нем. Пропорции, качественно-количественное соотношение этих двух языково-стилистических планов – прошлого и современного автору – в разных произведениях оказываются далеко не одинаковыми. Существенную роль здесь играют и объективные причины как разная степень отдаленности изображаемых эпох, неодинаковая устарелость их речи, и субъективные, в частности особенности индивидуального стиля писателя, особенности литературного направления, в русле которого разрабатывается историческая тема.

Одновременно с наличием в речевом строе художественных произведений о прошлом отличительных элементов языка описываемой эпохи исторический роман противопоставлен неисторическим принципиальной неупотребительностью в нем специфически позднейших, сугубо современных автору языковых средств, которые являются, как правило, широко и часто употребительными в неисторических жанрах. Это еще одно весьма существенное межжанровое противопоставление исторического романа произведениям на современные автору темы в языково-стилистическом плане. В речи героев это противопоставление является, безусловно, постоянным признаком. Обязательным оно является как по отсутствию в историческом романе (наличию в неисторических) позднейших языковых образований, обусловленных экстралингвистическими факторами и характеризующих прежде всего изменения в общественной жизни людей и их предметно-вещественном окружении, так и по неупотребительности в историческом жанре (употребительности в неисторическом) позднейших языковых образований, обусловленных внутриязыковыми причинами и поэтому характеризующих преимущественно изменения в самой речи, как правительствующий – правительственный, свейский – шведский, око – глаз, с очей на очи – с глаза на глаз и т. п. Естественно, что объективные возможности реализации этого противопоставления в разных типах исторического жанра неодинаковы. Неодинаково оно может воплощаться и в зависимости от индивидуальных особенностей стиля писателя. Однако, несмотря на эти различия, некоторая противопоставленность речи героев современным для автора речевым навыкам является постоянным и обязательным признаком исторического жанра.

В авторском же повествовании употребление устаревших средств проявляется свободнее, так как в эпической структуре речь рассказчика может быть противопоставлена диалогам персонажей. Обязательным, постоянным признаком для речи автора в этом отношении является, видимо, лишь неупотребительность в ней тех позднейших языковых образований, которые характеризуют изменения в общественной жизни людей в их предметно-вещевом мире. Употребление таких позднейших языковых образований в речи автора искажает предметно-вещный мир прошлого, его социальную структуру, общественные отношения.

Следующим жанрово-стилистическим отличием исторического романа от неисторического является, по мнению ученых, неодинаковая дифференцированность в них функциональных, социально-речевых, литературно-поэтических и иных стилей языка, представляющих стилистические системы разных исторических эпох. Это отличие в первую очередь распространяется на речь героев, которая в целом должна отразить, естественно, хотя бы некоторые наиболее существенные особенности языка изображаемого времени. Для речи героев этот признак эпохального

своеобразия ее социально-стилевой дифференцированности является постоянным, обязательным, в противном случае будет нарушен принцип историзма, характеризующий роман как жанр в целом. В авторской речи это противопоставление исторического романа неисторическим является факультативным, избирательным и всецело зависит от принципов конструирования речевого образа повествователя.

Пятым отличительным жанрово-стилистическим признаком, в котором язык исторического романа противопоставлен языку произведений на современные сюжеты, следует признать особенности речевого выражения образа повествователя, особенности повествовательной речи рассказчика. В. В. Виноградов неоднократно в своих работах подчеркивал связь образа автора с композицией текста и его объединяющую, организующую роль: «Образ автора – это та цементирующая сила, которая связывает все стилиевые средства в целую словесно-художественную систему. Образ автора – это внутренний стержень, вокруг которого группируется вся стилистическая система произведения» [8]. Повествовательная речь рассказчика в историческом романе может быть приближена к речевым навыкам изображаемой эпохи. Степень этого приближения может оказаться разной – от едва приметной до ярко выраженной, что определяется характером и принципом построения образа повествователя.

Речевое выражение образа повествователя в историческом романе органически связано с уже рассмотренными его жанрово-стилистическими особенностями, с характером документальности языка, принципами отбора и использования речевых особенностей прошлого, современных речевых средств, с социально-речевыми и прочими стилистическими качествами языка прошлого, отраженными в произведении. Речевой образ повествователя оказывается в романе своеобразным фокусом, определяющим и отражающим принципиальный подход автора к художественному решению жанрово-стилистических проблем исторического романа.

Степень выраженности рассмотренных противопоставлений исторического жанра неисторическому и сам их характер могут быть неодинаковыми. Причем неодинаковыми могут быть не только в зависимости от разных художественно-эстетических взглядов писателя, от разных индивидуальных стилей, но и в силу объективных причин. Такими объективными условиями, определяющими разную по степени и характеру выраженность указанных межжанровых различий, являются, по мнению В. В. Виноградова и других ученых, прежде всего особенности самих исторических эпох, обусловленные, в частности, разной степенью их отдаленности и лингвостилистической документированности. Лингвостилистическое своеобразие разных исторических периодов, степень документированности их языка и отдаленность от современных речевых норм объективно порождают в конечном итоге наличие разных языково-стилистических типов исторического романа, определяют разные жанрово-стилистические параметры, в пределах которых варьируются особенности индивидуальных стилей писателей, разное индивидуальное воплощение указанных языково-стилистических особенностей исторического жанра. Эта объективная обусловленность наличия разных языково-стилистических особенностей речевого жанра, наличия разных языково-стилистических типов того или другого исторического жанра, связанная с особенностями самих исторических эпох, с неодинаковой их отдаленностью во времени и лингвостилистической документированностью может служить основой для лингвостилистической типологии и классификации исторического романа.

Примечания

1. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. С. 473.
2. Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.; Л.: ГИХЛ, 1934. С. 530.
3. Виноградов В. В. Из истории стилей русского исторического романа // Вопросы литературы. 1958. № 12. С. 120–121.
4. Нестеров М. Н. Язык русского советского исторического романа. Киев: Выш. шк.; 1978. 192 с.
5. Федин К. Писатель. Искусство. Время. М.: Сов. писатель, 1957. С. 391.
6. Булахова О. Н. Эволюция жанрово-стилистического использования документальных текстов устаревших и неязыковых средств в составе исторических романов о Степане Разине (на материале произведений А. Чапыгина «Разин Степан», С. Злобина «Степан Разин», В. Шукшина «Я пришел дать вам волю»): дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2003. 360 с.
7. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. С. 531.
8. Там же. С. 92.

Notes

1. Vinogradov V. V. *O yazyke hudozhestvennoj literatury* [On the language of fiction]. M. Goslitizdat. 1959. P. 473.
2. Dobrolyubov N. A. *Sobranie sochinenij: v 6 t.* [Collected works: in 6 vol.] Vol. 1. M.; L. State Publishing House of Fiction. 1934. P. 530.

3. Vinogradov V. V. *Iz istorii stilej russkogo istoricheskogo romana* [From the history of the Russian historical novel] // *Voprosy literatury* - Questions of literature. 1958, No. 12, pp. 120-121.
4. Nesterov M. N. *Yazyk russkogo sovetskogo istoricheskogo romana* [Language of Russian Soviet historical novel]. Kiev. Vyssh. shk.; 1978. 192 p.
5. K. Fedin *Pisatel'. Iskusstvo. Vremya* [A Writer. Art. Time]. M. Sov. writer. 1957. P. 391.
6. Bulakhova O. N. *EHvolyuciya zhanrovo stilisticheskogo ispol'zovaniya dokumental'nyh tekstov ustarevshih i neyazykovykh sredstv v sostave istoricheskikh romanov o Stepane Razine (na materiale proizvedenij A. Chapygina «Razin Stepan», S. Zlobina «Stepan Razin», V. Shukshina «YA prishel dat' vam volyu»): dis. ... kand. filol. nauk* [The evolution of the genre-stylistic use of the documentary texts obsolete and non-linguistic means in the composition of historical novels about Stepan Razin (on the works by A. Chapygin "Stepan Razin, S. Zlobin's "Stepan Razin", V. Shukshin "I came to give you freedom"): dis. ... Cand. Phil. Sciences]. Stavropol. 2003. 360 p.
7. Vinogradov V. V. *O yazyke hudozhestvennoj literatury* [On the language of fiction]. P. 531.
8. Ibid. P. 92.

УДК: 81'443

Э. Г-к. Мамедова

Ретроспективный подход к изучению прилагательного как компонент словосочетания в азербайджанском языке

Несмотря на длительную историю исследований и существование довольно большого количества трудов, посвященных изучению различных аспектов прилагательных, в этой области всё ещё остаётся множество проблем и спорных вопросов, требующих к себе более пристального внимания со стороны лингвистов. Исследования, связанные с прилагательными, чаще всего проводятся фрагментарно в отдельно взятой языковой области. Как компонент словосочетания статус прилагательного толковался по-разному. Рассмотрев данный вопрос в рамках особенно генетически отдаленных языков, какими являются азербайджанский и английский языки, мы рассчитываем получить более детальный анализ статуса прилагательного как компонента словосочетания. В связи с этим научный интерес представляет класс имён прилагательных, отличающихся чрезвычайной семантической мобильностью, многовалентностью, широким смысловым объёмом выражаемых понятий.

Despite a long history of research and the existence of a fairly large number of works devoted to the study of various aspects of the adjectives in this area still remains a lot of problems and controversial issues that require a more specific attention from linguists. Research related to the adjectives most often fragmentary conducted in a single language area. As the phrase component status adjective interpreted in different ways. After considering the matter in the framework of particular genetically distant languages, what are the Azerbaijani and English languages, we hope to get a more detailed analysis of the status of the adjective phrases like component. In this regard, the scientific interest is the class of adjectives, different semantic extreme mobility, multivalent, wide semantic expressed in volume terms.

Ключевые слова: прилагательное, азербайджанский язык, компонент, словосочетание, ретроспектива.

Keywords: adjective, Azerbaijani language component, a phrase, a retrospective.

Для изучения статуса прилагательного как компонента словосочетания считаем, что будет правомочно рассмотреть, как изначально исследователи оценивали сам факт словосочетания и какова была научная оценка словосочетания в синтаксисе.

Итак, первый профессиональный синтаксис был написан греческим языковедом Аполлоном Дисколом в первой половине II в. н. э., но учение о словосочетании было создано в XIX столетии. В книге М. В. Ломоносова «Российская грамматика» упоминается о сочетании слов. Немецкие языковеды из школы «Младограмматиков» детально разработали вопросы фонетики и морфологии, по синтаксису написали всего-навсего две книги (Бругман и Дельбрюк). В XIX в. мы можем увидеть изучение о синтаксисе в двух книгах: А. Ф. Вернарди «Учение о языке» (1801–1803) и «Начальные основы языкознания» (1805). В конце XIX в. издается шеститомная работа Бругмана и Дельбрюка «Основы сравнительной грамматики индо-германских языков» (1886–1890) и в начале XIX в. трехтомная книга Бругмана «Краткая сравнительная грамматика индо-германских языков» (1902–1904) [1]. Но и в этих работах нет специального раздела о словосочетаниях. Вопросы синтаксиса, в т. ч. словосочетания в европейском и американском языкознании исследовались мало. Русское языкознание в этом вопросе (да вообще во всех вопросах языкознания) оказало большое влияние на азербайджанское языкознание.

Еще в книге М. В. Ломоносова «Российская грамматика» (1755) вопросы словосочетания занимают особое место. Правда, он термин «словосочетание» не употребляет, вместо этого термина употребляет «сочинение частей слова», а термин «словосочетание» введен в русскую грамматику А. Х. Востоковым в его книге «Русская грамматика» (1831). Но М. В. Ломоносов детально излагает общие особенности, формы и пути образования словосочетания. Почти один век (1755–1831) – до появления книги А. Х. Востокова учение о словосочетании в русском языке развивается под влиянием идеи М. В. Ломоносова [2]. В труде М. В. Ломоносова вопросы предложения не привлекают особого внимания, вопросы словосочетания излагаются изолированно от предложения. Идеи М. В. Ломоносова оказывают большое влияние особенно на Н. Г. Курганову и А. А. Барсову, в работах которых словосочетания исследуются по приемам Ломоносова. После них Н. Греч теорию о словосочетании включает в учение о предложении; он не исследует формы и пути образования словосочетаний, заменяет этот вопрос исследованием грамматических связей (согласование и управление) между словами в предложениями. Вскоре появляется труд А. Х. Востокова «Русская грамматика» (1831). Он считает, что словосочетание – специальный раздел синтаксиса, и дает более обширное введение о глагольных и именных словосочетаниях, более обширно разрабатывает синтаксическую связь «управление», детально излагает синтаксическую связь «согласование», куда включает и другую синтаксическую связь – «примыкание». Позже А. А. Потебня, за ним Д. Н. Овсяннико-Куликовский и А. М. Пешковский отдельно излагают третью синтаксическую связь «примыкание», а Ф. И. Буслаев детально излагает различия между согласованием и примыканием [3].

После работы А. Х. Востокова «Русская грамматика» в грамматиках русского языка синтаксису оказывают значительное внимание, но в то же время в синтаксисе значение словосочетания уменьшается, а уже к 80–90-м гг. XIX столетия учение о словосочетании со страниц синтаксиса совсем исчезает и заменяется учением о предложении. Позднее положение изменяется благодаря творчеству Ф. Ф. Фортунатова. Но нужно отметить, что Ф. Ф. Фортунатов исследованием вопросов синтаксиса не занимался. Его идеи о словосочетании излагаются в его книге «Сравнительное языкознание» [4].

Идеи Ф. Ф. Фортунатова о словосочетании были развиты другим русским языковедом – А. М. Пешковским [5]. В своем труде «Русский синтаксис в научном освещении» (1956) он пишет, что основным исследовательским объектом синтаксиса является словосочетание, что словосочетание – это соединение двух или более слов. Это противоречит его же утверждению о том, что однословные предложения типа *Пожар! Воры! Спасите!* и т. д. являются словосочетаниями. Кстати, в современном английском и американском языкознании сочетания слов типа предлог + слово или слово + послелог считаются словосочетаниями.

Огромный труд А. А. Шахматова «Синтаксис русского языка» (1925–1927) целиком посвящен синтаксису предложения [6]. Автор считает, что изучение словосочетания является средством для исследования предложений. Поэтому в его работе словосочетание как синтаксическая единица не имеет особого положения и значения.

Следует отметить, что подлинное учение о словосочетаниях было создано в советском языкознании после 1950 г. В исследовании вопросов словосочетания особое место принадлежит В. В. Виноградову. В своем труде «Основные вопросы синтаксиса предложения» (1955), «Вопросы изучения словосочетаний» (1954) он разрабатывает теорию словосочетания. По Виноградову, словосочетания – это синтаксическая единица, которая образуется путем синтаксического и семантического присоединения двух или более лексически значимых слов.

В европейском (в т. ч. в английском) и американском языкознании основы теории словосочетаний были заложены в 30-х гг. XX столетия американским языковедом Л. Блумфильдом. По Блумфильду, сочетание двух или более самостоятельно значимых слов (форм) называется словосочетанием. Но, как уже указано, в английском языкознании сочетание одного лексически значимого (самостоятельного) слова с одним вспомогательным словом (предлогом или послелогом) считается словосочетанием. В азербайджанском языкознании словосочетанием признается такое сочетание слов, в котором все компоненты имеют лексическое (семантическое) значение.

В терминологии история исследования словосочетаний не так велика, как в русском языкознании. В одной из первых грамматик тюркских языков «Дивани лугат-ит-тюрк» информация о словосочетаниях не упоминается. В тюркологии впервые о словосочетаниях упоминается в книге Б. Кадри в 1530 г. Автор употребляет термин «изафет», пишет, что сочетание одного существительного с другим существительным называется изафетом.

Первой грамматикой азербайджанского языка считается «Грамматика турецко-татарского языка» (1839) М. А. Казымбека. Оно написано по традициям русского языкознания. В этой грамматике имеется и раздел по синтаксису. В этом разделе употребляется термин «словосочетание»,

но этот термин обозначается как синоним слова «синтаксис»: «В каждом языке сочетание слов или синтаксис в сущности есть прием соединения логики и этимологии». До 1940 г. в грамматиках, посвященных азербайджанскому языку, вопросы синтаксиса освещаются не намного ниже уровня, чем в грамматике М. А. Казымбека. В грамматике имеется даже заглавие «Сочетание слов и речений по отношениям, между ними существующим».

Идеи Казымбека заложили основу учения о словосочетании в азербайджанском языкознании. С 40-х гг. XIX в. (после М. А. Казымбека) по 40-е гг. XX в. в вопросах словосочетания никаких сдвигов не происходит, даже раздел о словосочетании из синтаксиса переводится в морфологию. Лишь в 1944 г. раздел о словосочетании возвращается в синтаксис. И с 1945 г. в азербайджанском языкознании появляются научно-исследовательские работы по словосочетанию. Подлинным основоположником учения о словосочетании в азербайджанском языкознании является М. Г. Гусейнзаде. После 1950 г. одна за другой публикуются его объемные статьи: «Про определительные словосочетания (первый тип определительных словосочетаний) в современном азербайджанском языке», «Про определительные словосочетания (второй тип определительных словосочетаний) в современном азербайджанском языке», «Про определительные словосочетания (третий тип определительных словосочетаний) в современном азербайджанском языке» – и книга «Односоставные и сложные определительные словосочетания в современном азербайджанском языке» (1957). Все эти труды полностью вошли в «Грамматику азербайджанского языка» [7] и книгу «Современный азербайджанский язык. Синтаксис», изданные Бакинским государственным университетом [8].

Как и в русском и европейском (а также американском) языкознаниях, в раннем периоде своего развития в азербайджанском языкознании сочетания всяких двух слов считались словосочетанием. Например, основоположник учения о словосочетании М. Г. Гусейнзаде пишет: «Сочетание всяких двух слов, не образующих предложение, называется определительным словосочетанием» [9]. Это определение в некотором отношении не правильно. Например, сочетания двух слов могут образовать словосочетания, которые не входят в определительные словосочетания (купить книгу, недовольный жизнью, сердце с горем, когда приходил Ахмед и т. д.). Во-вторых, даже без определительных словосочетаний в азербайджанском языке существуют другие типы словосочетаний, например глагольные словосочетания; наречные словосочетания; именные словосочетания, не входящие в определительные словосочетания. А в промежутке между трудами М. Г. Гусейнзаде и Ю. Д. Сеидова в азербайджанском языкознании написаны несколько работ, частично касающихся и вопросов словосочетания, но эти работы в сравнении с трудами М. Г. Гусейнзаде в этом вопросе никакого новшества не внесли [10].

После работы Ю. Д. Сеидова, в которой развивается учение о словосочетаниях, основанное М. Г. Гусейнзаде, в азербайджанском языкознании установлены следующие типы словосочетаний:

1. Именные словосочетания:

а) определительные словосочетания:

1) первый тип определительных словосочетаний; 2) второй тип определительных словосочетаний; 3) третий тип определительных словосочетаний; 4) односоставные определительные словосочетания; 5) сложные определительные словосочетания;

б) именные словосочетания, не входящие в определительные словосочетания [11].

Ю. Сеидов указывает на следующие типы словосочетаний, каждый из которых имеет по несколько подтипов:

1. Глагольные словосочетания. 2. Числительные словосочетания. 3. Наречные словосочетания.

Мы будем исследовать имена прилагательные как компоненты словосочетаний в английском и азербайджанском языках.

В английском языке для выражения отношений больше всего употребляется модель «прилагательное + существительное» (AN): dark night «темная ночь», red flag «красное знамя», oak door «дубовая дверь». По правилам английского языка каждое прилагательное в сочетании с именами существительными имеет свое место. Как известно, в английском языке прилагательные делятся на две группы: 1) фактические (объективные – fact adjectives) и 2) прилагательные личного мнения (субъективные – opinion adjectives). Первые выражают реальную информацию, например цвет, размер, возраст и т. д. Вторая группа выражает личное восприятие качество предмета или оценку. В английском словосочетании AN порядок таков: первым стоит субъективное прилагательное, затем объективное прилагательное, на третьем месте – существительное; например: a nice old lady «приятная старая дама», an interesting historical novel «интересный исторический роман», a lovely sunny day «чудесный солнечный день» и т. д.

В английском языке значение целого словосочетания зависит не только от семантики его компонентов, но и от порядка этих компонентов, например: *light night* «светлая ночь», *night light* «ночной свет».

Наиболее употребляемы в английском языке адъективные словосочетания:

Ap NP good for young children

Ap I n good for you

Ap Ving (P) intent on studying grammar

AN (P) worth the trouble

AI n worth nothing

AVing (P) busy doing sums

A to V (P) ready to go

A for N to V (P) easy for John to read

ApN Ving (P) proud of John being promoted

В английском языке все модели свободных словосочетаний в зависимости от ядерного слова к той или иной части речи можно разделить на разряды; разряд именных словосочетаний, например: a newspaper article; разряд глагольных словосочетаний, например: to see somebody; разряд адъективных словосочетаний, например: free with somebody.

Каждый разряд разделяется на разные типовые структуры словосочетания, например: прилагательное + предлог + существительное (typical of somebody), прилагательное + инфинитив глагола (free to do something).

Интересующий нас адъективный разряд словосочетания (один из самых употребительных в современном английском языке) подразделяется на восемь типов:

1) Прилагательное + предлог + существительное/местоимение: afraid of something. 2) Прилагательное + глагол (инфинитив): easy to read. 3) Прилагательное + предлог + существительное/местоимение + глагол (инфинитив): nice of the boy to come. 4) Прилагательное + предлог + глагол (герундий): famous for painting (pictures). 5) Наречие + прилагательное: widely famous. 6) Прилагательное + глагол (герундий): worth seeing. 7) Прилагательное + существительное: unlike his brother, worth the sacrifice. 8) Прилагательное + предлог + прилагательное: far from important.

Эти типы словосочетаний в английском языке употребляются неодинаково. Наиболее употребительным является тип прилагательное + предлог + существительное/местоимение. Этот тип охватывает 64% всех адъективных словосочетаний. Внутри этой группы модели с предлогами *of, in, to, for, with, from, at, on* составляют большинство. Последние три типа (6, 7, 8) составляют 0,3% всех адъективных словосочетаний в английском языке [12].

Как известно, в азербайджанском языке, как и в английском, прилагательные не имеют особого морфологического указателя. Кроме этого как в английском, так и в азербайджанском языках прилагательные путем примыкания тоже определяют существительные. В языкознании общепринято, что примыкание – самая древняя из всех синтаксических связей [13]. В азербайджанском языке прилагательные могут быть компонентами всех определительных словосочетаний, а также компонентом именных словосочетаний, не входящих в определительные словосочетания.

1. Прилагательное как компонент первого определительного словосочетания. В азербайджанском языке прилагательные употребляются в качестве первого компонента определительного словосочетания и выражают следующие значения:

1) I компонент определяет II компонента по качеству: *yaqşı adam* «хороший человек», *dadlı meyvə* «вкусный фрукт» и т. д.; 2) I компонент определяет II компонента по признаку; 3) I компонент определяет II компонента по цвету: *qara qaş* «черные брови», *qırmızı bayraq* «красный флаг» и др.; 4) I компонент определяет II компонента по внешнему облику: *gözəl qız* «красивая девушка», *balaca uşaq* «маленький ребенок» и др.; 5) I компонент определяет II компонента по размеру: *böyük otaq* «большая комната», *uzun yol* «длинная дорога» и др.; 6) I компонент определяет II компонента по характеру: *xain qonşu* «вероломный сосед», *acıqlı it* «злая собака» и др.; 7) I компонент определяет II компонента по состоянию: словосочетания этого варианта указывают на разные состояния определяемого предмета:

а) указывает на состояния живых существ: *yorğun at* «усталый конь», *xoşbəxt xalq* «счастливый народ» и т. п.; б) определение указывает на состояние определяемого в действии: *yatmış uşaq* «спящий ребенок», *oxuyan qız* «поющая девушка» и др.; в) I компонент определяет II компонента по имуществу: *elmlı adam* «ученый человек», *cildli kitab* «книга в переплете» и др.; г) I компонент определяет II компонента по принадлежности: *elmi iş* «научная работа», *daxili məsələ* «внутренний вопрос» и др.; д) I компонент определяет II компонента по времени: *gələcək gün* «грядущий день», *bugünkü hadisə* «сегодняшнее событие» и др.; е) I компонент определяет II компонента по про-

странству: *küçədəki adam* «человек на улице», *rəfdəki kitab* «книга на полке» и др.; ж) I компонент определяет социальное положение II компонента: *qabaqcıl idarə* «передовое учреждение», *keçici bayraq* «переходящее знамя».

2. Прилагательное как компонент второго определительного словосочетания. В азербайджанском языке прилагательное может выступать как первым, так и вторым компонентом второго типа определительного словосочетания. Например, в словосочетании *gözəllər oylağı* «страна красавцев» прилагательное выступает как первый, а в словосочетаниях *qadın gözəlliyi* «женская красота», *ellər gözəli* «красавица народа» прилагательное выступает как второй компонент словосочетания. В азербайджанском языке оба компонента второго типа определительного словосочетания могут состоять из прилагательных; например: *gözəllərin gözəli* «красавица из красавиц».

3. Прилагательное как компонент третьего определительного словосочетания. В азербайджанском языке прилагательное, субстантивируясь как в единственном числе, так и во множественном числе, приняв аффикс притяжательного падежа как первым компонентом, приняв аффикс категории принадлежности, выступает вторым компонентом третьего типа определительного словосочетания. Имеются следующие типы:

а) первый компонент выражается существительным, второй – прилагательным: *almanın qırmızısı* «красное из яблок», *ətın yağlısı* «жирное мясо» и т. п.; б) первый компонент выражается прилагательным, второй – существительным: *ağın adı, qaranın dadı* (пословица) «имя белого, вкус черного»; в) оба компонента состоят из прилагательного: *gözəllərin gözəli* «красавица из красавиц», *yaхşıların yaхsısı* «хороший из хороших» и т. п.; г) первый компонент выражается прилагательным, второй – числительным: *qırmızının üçü* «трое из красных»; д) первый компонент выражается прилагательным, второй – местоимением: *balacanın özü* «сам маленький»; е) первый компонент выражается прилагательным, второй – глагольным существительным: *balacanın yerışı* «походка малыша»; ж) первый компонент выражается прилагательным, второй – масдаром (инфинитивом): *çalışqanların oxumağı* «учеба трудящихся»; з) первый компонент выражается прилагательным, второй – наречием: *çalışqanların heylisi* «многие из трудящихся»; и) первый компонент выражается прилагательным, второй – вспомогательными словами: *qırmızının başqası* «другой из красных»; к) первый компонент выражается числительным, второй – прилагательным: *birincilərin çalışqanları* «усердные из первоклашек»; л) первый компонент выражается местоимением, второй – прилагательным: *bunlardan pisi* «плохой из этих»; м) первый компонент выражается масдаром (инфинитивом), второй – прилагательным: *yazmağın çətini* «трудности правописания».

В азербайджанском языке существуют и такие именные словосочетания, которые в разряд определительных словосочетаний не входят. Их можно сгруппировать по следующим моделям.

1. Имя существительное в категории принадлежности + прилагательное. Такой тип словосочетания имеет два варианта:

а) существительное в категории принадлежности + простое прилагательное: *gözləri dolğun* «глаза со слезами»; б) существительное в категории принадлежности + производное прилагательное: *əlləri qanlı* «руки в крови».

2. Прилагательное в дательном падеже + существительное в именительном падеже: *gözəllərə hörmət* «уважение к красавицам».

3. Существительное в исходном падеже + прилагательное: *başından yekə* «выше головы», *dağlardan uca* «выше гор».

4. Существительное в исходном падеже + послелог + прилагательное: *ürək kimi geniş* «широко как сердце», *tələk kimi gözəl* «красавица как ангел».

Из изложенных фактов и материалов можно сделать следующие выводы.

Словосочетанием признается такое сочетание слов, все компоненты которых имеют лексическое (семантическое) значение.

Как в английском, так и в азербайджанском языках для выражения отношений больше всего употребляется модель «прилагательное + существительное».

В английском языке все типы именных словосочетаний входят в разряд определительных словосочетаний, но в азербайджанском языке, как указано выше, существуют и такие именные словосочетания, которые в разряд определительных словосочетаний не входят.

Примечания

1. Левицкий Ю. А. Основы теории синтаксиса: учеб. пособие. Изд. 3-е. М.: Комкнига, 2005. 368 с.
2. Там же.
3. Нагорная А. В. Английские прилагательные и наречия. М.: Айрис Пресс, 2009. 96 с.
4. Фортунатов Ф. Ф. Очерк современного русского литературного языка. М.: Госучпедгиз, 1941. 288 с.

5. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.
6. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
7. Kazimov Q. Ş. Müasir Azərbaycan dili. Sintaksis. "Ünsiyyət" nəşr. Bakı, 2000. S. 111.
8. Abdullayev Ə. Z., Seyidov Y. M., Həsənov A. Q. Müasir Azərbaycan dili. IV, Maarif nəşr. Bakı, 1985. 468 s.
9. Azərbaycan dilinin qrammatikası. II, Elmlər akademiyası nəşr. Bakı, 1959. 404 s.
10. Müasir Azərbaycan dili. III, Elm nəşr. Bakı, 1981. 443 s.
11. Seyidov Y. Azərbaycan dilində söz birləşmələri. BDU nəşr. Bakı, 1992. 409 s.
12. Нагорная А. В. Указ. соч. С. 68.
13. Müasir Azərbaycan dili. Sintaksis. I, ADU nəşr. Bakı, 1959. S. 123.

Notes

1. Levitsky Yu. A. *Osnovy teorii sintaksisa: ucheb. posobie* [Fundamentals of the theory of syntax: tutorial]. Ed. 3 E. M. Komkniga. 2005. 368 p.
2. Ibid.
3. Nagornaya A. V. *Anglijskie prilagatel'nye i narechiya* [English adjectives and adverbs]. M. Iris Press. 2009. 96 p.
4. Fortunatov F. F. *Ocherk sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Essay modern Russian literary language]. M. Gosuchpedgiz. 1941. 288 p.
5. A. M. Peshkovsky *Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in a scientific light]. M. Uchpedgiz. 1956. 511 p.
6. Shakhmatov A. A. *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian language]. M. Editorial URSS. 2001. 624 p.
7. Kazimov Q. Ş. Müasir Azərbaycan dili. Sintaksis. "Ünsiyyət" nəşr. Bakı, 2000. P. 111.
8. Abdullayev Ə. Z., Seyidov Y. M., Həsənov A. Q. Müasir Azərbaycan dili. IV, Maarif nəşr. Bakı, 1985. 468 p.
9. Azərbaycan dilinin qrammatikası. II, Elmlər akademiyası nəşr. Bakı, 1959. 404 p.
10. Müasir Azərbaycan dili. III, Elm nəşr. Bakı. 1981. 443 p.
11. Seyidov Y. Azərbaycan dilində söz birləşmələri. BDU nəşr. Bakı. 1992. 409 p.
12. Nagornaya A. V. Op. cit. P. 68.
13. Müasir Azərbaycan dili. Sintaksis. I, ADU nəşr. Bakı. 1959. P. 123.

УДК 811.512.31:811.161.1

Д. Л. Шагдарова

Гиперо-гипонимическая парадигма и сложносоставные слова в разноструктурных языках

В языкознании установлено, что словарный состав существует в виде системных объединений слов, например гиперо-гипонимических парадигм. В статье ставится цель показать, что довольно внушительная часть сложносоставных слов образуется как соотносящиеся между собой родовидовые слова. Родовые слова (напр., в бурятском языке *модон*, в русском языке *дерево*), обладая более обобщенным содержанием, чем видовые слова (например, *хуһан* 'береза', *нарһан* 'сосна'), выполняют словообразовательную функцию. Так, например, ввиду отсутствия в бурятском языке категории рода родовое слово *эхэнэр* 'женщина' выполняет функцию, аналогичную родовому суффиксу -к- в русском языке. Как известно, подобная же картина наблюдается в английском языке (бур. *англи эхэнэр*, англ. *english women*, рус. *англичанка*).

Linguistics determines that the vocabulary exists in the form of the systematic associations of words, for example, hyper-hyponymic paradigms. The article aim to show that quite impressive part of compound words forms as a correlated with each other generic words. The generic words (eg., in the Buryat language *модон*, in Russian *дерево*), having a more generalized content than the species words (eg., *хуһан* 'birch', *нарһан* 'pine') perform the derivational function. For example, in the Buryat language due to the absence of the category of gender, a generic word *эхэнэр* 'woman' performs a function similar to the generic suffix -k- in Russian. It is known that the similar pattern is observed in the English language (bur. *англи эхэнэр*, eng. *an english woman*, rus. *англичанка*).

Ключевые слова: гиперо-гипонимическая парадигма, сложносоставные слова, родовое слово, видовое слово, включение.

Keywords: a hyper-hyponymic paradigm, compound words, a generic word, word species, including.

В науке о языке установлено, что слова в нем живут не изолированно друг от друга, а семьями, группами. К таким группам в бурятском языке относится гиперо-гипонимическая группировка слов. В ее формировании большую роль играет родовое слово, которое является носителем

интегрального значения. Например, родовое слово *модон* 'дерево' обозначает любое дерево, независимо от сорта – хвойное или лиственное дерево, ель или береза, а видовые названия обозначают конкретные деревья определенных сортов: *хуһан* 'береза', *нарһан* 'сосна', *шэнэһэн* 'лиственница' и т. д.

Словом *род*, по данным толкового словаря, обозначается «4. группа, разряд предметов, явлений, понятий и т. п., объединенных общими существенными признаками. ||¹ Лог. Понятие, включающее в себя ряд менее общих понятий, представляющих собой видовые понятия. || Биол. группа животных или растительных организмов, объединяющих близкие виды» [1]. А слово *вид* (омоним) в том же словаре определяется так: «*вид*² ... 1. Разновидность, тип (напр., виды оружия, виды искусства. – Д. Ш.). 2. Лог., филос. общее понятие, входящее в состав другого, более общего, родового понятия. Литература, в обширном значении, обозначает собою и науку... Таким образом, в этом смысле, сама наука относится к литературе, как к роду, как часть к целому. Белинский. Опыт истории русской литературы. Соч. А. Никитенко [2]. Соответственно приведенным значениям слов *род* и *вид*, на наш взгляд, различаются родовые и видовые слова, обозначающие родовые и видовые понятия. Например, в приведенном примере *модон* 'дерево' – родовое слово, *хуһан* 'береза', *нарһан* 'сосна' – видовые слова. Видовое слово обозначает класс предметов, который входит в объем более широкого класса, называемого родом, например: *шэлбүүһэтэ модод* – хвойные деревья являются видом по отношению ко всему классу деревьев, но они становятся родом по отношению к классу сосен – *нарһан* (сосны – вид хвойных деревьев).

Гипонимия тесно связана с синонимией лексических единиц. Она характеризуется подчинением одних единиц другим. Понятие «липа» подчинено понятию «дерево», так как в этом слове выявляются общие признаки всех деревьев. Понятия «липа», «береза», «дуб» находятся в отношении соподчинения, так как они одинаково подчинены родовому понятию «дерево». К примеру, *огородой эдээн* – овощи, *үгэрсэ* – огурцы, *морхооб* – морковь, *помидоор* – помидоры и т. д.; *алим жэмэс* – фрукты: яблоки, груши, сливы; *жэмэс* – ягоды: *клубника*, *нэрһэн* – голубика, *алирһан* – брусника и т. д. Такие понятия основываются на логико-семантических отношениях.

Наличие общего признака (дерево – многолетнее растение с твердым стволом и отходящими от него ветвями, образующими крону) объединяет все видовые слова и отличает их конкретными дифференциальными значениями: *клен* не просто дерево, а дерево с широкими, фигурными листьями; *сарса*, *дуб* – не только крупное лиственное дерево с крепкой древесиной, но и с плодами – желудями.

Такие признаки лексических единиц, отличающие одно слово от других, находящиеся в определенной системе, и составят их вид. Общие признаки для всех видовых понятий образуют род.

Таким образом, гипонимы – один из конституирующих принципов организации словарного состава. В логике гипонимии соответствует понятие «включение». Слова, имеющие более широкий объем понятия, включают в свой объем номинации понятий, составляющих данное и имеющих малый объем понятия, но определяются большим содержанием. Так, понятие «цветок» имеет большой объем понятия, включающий и слова с меньшим объемом понятия, но с большим содержанием: «роза», «гвоздика», «астра», «мимоза» и др. Эти слова – согипонимы, равноправные члены понятия «цветок».

Гипонимия позволяет носителю языка выбирать более общее или конкретное наименование, чего требует та или иная ситуация речевого общения. Например, высказывание «У нас живет долматин» может имплицировать предложение «У нас живет собака» и исключает возможность согипонимов (колли, дог, спаниель, пудель и др.) в данной ситуации. Другая речевая ситуация требует использования согипонимов. Например: «На выставке собак были представлены колли, пудели, спаниели, доги, долматины и другие породы». Ряд может оставаться открытым.

В гипонимические отношения вступают не только предметные слова, но и глаголы. Так, наиболее общим значением перемещения (*хүдэлхэ*, *ябаха* – перемещаться, стать ближе к чему-либо) обладает глагол *дүтэлхэ*, *ойртохо* – приблизиться – гипероним. Это общее значение конкретизируется гипонимами: *хажууда ошохо* – подойти, *гүйжэ ошохо* – подбежать, *мүлхижэ дүтэлхэ (ойртохо)* – подползти, *хүрээжэ ерэхэ* – подъехать, *тамаран дүтэлхэ* – подплыть и др. Кроме общего значения (гиперсемы) они содержат указания на способ приближения: *дүтэлхэ* – подойти (*алхалан* – шагом), *гүйжэ ошохо* – подбежать (бегом), *мүлхижэ дүтэлхэ* – подползти (ползком), *гүйлгээжэ ерэхэ* – подъехать (на каком-то средстве транспорта), *тамаран ерэхэ* – подплыть (вплавь), *ниидэн ерэхэ* – подлететь (по воздуху) и др.

¹ Знак □ означает оттенок значения слова.

Гиперо-гипонимическая парадигма – одна из самых распространенных парадигматических связей слов в семантическом поле, основанных на родо-видовых отношениях соответствующих понятий. Слова, соответствующие видовым понятиям (например, *хуһан* ‘береза’, *нарһан* ‘сосна’, *шэнэһэн* ‘лиственница’, *уляаһан* ‘осина’, *хасуури* ‘ель’, дуб, клен и др.), называются гипонимами, а слово, соотносящееся с родовым понятием (*модон* ‘дерево’), гиперонимом, а гипонимы по отношению друг к другу – согипонимами (*нарһан*, *шэнэһэн*, *хуһан* и др.).

То, что гипероним обладает обобщенным, интегральным значением, позволяет ему в номинативных устойчивых сочетаниях выполнять словообразующую функцию полуаффикса (например, *мал ажал* ‘скотоводство’, *хонин ажал* ‘овцеводство’, *тарьян ажал* ‘полеводство’, *морин сэрэг* ‘кавалерия’, *наран сэсэг* ‘подсолнух’. Здесь *ажал* со значением ‘занятие, деятельность’ выполняет словообразующую функцию. При посредстве такого гиперонима образуются сложноставные слова в бурятском языке.

Для более четкого выделения атрибутивного компонента в сложном имени существительном известный российский монголовед В. М. Надеяев предложил такой способ, как проверка на сказуемость. По его мнению, проверка на сказуемость особенно необходима в тех случаях, когда «она позволяет отличить прилагательное от атрибутивного компонента в сложном имени существительном, близкого семантически к прилагательному, которая, как часть слова, не может переставляться без полного искажения семантики сложного слова: *морин цэрэг* ‘конная армия, кавалерия’; перестановка типа *Цэрэг морин (байна)* с использованием *морин...* в роли сказуемого при подлежащем *цэрэг* ‘армия’ невозможна, так как дает бессмысленное содержание, нечто вроде “Армия есть лошадь”, поэтому *морин* в сочетании *морин цэрэг* не является словом типа относительного прилагательного ‘конный’, а является составной частью сложного существительного...» [3].

Описание, изучение гиперо-гипонимических отношений – это дело будущего, ибо по этой проблеме в бурятоведении мы пока не обнаружили каких-либо изысканий. Поэтому здесь предлагаем вниманию читателей несколько гиперо-гипонимических парадигм, иллюстрирующих выделенные положения:

бороо – дождь: *дулаан бороо* – грибной дождь, *сагаан бороо* – слепой дождь, *үһээ бороо* – продолжительный (или затяжной дождь), *аадар бороо* – проливной дождь, *намарай бороо* – осенние дожди;

аадар – ливень (проливной дождь): *дуутай* (или *залинта*) *аадар* – гроза, *сагаан аадар* – скоро проходящий (при солнце ливень);

саһан – снег: *абаахай саһан* (или *найман хүлтэй саһан*) – снег хлопьями, *нямхай саһан* – липкий снег, *байрын* (или *һууриин*) *саһан* – снег, который сохранится, не тая до весны, *сурхагтанги саһан* – наст, *хур саһан* – прошлогодний снег, *хүбэнэг* (или *шэнэ*) *саһан* – снежная пороша. В новом литературном языке появились сочетания: *нойтон саһан* – мокрый снег, *түрүүшын саһан* – первый снег, *мүнхэ саһан* – вечный снег;

үүлэн – ‘облако’, ‘туча’: *һэмжэн үүлэн* – перистые облака, *аадарай үүлэн* – грозовая туча, *баглагар үүлэн* – кучевые облака, *нүүдэл үүлэн* фольк. – странствующие тучки. Во всех этих случаях слова *бороо* ‘дождь’, *аадар* ‘ливень’, *саһан* ‘снег’, *үүлэн* ‘облако, туча’ выполняют роль словообразующего аффикса.

Примечания

1. Словарь русского языка (МАС): в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Рус. яз., 1981–1984. М., 1981. Т. I / ред. А. П. Евгеньева и Г. А. Разумникова. М., 1983. Т. III. Изд. 2-е, испр. и доп. / ред. Е. А. Иванникова. С. 723.

2. Словарь русского языка (МАС): в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Рус. яз., 1981–1984.

3. Надеяев В. М. Современный монгольский язык. Морфология. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. С. 98.

Notes

1. *Slovar' russkogo yazyka (MAS)*- Dictionary of the Russian language (MAS): in 4 vol. / AS SSSR, In-t of Rus. lang.; under the editorship of A. P. Evgenieva. Ed. 2nd, rev. and add. M. Rus. lang. 1981-1984. M. 1981. Vol. I / edited by A. P. Evgenieva, G. A. Razumnikova. M. 1983. Vol. III. Ed. 2nd, rev. and add. / ed. by E. A. Ivannikova. P. 723.

2. *Slovar' russkogo yazyka (MAS)*- Dictionary of the Russian language (MAS): in 4 vol. / AS SSSR, In-t of Rus. lang.; under the editorship of A. P. Evgenieva. Ed. 2nd, rev. and add. M. Rus. lang. 1981-1984.

3. Nadelyaev V. M. *Sovremennyj mongol'skij yazyk. Morfologiya* [Modern Mongolian language. Morphology]. Novosibirsk. Science. Sib. dept. 1988. P. 98.

Для обозначения трех букв в бурятских словах использованы символы из латинского алфавита: ү, өө, һ.

Лексическое варьирование печорских фразеологизмов в сопоставлении с общерусскими

В статье рассматриваются фразеологические единицы говоров Низовой Печоры, семантически эквивалентные общерусским оборотам, но имеющие лексические несоответствия. Установлено, что несовпадающие компоненты печорских оборотов находятся с варьируемыми компонентами общеупотребительных выражений в разного рода парадигматических отношениях (синонимических, антонимических, гипер-гипонимических, гипонимических, партитивных, отношениях корреляций семантической производности), а также в ассоциативных и расширенно понимаемых тематических связях. Нередко компонент общерусского фразеологизма заменяется местным или архаичным элементом. Сопоставление литературных и диалектных устойчивых выражений открывает широкие возможности для уточнения этимологических сведений, более правильного понимания фразеологического образа, а в перспективе – для реконструкции картины мира диалектоносителя.

The article deals with the phraseological units used in some dialects of lower reaches of Pechora. These units are semantically equivalent to similar Russian-wide units, but at the same time they have some lexical differences. It is proved that mismatched components of Pechora phrases are related to variable components of common phraseological units by having different types of paradigmatic relations (synonymic, antonymic, hyper-hyponymic, hyponymic, partitive relation and correlation of semantic derivation). They also have some associative connection and thematic relations of extended understanding. It often happens that a component of some Russian-wide phraseological unit is replaced with a local or archaic element. The comparison of literary and dialect set expressions open great opportunities for updating etimological data, accurate understanding of phraseological image, and in the long term for the reconstruction of a dialect speaker's image.

Ключевые слова: говоры Низовой Печоры, диалектная фразеология, лексическая вариантность фразеологизмов.

Keywords: dialects of lower reaches of Pechora, dialect phraseology, lexical variation of phraseological units.

Вариативность считается общим свойством, заложенным в самом «устройстве» языковой системы, способом существования и функционирования всех без исключения единиц языка [1]. Вариантность присуща и фразеологическим единицам. Особый интерес вызывает эквивалентность диалектных и общерусских фразем, поскольку именно диалектное варьирование является источником очень важного и ценного материала для исторической фразеологии. Фразеологизмы одного говора относительно сочетаний других говоров и фразеологизмы отдельных говоров по отношению к общенародным оборотам считаются вариантами [2].

В статье рассматриваются фразеологизмы русских говоров бассейна Низовой (Нижней) Печоры. Это говоры территории позднего заселения, формирование которых относится к периоду после XIV в. По основным своим чертам говоры Низовой Печоры относятся к говорам северного наречия [3]. Однако «формирование говоров территорий позднего заселения разворачивается в условиях интенсивных междиалектных, а часто и межъязыковых контактов» [4].

Между печорскими и общерусскими фразеологизмами сходной семантики обнаруживается фонетическая, словообразовательная, грамматическая, лексическая и конструктивная вариантность [5]. В статье более подробно остановимся на лексических вариантах печорских фразеологизмов по сравнению с общенародными оборотами.

Вариантность фразеологических единиц привлекает внимание многих ученых-филологов. И если формальное варьирование фразем (фонетическое, словообразовательное, грамматическое) не вызывает сомнений, то существование лексических вариантов фразеологизмов признают далеко не все исследователи; дискуссионным по-прежнему остается вопрос о разграничении фразеологической синонимии и лексической вариантности фразеологизмов.

Наряду с формальным варьированием фразеологизмов, т. е. варьированием его компонентов, трансформацией слов, лексическое варьирование признается такими авторитетными фразеологами, как А. И. Молотков, В. М. Мокиенко, В. П. Жуков, Н. Ф. Алефиренко и др. Более того, лексическое варьирование как «трансформация раздельнооформленной, но семантически цельной единицы» [6] признается **собственно фразеологическим варьированием** в отличие от формального. Имен-

но лексическому варьированию, по мнению В. М. Мокиенко, должно уделяться особое внимание фразеологов. Возможность выделения лексических вариантов А. И. Молотков объясняет тем, что «компонент фразеологизма утратил признаки слова и поэтому в составе фразеологизма может быть заменен своим вариантом без какого бы то ни было ущерба для самого фразеологизма» [7]. Противоположной точки зрения придерживается А. М. Бабкин, считающий, что «идея единой фразеологической единицы, варьирующей один из своих компонентов, появляется в результате сведения воедино отдельно существующих и своеобразно функционирующих выражений при игнорировании их индивидуально-стилистических качеств» [8]. По мнению А. М. Бабкина, фразеологизмы с компонентами-синонимами нет необходимости выводить из круга синонимических фразеологических единиц [9]. На возможность разного толкования фразеологизмов типа *вынуть сердце – вынуть душу, как с неба свалиться – как с луны свалиться* указывают многие ученые. В частности, В. П. Жуков и А. В. Жуков считают, что они могут быть истолкованы и как разновидности одной и той же фразеологической единицы, и как фразеологические синонимы, и даже как промежуточные (гибридные) явления между вариантностью и синонимией [10]. Неоднозначно отношение к подобным оборотам и у Н. М. Шанского. Фразеологизмы типа *чесать языком – трепать языком, тянуть канитель – тянуть вольнку, сесть в лужу – сесть в калошу* он считает **дублетными**, отличает их от фразеологических вариантов и признает разновидностью фразеологических синонимов [11]. Н. Ф. Алефиренко и Н. Н. Семенов, напротив, фразеологические дублеты считают своеобразным проявлением вариантности фразем [12].

Ученые, которые признают лексическое варьирование компонентов фразеологизмов, подчеркивают, что лексические варианты должны иметь тождественное значение, единство внутренней формы, семантическую равнозначность или близость варьируемых компонентов, неизменность синтаксической конструкции [13]. Н. Ф. Алефиренко и Н. Н. Семенов считают при этом, что фразеологические варианты не обязательно должны обладать общностью эмоционально-экспрессивных свойств, что обуславливается коммуникативными потребностями и «придает им определенное экспрессивно-стилистическое своеобразие» [14]. Однако А. И. Федоров, отмечая недостатки размещения оборотов во «Фразеологическом словаре русского языка» под ред. А. И. Молоткова (например, *бог [господь, аллах, чёрт, бес, леший, пёс] знает*), указывает на экспрессивно-стилистические различия варьируемых компонентов, что, по его мнению, приводит к стилистическим различиям между фразеологизмами и делает невозможным их вариантность и размещение в одной словарной статье [15].

Лексические замены компонентов общерусских и печорских фразеологизмов основаны на разнообразных парадигматических отношениях взаимозаменяемых слов: синонимических, антонимических, гиперо-гипонимических, гипонимических, партитивных. Нередки замены общерусских компонентов диалектными или архаичными. Отметим, что не во всех случаях общеупотребительный фразеологизм можно считать первичным, подвергающимся затем трансформации в говоре. Возможно, на этапе становления фразеологизма как устойчивого сочетания, на стадии перехода свободного сочетания во фразеологическое общерусское и диалектное выражения существовали, но на разных территориях. В литературном языке в качестве устойчивого оборота закрепился один вариант употребления свободного сочетания, в диалекте – другой.

Узуальность и общераспространенность оборотов устанавливалась по «Фразеологическому словарю русского языка» под ред. А. И. Молоткова, «Фразеологическому словарю русского литературного языка» А. И. Федорова, «Словарю русских пословиц и поговорок» В. П. Жукова и «Словарю-тезаурусу русских пословиц, поговорок и метких выражений» В. И. Зиминой [16]. Из этих же словарей извлекались дефиниции. Печорские фразеологизмы приводятся по «Фразеологическому словарю русских говоров Нижней Печоры» (составитель Н. А. Ставшина); значения печорских диалектизмов подтверждаются данными «Словаря русских говоров Низовой Печоры» под редакцией Л. А. Ивашко [17].

Фразеология в статье понимается широко, поэтому анализу подвергаются как идиомы, так и паремии (пословицы и поговорки).

В статье не преследуется цель рассмотреть уникальные, характерные только для говоров Низовой Печоры варианты общерусских фразеологизмов: многие из них встречаются и на других территориях. Цель – показать их существование в довольно замкнутом севернорусском старообрядческом говоре территории позднего заселения в окружении финно-угорского (коми-зырянского) субстрата.

Семантическая близость компонентов может быть обусловлена разными парадигматическими связями между ними.

Эквивалентные взаимозаменяемые компоненты общерусских и печорских фразеологизмов часто находятся в **синонимических** отношениях при отсутствии стилистических различий меж-

ду синонимами: *ждать да **настигать** всех хуже* – ср. общерус. *ждать да **догонять** – нет хуже; только пятки **блестят*** – ср. *только пятки **сверкают***; *в бараний рог **свернуть*** – ср. ***скрутить** в бараний рог*.

Стилистические взаимозамены компонентов частотны во фразеологизмах с компонентами-соматизмами, причем варьироваться могут как сами соматизмы, которые вообще в системе языка имеют большое количество стилистически окрашенных синонимов, так и другие компоненты фразеологических оборотов: ***башка (максим, калган) варит*** – ср. общерус. ***голова варит***; ***выпялив язык*** – ср. ***высунув язык***.

Стилистические синонимы в эквивалентных фразеологизмах могут отличаться степенью устарелости: *на один **лик*** – ср. общерус. *на одно **лицо***; *на смертной **постели*** – ср. *на смертном **одре***; *в года (годы) **войти*** – ср. *входить в **лета***.

Интересен в этом отношении диалектный фразеологизм *чужими руками только **уголья** грабить*, семантически эквивалентный общерус. *чужими руками **жар** загребать* ‘пользоваться в своих корыстных целях результатами чужого труда’. На первый взгляд, компоненты *жар – уголья* соотносятся друг с другом по модели ‘состояние/действие’ – ‘результат/субъект состояния/действия’ (*уголья* – то, что остается от *жара*, или то, что дает *жар*). Но дело в том, что общерусский фразеологизм законсервировал первичное конкретное значение слова *жар* ‘горящие, раскаленные уголья’ [18], от которого метонимически возникло значение ‘тепло от них’ и закрепилось в языке как прямое, основное. С диахронической точки зрения компоненты *уголья* и *жар* должны рассматриваться как синонимы, причем второй синоним стал семантическим архаизмом. Выражение *чужими руками **жар** загребать* считается исконным или возникшим под влиянием французского оборота *tirer les marrons du feu* – *вытаскивать каштаны из огня*. Функционирование в диалектной системе варианта со словом *уголья* (*чужими руками только **уголья** грабить*) скорее свидетельствует об исконности оборота.

Антонимия варьируемых компонентов – редкое явление, встречается лишь в нескольких сопоставляемых фразеологизмах: *дешево, да **мило*** – ср. общерус. *дешево и **сердито***; *не с **полу** взять* – ср. *с **потолка***; *как в **чужой** тарелке* – ср. *не в **своей** тарелке*.

Столь же малочастотна вариантность общерусских и диалектных фразеологизмов в говорах Низовой Печоры, которая основана на **партитивных** (меронимических) отношениях слов-компонентов. Причем партитивные отношения охватывают фразеологизмы, соотносимые с соматическим кодом культуры: ***мизинного пёрста** не стоит* – ср. общерус. ***ногтя** не стоит*; ***мозга** варят* – ср. ***голова** варит*; *куриная **голова*** – ср. *куриные **мозги***. Компоненты *ноготь, мозг* находятся с лексемами *пёрст, голова* в отношениях ‘часть – целое’.

Соматизмы довольно часто заменяют друг друга во фразеологизмах. Все они являются партитивами, то есть наименованиями частей организма, и никакие другие отношения эти слова могут не связывать: *мороз по **сердцу** прошёл* – ср. общерус. *мороз по **коже (спине)** дерёт (пробирает)*; *залить **сердце (глотку)*** – ср. *залить **глаза, шары; губу** кверху задирает* – ср. *задирать **нос***; *мотать на **уши*** – ср. *мотать себе на **ус***; *кости да **жилы*** – ср. ***кожа** да кости*.

Другая разновидность парадигматических отношений между взаимозаменяемыми компонентами диалектного и общерусского фразеологизмов (и внутри говора) – **гиперо-гипонимия**: *не в коня **овёс*** ‘вреда не будет от большого количества еды’ – ср. общерус. *не в коня **корм***. Компонент *корм* представляет собой более общее, родовое понятие по сравнению с компонентом *овёс* – частным, видовым.

Во фразеологизмах и поговорках возможны и обратные замены, обусловленные гиперо-гипонимическими отношениями. Гипоним *воробей* (общерус. *слово не **воробей**, вылетит – не поймашь*) в диалектной поговорке заменен гиперонимом *птичка* (*слово не **птичка**, выпустишь – не поймашь*).

Более узкую гендерную адресную направленность имеет печорский фразеологизм *до **замужья** заживёт* ‘это пройдет (так утешают девочку)’ с диалектным компонентом *замужье* ‘жизнь замужем, замужество’ по сравнению с литературным фразеологизмом, адресованным всем людям, *до **свадьбы** заживет* ‘нет оснований для расстройства, огорчений; все пройдет, все наладится’. Гендерная дифференцированность отличает также печорскую поговорку ***дочи** не плачет* – *мати не разумеет* от общерусской ***дитя** не плачет, мать не разумеет*.

Гипонимические отношения наблюдаются между компонентами во фразеологизмах как *на **шильях** сидеть* – общерус. *как на **иголках***; *бабья **осень*** – общерус. *бабье **лето***; *чучело **заболотское*** – общерус. *чучело **огородное***; *как собак **невешаных*** – общерус. *как собак **нерезаных***.

Общерусский и диалектный фразеологизмы сходной семантики могут иметь в своем составе компоненты, не обнаруживающие явного семантического сходства и не развивающие парадигматических отношений. Тем не менее подобные фразеологизмы подвергаются сопоставле-

нию и даже признаются вариантами. Дело в том, что «обобщенный характер фразеологического употребления слова, уменьшение номинативных функций лексемы и повышение ее экспрессивных характеристик необходимо влекут за собой расширенное понимание тематической однородности при лексических заменах» [19]. Взаимозаменяемые слова-компоненты могут не только принадлежать к одной тематической группе (причем расширенно понимаемой), но даже и к одному ассоциативному полю, поскольку «отдельные лексические компоненты утрачивают обусловленную лексической подсистемой семантическую значимость, превращаясь в некие смысло-различительные знаки, которые лишь по ассоциации символизируют собой этимологический образ фраземы» [20].

Семантика взаимозаменяемых компонентов может быть очень близкой или, напротив, весьма далекой. Почти идентичны друг другу компоненты *гроб* и *могила* в оборотах *одной ногой в могиле* и общерус. *одной ногой в гробу* 'о близкой смерти кого-либо', однако ни синонимами, ни согипонимами, ни партитивами в строгом смысле они не являются. Напротив, компоненты *город* и *берег*, на первый взгляд, не имеют даже ассоциативной связи и получают ее только благодаря взаимозамене в составе ФЕ: *ни к селу ни к берегу* – общерус. *ни к селу ни к городу* 'совершенно не к месту, некстати'. Употребление компонента *берег* во фразеологизме, построенном на антитезе (*село vs. город* – контекстуальные антонимы), кажется совершенно нелогичным и может быть объяснено только обращением диалектоносителя – сельского жителя к пространственным маркерам, важным для его картины мира.

В небольшом количестве фразеологизмов между компонентами общерусского и печорского оборотов можно установить отношения, которые нельзя охарактеризовать как синонимические, антонимические, гиперо-гипонимические, партитивные, но очевидность которых не вызывает сомнений, и это не простая ассоциация. *Бросить глаза* 'взглянуть, посмотреть' – ср. общерус. *бросить взгляд*. Компоненты *взгляд* – *глаза* соотносятся друг с другом по модели 'действие' – 'инструмент действия', причем *глаза* являются метонимически переосмысленным эквивалентом *взгляда*. Подобные отношения, часто развивающиеся между однокоренными словами, но не только, называют **корреляциями семантической производности** [21] или **супплетивным словообразованием** [22] по отношению к разнокоренным словам. Аналогичные (только обратные) отношения наблюдаются во фраземе *во внимание брать* 'придавать значение, принимать к сведению' по сравнению с общерус. *брать в голову*. Отношения компонентов здесь вполне вписываются в сходную модель корреляций семантической производности 'состояние/действие' – 'инструмент/место состояния/действия'. Степень идиоматичности фразеологизма при употреблении компонента *внимание (брать во внимание)* вместо компонента *голова (брать в голову)* очевидно снижается.

Нередки диалектные замены общеизвестного компонента: *раскошевить* душу 'огорчить, расстроить кого-либо', где *раскошевить* – 'потревожить, побеспокоить' (ср. общерус. *разбередить* душу); *словечко захитить* 'замолвить слово, защитить, заступиться за кого-либо', где *захитить* – 'сказать что-то в чью-либо пользу' (ср. общерус. *замолвить словечко*); *выздынуть нос до луны* 'зазнаваться, заважничать', где *выздынуть* – 'переместиться в более высокое положение' (ср. общерус. *задрать нос*); как *кычко на сене* 'и самому не пользоваться чем-то, и другим не давать', где *кычко* – 'пёс, кобель' (ср. как *собака на сене*) и др.

Сопоставление печорских и общерусских фразеологизмов сходной семантики с лексическими несоответствиями позволяет сделать некоторые интересные наблюдения.

Народная речь, в отличие от литературного языка, часто сохраняет более древний вариант фразеологизма. Общеизвестен оборот *ни богу свечка ни чёрту кочерга*. В говорах Низовой Печоры употребляется фразеологизм *ни богу свечка, ни чёрту ожег*, который, на первый взгляд, кажется окказиональным вариантом общеупотребительной фраземы, ведь *ожег* – 'палка, которой мешают угли в печи; кочерга'. Но более детальный анализ позволяет в этом усомниться. Сходные обороты со словом *ожёг* (обл. 'палка, заменяющая кочергу, которой мешают угли; обожженный на огне кусок дерева') широко употребляются в севернорусских говорах и даже в других славянских языках. В. М. Мокиенко приходит к выводу о противопоставлении в обороте двух источников света: *боговой свечи* и *чёртовой обгорелой лучины* [23], что кажется более логичным объяснением внутренней мотивировки этого фразеологизма (непонятно, почему *свече* противопоставлена *кочерга* в литературном варианте фраземы при общей тематической однородности компонентов в устойчивых оборотах подобной структуры). Ученые-этимологи предполагают, что именно компонент *ожёг* был во фразеологизме исходным, а впоследствии подвергся лексической замене на слово *кочерга*, тоже, кстати, реализующее «деревянное» значение. Печорский оборот *ни богу свечка ни чёрту ожег* не противоречит общепринятой этимологической версии, и *ожег* – это не обычная кочерга, а именно деревянная, обгоревшая: «*Пець мешаём в байне коцержой или ожэк – обгорелой такой*» (Филиппово).

Диалектный фразеологизм иногда помогает прояснить появление того или иного значения у фразеологизма. Общерусский оборот *червячка заморить* считается калькой французского оборота *tuer le ver* 'выпить натошак рюмку спиртного', букв. 'убить червя' [24]. Не вполне понятно, почему французское выражение со значением 'слегка выпить' в русском языке приобрело значение 'слегка перекусить'. В говорах Низовой Печоры с таким же значением употребляется фразеологизм *выть заморить*. Старое русское слово *выть* сохранилось в печорских говорах в разных значениях: 'пора еды', 'количество пищи, употребленное за один раз', 'аппетит', 'пища' и др. Поэтому буквально понимать оборот *выть заморить* следует как 'заглушить разыгравшийся аппетит'. Трансформация значения французского оборота, в котором речь идет о выпивке, в шутивное выражение о легком перекусе произошла не без влияния старинного областного русского оборота *заморить выть*, то есть французское выражение не столько было неверно переведено, сколько вобрало в себя значение пищевого, «вытного» оборота [25]. Общеупотребительный непрозрачный фразеологизм *заморить червячка* «утратил семантическую связь со своим французским прототипом и стал специфичной национально окрашенной идиомой со значением "слегка закусить"» [26].

Диалектная ФЕ помогает восстановить этимологический образ, более логично объяснить его. Как *палец* говорится 'о совершенно одином человеке' – ср. общерус. *один как перст*. Если рассматривать только общерусский фразеологизм, то его образ кажется непонятным: возникает вопрос, почему одинокого человека сравнивают с *перстом*, и именно *перст* служит эталоном одиночества, ведь пальцев много, они расположены близко друг к другу и символом одиночества быть не могут. Этимологический анализ позволяет предположить следующее. Общеславянским словом *перст* называли любой палец руки, *перст* буквально 'то, чем заканчивается верхняя часть ладони' [27]. Словом *палец* (тоже общеславянским) первоначально называли только большой палец руки [28]. Такое обозначение существовало в древнерусском языке и сохранилось по сей день в некоторых славянских языках, где палец вообще до сих пор называют словом *перст* [29]. Печорский вариант фразеологизма *как палец* в этой связи кажется более понятным: действительно, большой палец руки отстоит от остальных, расположен иначе и поэтому может восприниматься как символ одиночества. Возможно, впоследствии в связи с утратой в русском языке словом *палец* своего первоначального этимологического значения 'большой палец' этот компонент был заменен более редким, высоким словом *перст*, тоже утратившим свой этимологический образ. Некоторые этимологи выдвигают сходную версию и считают, что в выражении *один как перст* использовалась древнеславянская форма *палец*, выступавшая символом одиночества [30]. Диалектные данные подтверждают выдвинутую гипотезу. Очевидно, что фразеология и паремология говоров Низовой Печоры более последовательно сохраняет этимологическое, первоначальное значение слов *перст* ('любой палец руки') и *палец* ('большой палец руки'); в других фразеологизмах, где речь явно идет обо всех/любых пальцах, используется лексема *перст*, вопреки общераспространенным вариантам этих оборотов: *как свои персты знать* (ср. общерус. *как свои пять пальцев знать*), *перста в рот не суй* (ср. *палец (пальца) в рот не клади*), *сквозь перстьё (персты) уходить* (ср. *уходить между пальцами*), *сквозь перстьё (персты, перстья) смотреть* (ср. *смотреть сквозь пальцы*).

Существование в диалекте лексических вариантов фразеологизма *втирать очки* 'намеренно исказить что-либо с целью обмануть, получив для себя выгоду', таких как *глаза втирать* 'обманывать, занимаясь очковтирательством', *втирать в глаза* 'врать', *очки вставлять* 'обманывать', побуждает задуматься о неизбежности общепринятой этимологической версии возникновения этого общерусского фразеологизма. Большинство этимологов связывают выражение *втирать очки* с жаргоном картежных шулеров начала XIX в., которые, по одной версии, при помощи особого клейкого состава наносили на карты дополнительные очки и при необходимости незаметно стирали их, по другой версии, приписывали себе на зеленом сукне карточного стола дополнительные очки или незаметно стирали их [31]. А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко предполагают, что выражение имеет более древнюю историю и связано с устойчивой фразеологической ассоциацией обмана с закрытыми, запорошенными, замазанными грязью и т. п. глазами (обман зрения) [32]. Печорские фразеологизмы больше вписываются во второе этимологическое объяснение, тем более народноэтимологическое толкование давно не ассоциирует компонент *очки* с карточными числами и баллами, а связывает его именно со зрительной функцией человека, получающего через глаза большую часть информации: в народном сознании формируется представление о том, что если закрыть человеку глаза, то он не узнает правды.

Разрушение этимологического образа наблюдается в диалектном фразеологизме *семь четвергов на неделе* 'о непостоянном, несерьезном человеке' и 'кто-либо говорит что-то странное, нелепое, пустое' по сравнению с общенародным *семь пятниц на неделе* 'кто-либо непостоя-

нен в своих решениях, настроениях, часто и легко меняет свои мнения, суждения, оценки'. Компонент *пятница* считается во фразеологизме ключевым, символичным: в древности *пятница* была днем, свободным от работы, а также торговым, днем исполнения деловых и торговых обязательств. «Тот, кто не выполнял своего обязательства, обещал исполнить его в следующий базарный день – в следующую пятницу. О человеке, часто откладывающем исполнение обещаний, стали говорить *у него семь пятниц на неделе*» [33]. *Четверг* такого ритуального смысла не имеет (за исключением древнеславянского языческого обычая молиться в четверг богу грома и молнии Перуну, ср. поговорку *после дождичка в четверг*). Единственное объяснение употребления компонента *четверг* (как, впрочем, и любого другого наименования дня недели) – это отказ от исторического, экстралингвистического толкования идиомы. В таком случае выражение просто описывает абсурдную ситуацию: *четверг*, так же как и *пятница*, и любой другой день, один в неделе, а у непостоянного, меняющего свои решения человека *четверг* может быть и в понедельник, и в среду, и в воскресенье.

Сопоставление некоторых общеупотребительных и местных выражений свидетельствует о семантической незначимости варьируемых компонентов, случайности их выбора, обусловленной частичной или полной десемантизацией слов в составе ФЕ и встраиванием компонента во фразеологическую модель, т. е. освобождением слова от всех семантических элементов, нерелевантных для создания фразеологического образа, при сохранении важных, необходимых, существенных. Семантическую незначимость демонстрируют ассоциативно сближаемые компоненты *яблоко – яйцо – камень* во фразеологизмах *негде яйцу упасть* 'где-либо очень тесно', *камню некуда упасть* 'очень многолюдно где-либо' – общерус. *яблоку негде/некуда упасть* 'очень много, в огромном количестве (о большом скоплении людей)', 'очень тесно'. Гастрономический код культуры общеизвестного выражения в печорском фразеологизме *камню некуда упасть* сменяется природным.

Ассоциативная связь в рамках природного кода культуры сближает компоненты *вода и солнце: решето солнце носить* 'заниматься бессмысленным делом' – ср. общерус. *носить воду решето* 'делать что-либо заведомо впустую, без результата'. Идея бессмысленности занятия в равной степени успешно реализуется и компонентом *вода*, и компонентом *солнце*. Диалектный фразеологизм более поэтичен по сравнению с конкретным, даже визуальным образом, лежащим в основе общеизвестного выражения.

Как от *курицы* молока, что от *быка* молока 'совсем ничего, никакого толку' (ср. общерус. как (что) от *козла* молока). Компонент разговорного пренебрежительного оборота *козёл* легко заменяется на *бык* и даже *курица*. Основная идея идентичных фразеологизмов – показать что-либо нереальное, несуществующее; реализация этой идеи в конкретном образе *козла, быка* или *курицы* вторична, поэтому в качестве компонента-зоонима могло быть использовано наименование любого животного, отвечающего признакам 'одомашненное', 'не дающее молока'.

Образное равенство демонстрируют компоненты *мухи – мошка – комары* в диалектных фразеологизмах *белая мошка, белые комары* 'первый снег' и разговорном *белые мухи* 'падающие снежинки'. Совершенно очевидно, что образ конкретного насекомого случаен в этих оборотах, важно общее отождествление падающего снега с насекомыми. Диалектный образ кажется более реалистичным, воплощающим более точные эмпирические наблюдения: на Севере *мошка* и *комары* – неперенный атрибут холодного лета, их постоянное присутствие на открытых пространствах обязательно, своей малозаметностью и многочисленностью они больше напоминают снежинки, чем *мухи*.

Сопоставление печорских фразеологизмов с их общерусскими вариантами или семантическими и структурными соответствиями позволяет скорректировать некоторые представления о фразеологическом образе устойчивого оборота, его происхождении и этимологии, проследить за тем, как этимологический образ может разрушаться, как меняются тематические коды культуры.

Примечания

1. Солнцев В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. 1984. № 2. С. 31.
2. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М.: Высш. шк., 1989. С. 23–24.
3. Ли А. Д. Русские говоры Коми Республики. Сыктывкар: Изд-во Коми пединститута, 1992. С. 12.
4. Баранникова Л. И. Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации // Вопросы языкознания. 1975. № 2. С. 22.
5. Урманчеева И. С. Печорские фразеологизмы на фоне общерусских инвариантов // Язык и культура: сб. материалов XIV Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. С. С. Чернова. Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2014. С. 7–12.
6. Мокиенко В. М. Указ. соч. С. 32.

7. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, 1977. С. 75.
8. Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники / отв. ред. В. В. Виноградов. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 85.
9. Там же.
10. Жуков В. П., Жуков А. В. Русская фразеология. М.: Высш. шк., 2006. С. 185–186.
11. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М.: Высш. шк., 1985. С. 51, 55.
12. Алефиренко Н. Ф., Семенов Н. Н. Фразеология и паремология. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 71.
13. Жуков В. П., Жуков А. В. Указ. соч. С. 185.
14. Алефиренко Н. Ф., Семенов Н. Н. Указ. соч. С. 70.
15. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. С. 8.
16. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: АСТ: Астрель, 2001; Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008; Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Рус. яз., 2002; Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008.
17. Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: в 2 т. / сост. Н. А. Ставшина. СПб.: Наука, 2008; Словарь русских говоров Низовой Печоры: в 2 т. / под ред. Л. А. Ивашко. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2003.
18. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов. Изд. 4-е, стер. М.: Дрофа, 2001. С. 84.
19. Мокиенко В. М. Указ. соч. С. 34.
20. Алефиренко Н. Ф., Семенов Н. Н. Указ. соч. С. 67.
21. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. Изд. 5-е, испр. и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 110–111.
22. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. С. 168–175.
23. Мокиенко В. М. Указ. соч. С. 13–17.
24. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология: историко-этимологический словарь. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. С. 750.
25. Мокиенко В. М. Загадки русской фразеологии. Изд. 2-е, перераб. СПб.: «Авалон», «Азбука-классика», 2007. С. 62–64.
26. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Указ. соч. С. 750.
27. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Указ. соч. С. 231.
28. Там же. С. 222.
29. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. I. М.: Рус. яз. Медиа, 2007. С. 617.
30. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Указ. соч. С. 525.
31. Там же. С. 508.
32. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи: словарь: ок. 1000 единиц. Изд. 2-е, стер. М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2005. С. 472–474.
33. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Указ. соч. С. 586.

Notes

1. Solntsev V. M. *Variativnost' kak obshchee svojstvo yazykovoj sistemy* [Variability as a general characteristic of the linguistic system] // *Voprosy yazykoznanija* - Problems of linguistics. 1984, No. 2, p. 31.
2. Mokienko V.M. *Slavyanskaya frazeologiya* [Slavonic phraseology]. M. Vyssh. shk. 1989. Pp. 23-24.
3. Li A. D. *Russkie govory Komi Respubliki* [Russian dialects of Komi Republic]. Syktyvkar. Publishing house of the Komi Pedagogical Institute. 1992. P.12.
4. Barannikova L. I. *Govory territorij pozdnego zaseleniya i problema ih klassifikacii* [Dialects of the territories of the late arrival and the problem of their classification] // *Voprosy yazykoznanija* - Problems of linguistics. 1975, No. 2, p. 22.
5. Urmancheeva I. S. *Pechorskie frazeologizmy na fone obshcherusskih invariantov* [Pechora idioms in the background of all-Russian invariants] // *Yazyk i kul'tura: sb. materialov XIV Mezhdunar. nauch. prakt. konf. / pod obshch. red. S. S. CHernova* - Language and culture: proceedings of the XIV Intern. scientific. pract. conf. / ed. by S. S. Chernov. Novosibirsk. Publishing house of Center of Development of Scientific Cooperation. 2014. Pp. 7-12.
6. Mokienko I. M. Op. cit. P. 32.
7. Molotkov A. I. *Osnovy frazeologii russkogo yazyka* [Basics of the phraseology of the Russian language]. L. Nauka. 1977. P. 75.
8. Babkin A. M. *Russkaya frazeologiya, ee razvitie i istochniki* [Russian phraseology, its sources and development] / ed. by V. V. Vinogradov. Ed. 2nd. M. Book house "LIBROKOM". 2009. P. 85.
9. Ibid.
10. Zhukov V. P., Zhukov A. V. *Russkaya frazeologiya* [Russian phraseology]. M. Vyssh. shk. 2006. Pp. 185-186.
11. Shansky N. M. *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseology of modern Russian language]. M. Vyssh. shk. 1985. Pp. 51, 55.
12. Alefirenko N. F., Semenenko N. N. *Frazeologiya i paremiologiya* [Phraseology and paremiology]. M. Flinta: Nauka. 2009. P. 71.

13. Zhukov V. P., Zhukov V. A. Op.cit. P. 185.
14. Alefirenko N. F., Semenenko N. N. Op.cit. P. 70.
15. Fedorov A. I. *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of Russian literary language]. M. Astrel: AST. 2008. P.8.
16. *Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka* - Phraseological dictionary of Russian language / ed. by A. I. Molotkov. M. AST: Astrel. 2001; Fedorov A. I. *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of Russian literary language]. M. Astrel: AST. 2008; Zhukov V. P. *Slovar' russkih poslovic i pogovorok* [Dictionary of Russian proverbs and sayings]. M. Rus. lang. 2002; Zimin V. I. *Slovar' tezaurus russkih poslovic, pogovorok i metkih vyrazhenij* [Dictionary of thesaurus of Russian proverbs, sayings and apt expressions]. M. AST-PRESS KNIGA. 2008.
17. *Frazeologicheskij slovar' russkih govorov Nizhnej Pechory: v 2 t.* - Phraseological dictionary of Russian dialects of the Lower Pechora: in 2 vol. / comp. N. A. Stavshina. SPb. Nauka. 2008; *Slovar' russkih govorov Nizovoj Pechory: v 2 t.* - Dictionary of Russian dialects of Lower Pechora: in 2 volumes / under the editorship of L. A. Ivashko. SPb. Philol. Dep. of St. Petersburg State University. 2003.
18. Shansky N. M., Bobrova T. A. *SHkol'nyj etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: Proiskhozhdenie slov* [School etymological dictionary of the Russian language: the origin of the words]. Ed. 4nd, ster. M. Drofa. 2001. P. 84.
19. Mokienko V. M. Op. cit. P. 34.
20. Alefirenko N. F., Semenenko N. N. Op. cit. P. 67.
21. Kobozeva I. M. *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Ed. 5nd, rev. and add. M. Book house "LIBROKOM". 2012. Pp. 110-111.
22. Apresyan Yu. D. *Izbrannye trudy* [Selected works. Vol. I. Lexical semantics]. Ed. 2nd, rev. and add. M. School "Languages of Russian culture", Publ. firm "Vostochnaya Literatura" RAS. 1995. Pp. 168-175.
23. Mokienko V. M. Op. cit. Pp. 13-17.
24. Birikh A. K., Mokienko V. M., Stepanova L.I. *Russkaya frazeologiya: istoriko etimologicheskij slovar'* [Russian phraseology: a historical etymological dictionary]. M. Astrel: AST: Khranitel. 2007. P. 750.
25. Mokienko V. M. *Zagadki russoj frazeologii* [Mystery of the Russian phraseology]. Ed. 2nd. SPb.: "Avalon", "ABC-klassica". 2007. Pp. 62-64.
26. Birikh A. K., Mokienko V. M., Stepanova L.I. Op. cit. P. 750.
27. Shansky N. M., Bobrova T. A. Op. cit. P. 231.
28. Ibid. P. 222.
29. Chernykh P. J. *Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of modern Russian language: in 2 vol.] Vol. I. M. Rus. yaz. Media. 2007. P. 617.
30. Birikh A. K., Mokienko. M., Stepanova L. I. Op. cit. P. 525.
31. Ibid. P. 508.
32. Melerowicz A. M., Mokienko V. M. *Frazeologizmy v russoj rechi: slovar': ok. 1000 edinic* [Idioms in the Russian language: the dictionary: approx. 1000 units]. Ed. 2nd, ster. M. Russian dictionaries: Astrel: AST 2005. Pp. 472-474.
33. Birikh A. K., Mokienko. M., Stepanova L. I. Op. cit. P. 586.

УДК 821.111.09

М. А. Шушпанова

Ирония в неовикторианском романе А. С. Байетт «Обладать»

А. С. Байетт в неовикторианском романе «Обладать» использует иронию для обличения нравов и характеров XX в. Объектом авторской сатиры стали современные литературоведческие теории и их приверженцы, чье стремление любой ценой совершить научное открытие перерастает в болезненную одержимость объектом изучения. Писательница создает карикатурные, трагикомичные образы филологов, опирающихся в своей работе на ложные представления о викторианских писателях Рандольфе Падубе и Кристabelle Ла Мотт. В главах, посвященных XIX в., отсутствует насмешка автора: викторианцы умеют чувствовать и любить. Это постигают главные герои современного уровня повествования, Роланд Митчелл и Мод Бейли, которые вплотную приблизились к разгадкам прошлого столетия и открыли для себя основные жизненные ценности – любовь и творчество. Иронично изображенные в начале романа как представители академических кругов, в финале они становятся духовно ближе к благородным и возвышенным натурам XIX в.

In the neo-Victorian novel "Possession" A. S. Byatt uses irony for accusation of customs and characters of the XX century. Modern literary theories and their adherents is the object of author's satire. The aspiration of academics at any cost to make a discovery develops into painful obsession object of studying. The writer creates ludicrous, tragicomic images of philologists which rely in the work on false ideas about Victorian writers, Randolph Ash and

Christabel LaMotte. In chapters about the XIX century there is no author's a sneer because Victorians are able to feel and love. It is comprehended by the main heroes of modern level of a narration, Roland Michell and Maud Bailey. They closely came nearer to solutions of last century and opened for themselves the main vital values – love and creativity. At the beginning of the novel they are ironically represented as representatives of the academic circles, but in the final they become spiritually closer to noble and sublime natures of the XIX century.

Ключевые слова: «Обладать», А. С. Байетт, викторианство, неовикторианский роман, ирония, сатира, пародия.

Keywords: Possession, A. S. Byatt, Victorianism, neo-Victorian novel, irony, satire, parody.

Появление в 60-х гг. XX в. неовикторианских романов, первые образцы которых – «Женщина на французского лейтенанта» Дж. Фаулза и «Антуанетта» Дж. Рис, стало закономерным для постмодернизма, часто обращающегося к традициям и ценностям прошедших эпох с целью их отрицания.

Как отмечает Ю. С. Скороходько, этот жанр – «модификация историографического метаромана» [1]. Понятие «историография» означает сближение истории и литературы. В неовикторианском романе этот синтез выражается в следующей идее: историк не может претендовать на полную объективность понимания и правдивость образа Англии XIX в., поэтому ничто не мешает писателю высказать свою версию происходивших когда-то событий, и она может быть ближе к истине, чем уже существующие.

Одни авторы, в числе которых Дж. Фаулз, «переписывали» историю Англии с целью показать, что не ищут в викторианстве идеалов. Другие же использовали диалогическую связь между девятнадцатым столетием и современностью для того, чтобы раскрыть идеологическую и духовную несостоятельность последней. К писателям этой группы принадлежит А. С. Байетт, неовикторианский роман «Обладать» которой увидел свет в 1990 г.

Исследователи, занимающиеся различными аспектами творчества А. С. Байетт, сходятся во мнении, что в этом произведении она пересматривает основные способы постмодернистского познания мира и что в первую очередь изменяет характер иронии, объектом которой у нее становится XX в.

Англоязычные филологи рассмотрели некоторые вопросы, связанные со спецификой переосмысления иронии в романе А. Байетт «Обладать». Так, А. Бертольди отмечает, что объект иронии писательницы – современные литературоведы: «...по сути, персонажами, являющимися целью иронии и сарказма в романе, стали Собрайл и Леонора Стерн, два выдающихся примера “биографического хищения” (biographical (mis-) appropriation)» [2]. Речь идет о том, что научные интересы романых филологов ограничиваются изучением личной жизни викторианских поэтов, но не их творчества. Более того, фанатичное стремление любой ценой узнать интимные подробности о судьбах Р. Падуба и К. Ла Мотт, одержимость их биографиями становятся смыслом существования для Мортимера и Леоноры, «биографических хищников». А. Бертольди также обращает внимание на то, что автор не перестает вести постмодернистскую игру со своими героями даже в конце романа: «<...> Байетт использует другую традиционную особенность романтизма и создает “счастливый конец” для современных героев, но, опять же, по иронии судьбы она играет с ними: читатель, убежденный, что наступил конец истории, чрезмерно удивлен “Постскриптумом” писательницы» [3].

Американский исследователь Д. Биррер, занимающийся изучением связей между литературной критикой и собственно литературой, рассматривает роман «Обладать» как метакритический и оправдывает использование здесь иронии: «...пародии Байетт в “Обладать” на научное сообщество и на легко узнаваемые критические и теоретические стратегии (например, очевидно влияние французского феминизма на Леонору Стерн) были как воспеты, так и осуждены учеными во всем мире <...>. Но хотя сатира Байетт кажется убийственной, концепция пародии Хатчеон подсказывает, что она не обязательно негативна; скорее, пародия создает пространство для критического осмысления» [4].

Представленное в ироническом свете направление феминизма заинтересовало и К. Франкена. Он отмечает, что «сатира в портрете Леоноры Стерн в действительности направлена на <...> феминистскую литературную критику очень специфического типа: в характеристике записей Леоноры рассказчик высмеивает идеи Люси Иригарэ, французского философа, занятого гендерными проблемами <...>. Каждый может найти в романе самый очевидный пример сатирического подхода к Леоноре в описании ее анализа поэмы ла Мотт “Фея Мелюзина”. Прочтение Леонорой произведения ла Мотт содержит прямые ссылки на “Этот не одинокий секс” Иригарэ и поэтому может быть рассмотрено как форма пастиша» [5]. К. Франкен высказывает мысль о том, что в

А. С. Байетт как бы борются писатель, «чувствующий, что находится под угрозой постструктурализма и феминизма, и критик, который признает уместность современных литературных теорий» [6]. Автор «строит феминистскую литературную критику в виде монолитного блока, чтобы защитить идею писателя как личности, которая должна быть оригинальной, в отличие от литературных теоретиков, “как попугаи” повторяющих друг друга» [7]. Этому писательскому замыслу служит прием оппозиций, необходимый для построения повествования. К. Франкен в качестве примеров приводит следующие противоположности, которыми оперирует А. Байетт: это различия «между поэтами XIX века и современными учеными; между жадным и любопытным викторианским мужским воображением и критичным умом XX века, вдохновленным другими способами мышления, такими, как деконструктивизм и феминизм» [8].

М. Полвинен также подчеркивает, что ирония писательницы направлена на представительей современного научного сообщества и сатира является одним из двигателей повествования: «В “Обладать” Байетт беспощадно пародирует тех литературных теоретиков, которые видят язык и литературу как ссылающиеся друг на друга системы, и “беспрепятственное любопытство” к “вещам помимо литературы” <...> питает сюжет романа» [9].

О причинах неодобрительного отношения к современному литературоведению А. Байетт пишет следующее: «Современная критика сильна и навязывает собственные повествования и приоритеты литературному сочинительству, которое использует в качестве сырья, источника или отправной точки. <...> Или может энергично играть со словами писателя, вставлять свои собственные каламбурные значения» [10]. Такая обеспокоенность писательницы, как отмечает А. Уильямсон, доказывает, что «в “Обладать” фигуры Леоноры Стерн, Фергуса Вулфа и Джеймса Аспидса, основных целей сатиры А. Байетт, являются чрезвычайно серьезным предупреждением об опасности» [11].

В отечественном литературоведении, в котором роман «Обладать» до сих пор комплексно не изучен, об иронии А. Байетт встречаются лишь отдельные упоминания. Так, О. А. Толстых, доказывающая, что манера диалога писательницы с предшествующим поколением является реконструирующей, пишет: «Романы Байетт отнюдь не являются “упреком викторианской эпохе” (Дж. Фаулз), не пытаются подвергнуть сомнению ценность викторианского романа и переписать его с присущей постмодернистам долей иронии» [12]. Я. С. Гребенчук, ссылаясь на работы зарубежных исследователей, утверждает, что «некоторая доля иронии присутствует и в изображении викторианского века, так как Байетт лишь имитирует, пытается воссоздать его <...>. Но даже если это пародия, то без высмеивания» [13]. А. С. Стомба подчеркивает, что в романе «используется ирония, игра с традицией, пародия, интертекстуальность, метатекстуальность для того, чтобы вскрыть противоречия, лежащие в основе викторианской ментальности, создать новое прочтение эпохи» [14], а отнюдь не обесценить Англию девятнадцатого столетия в глазах современников. Н. А. Антонова, исследуя влияние философии Дж. Вико на творчество А. С. Байетт, делает вывод: «Английская писательница считает, что современные ученые – люди “века иронии” – должны избавиться от свойственной им рефлексии, отказаться от умственного освоения реальности и через фантазию проникнуть в память прошлого» [15].

В большинстве работ, посвященных роману «Обладать», литературоведы, таким образом, не останавливаются на проблеме использования иронии писательницей, а лишь отмечают наличие сатиры в тексте. Однако тот факт, что А. Байетт видоизменяет характер иронии в рамках постмодернистского произведения и, вопреки установкам этого направления, помещает на место объекта высмеивания современную эпоху, представляет особый интерес. Такой подход писательницы к осмыслению истории особенно наглядно свидетельствует о том, что на рубеже XX–XXI столетий возникли различные модификации постмодернистского романа.

Говоря об обновленной в XX в. концепции истории, отметим, что об этом писал У. Эко: «...раз уж прошлое невозможно уничтожить <...>, его нужно переосмыслить, иронично, без наивности» [16]. Так было введено понятие игры – одно из самых важных в постмодернистской философии: «...в системе постмодернизма можно участвовать в игре, даже не понимая ее <...>. В этом отличительное свойство <...> иронического творчества» [17]. Игра порождает принцип иронии, пародии в современной культуре – принцип, который видоизменяется с течением времени.

Ирония «является выражением насмешки посредством иносказания», это «хула и противоречие под маской одобрения и согласия» [18]. По М. А. Можейко, ирония – «высмеивание <...> некой реальности», «проба этой реальности на прочность» [19]. Постмодернисты по-своему интерпретировали понятие иронии, поставив на место «некой реальности» исторически определенное прошлое. Реализовываясь в различных формах (пародии, гиперболе, парадоксе и т. д.), ирония позволяет современным писателям приблизиться к пониманию реальности, вместе с тем от нее отрекаясь. «Ироническое высказывание» – это «как маленькая игра в название объекта, игра в имена» [20].

В последнее десятилетие XX в. мы наблюдаем изменение этого объекта в постмодернистской литературе, что отражено, в частности, в романе А. С. Байетт, действие которого развивается в двух эпохах – викторианской и современной.

Главными героями девятнадцатого столетия являются выдуманные писательницей поэты, имеющие своих прототипов: Рандольф Падуб – Роберта Браунинга, Кристабель ла Мотт – Эмили Дикинсон и Кристину Россетти. Несмотря на то, что вымышленные герои схожи внешне, по манере письма и темам произведений с реально существовавшими авторами, пародийными персонажами, если подразумевать под этим ироническое копирование, их не назовешь. Фантазируя на тему викторианской истории любви и творчества, А. Байетт скорее любит созданными ею поэтами, они становятся смыслом жизни для изображенных в романе исследователей конца XX в., к которым писательница относится иронично.

Профессор Аспидс, вот уже двадцать семь лет занимающийся подготовкой Полного собрания сочинений Падуба, замечает, что профессиональное полностью поглощает личное в человеке: «...все мысли – о чужих мыслях, все труды – ради чужих трудов» [21]. Показательно то, что Аспидс сравнивает себя с натуралистом, который копается в «извержениях свиного желудка, пытаясь восстановить облик мертвой землеройки или слепозмейки» [22]. Здесь А. Байетт использует одну из форм иронии – парадокс. Казалось бы, Аспидс, несмотря на его фанатичность и безмерную преданность своему делу, должен восприниматься как ученый с большой буквы. Однако вместо этого автор романа «Обладать» намеренно принижает его, сравнивая литературоведческие занятия с расчленением совы и копанием в ее внутренностях.

В вопросе отношений между исследователем и объектом познания Падуб выглядит куда привлекательнее, чем Аспидс. Поэт занимается изучением окружающей природы, при этом стиль его научных поисков сильно отличается от методов Аспидса. Его интересует сущность мироздания, а в письмах к жене наряду с впечатлениями от наблюдений за живыми организмами есть и исторические экскурсы, и философские размышления. В этих посланиях нет насмешки автора романа: «Мы, дорогая моя, фаустовское поколение: все стремимся познать такое, что человеку познать, может быть, и не дано» [23]. Рядом с викторианским писателем образ Аспидса приобретает гротесковые очертания и демонический ореол. Писательница сравнивает его с Нидхеггом, «аспидночешуйным гадом», «вгрызающимся» в творчество Р. Падуба, который наделяется чертами архетипа Мирового дерева.

В своих письмах, отправленных жене во время поездки в Йоркшир, Падуб предстает как искатель истины об окружающей действительности, наблюдательный и вдумчивый исследователь жизни. Однако Мортимер Собрайл, современный ученый в романе, описывает его путешествие так, что мысль о благих стремлениях поэта уничтожается в сознании читателя: «он деловито резал на части щупальца гидры и <...> насильно вживлял в них полипы» [24]; «столкнулся с тем, что можно огрубленно считать типичным “кризисом среднего возраста”» [25]. Субъективизм Собрайла в суждениях и очевидное влияние на него (как и на многих его современников) учения З. Фрейда не позволяют говорить о какой-либо компетентности Мортимера как литературоведа. А. Байетт комментирует труд Собрайла так: «Изо всей этой писанины Мод интуитивно вывела кое-что ужасное о воображении самого Собрайла. Собрайл <...> не давал “субъекту повествования” вырасти ни на дюйм выше его, Собрайла» [26]. Для того, чтобы написать книгу «Великий чревовещатель», представляющую собой биографию Р. Падуба, Мортимер предпринял путешествие по тем местам, которые посещал сам поэт. А. Байетт, с сарказмом называя итоговое сочинение Собрайла «писаниной», сводит «на нет» все его труды.

Е. В. Зброжек отмечает, что в XIX в. «огромное значение придавалось материальным ценностям, обладанию вещами» [27]. А. Байетт, описывая викторианскую эпоху, акцентирует внимание на романтической линии, и если вводит мотив одержимости, то в контексте либо любовной связи поэтов (страсть как стремление обладать друг другом), либо отношения ученого к объекту исследования (Падуб и его тяга к естественным наукам). На современном же уровне повествования мотив обладания вещами повторяется постоянно. И здесь именно Собрайл становится носителем идеи одержимости материальным. Тяга героя к приобретению личных вещей викторианского поэта часто доходит до крайности. Во время путешествия по следам писателя Мортимер испытывает постоянный дискомфорт, однако его это не останавливает: «...пил отвратительное на вкус теплое темное пиво, ел неудобоваримую тушеную шею барашка, жевал, давясь, рагу из требухи» [28]. «Собиратель» понимает, что Рандольф завладел его мыслями и жизнью: «...ощущал, что сам он никто» [29]. Как личность Собрайл уже давно мертв, даже его машина напоминает «этаким быстроходный катафалк» [30].

Потеря индивидуальности становится личной трагедией для Беатрисы Пуховер. Если окружающие вспоминали о ней, то непременно сравнивая с чем-то: «Мортимеру Собрайлу <...> она

представлялась кэрролловской Белой Овцой <...>. Аспидс в сердцах сравнивал её с жирным, белеющим в темноте пауком» [31]. А. Байетт описывает Пуховер не без иронии: «...в своей конурке с бумагами Элен Падуб она ощущала, как живая тяжесть груди, укрытая в шерстяном тепле, трется о край стола» [32]. Однако Беатриса занимается изучением личной переписки и дневников Элен только из-за своей тщательно скрываемой симпатии к Падубу. Он представляется ей рыцарем, который завораживающе говорит о любви своей даме сердца. Пуховер понимает, что в окружающем ее мире услышать такие признания не от кого: слишком отличается современность от викторианской эпохи. Поэтому она полностью погружается в прошлое, изучая жизнь людей девятнадцатого столетия.

В образе Леоноры Стерн А. Байетт воплотила феминистские идеи и американскую экстравагантность, доходящую до крайности. Очевидно отношение писательницы к феминизму, пытающемуся все объяснить с помощью физиологии: «Весь человеческий язык – во всем его многообразии – сводится к женскому языку» [33]. Примечательны и названия глав в книге американского литературоведа: «От Грота Венеры к Бесплодной пустоши», «Женские ландшафты, девственные воды, непроницаемые поверхности» [34]. Труды Стерн полны однозначных определений, мало относящихся к филологии: «негенитальная образность», «недифференцированный эротизм», «эрогенная зона».

Леонора посвятила много лет изучению творчества ла Мотт, которую феминистки считали женщиной нетрадиционной сексуальной ориентации, и анализировала ее произведения в таком контексте. Но, по иронии судьбы, жертвами которой стали все исследователи в романе, в ходе филологического расследования выяснилось, что Ла Мотт была в чувственно-поэтических отношениях с мужчиной.

Е. В. Зброжек, рассматривающий викторианство в контексте культуры современности, отмечает, что «в это время именно в Великобритании зарождается феминистское движение, а женский образ жизни становится одной из наиболее острых проблем той эпохи» [35]. Желание женщин XIX в. (в романе – Кристabelle и Бланш) жить и творить, не позволяя вмешиваться внешним обстоятельствам, превращается у последующего поколения в навязчивую идею о равноправии полов. И это оказывает влияние даже на науку, например литературоведческие исследования Стерн перерастают в банальные и ложные биографии поэтов прошлого столетия.

Если в образе Леоноры А. Байетт разоблачает несостоятельность феминистских взглядов, то Фергус Вулфф в романе – это пародия на теоретиков-деконструктивистов. «Дитя шестидесятых» [36], он занимается литературой, объясняя все с помощью «текстуальности и сексуальности» [37]. Об этом же говорят названия его работ – таких, как «Сексуально активный кастрат: эгофаллоцентрическая структурация гермафродитических персонажей Бальзака» [38]. Бейли во время романа с Вулффом было нелегко, потому что тот зачастую начинал вести себя слишком вызывающе: «...он с утра пораньше цитировал Фрейда. “Анализ конечный и бесконечный”, вставал очень рано. Встанет и начнет гарцевать по квартире – нагишом – и выкрикивать длинные цитаты» [39].

Объектом иронии А. Байетт становятся не только литературоведы, но и современные аристократы – в лице, например, Джорджа Бейли, родственника Кристabelle, о котором говорят, что он «нелюдим» [40], «речь его напоминала отрывистый лай» [41]. Писательница иронична по отношению к своему персонажу потому, что он потерял внутреннюю связь с родственниками, в нем отсутствует почтительность не только к современникам, но и к своим предкам: о Кристabelle он отзывается как о «блажной сказочнице» [42]. Личная переписка ла Мотт представляет для него только материальную ценность, но никак не культурную. Поэтому при первой встрече с ним в душе у Роланда, человека далеко не аристократического происхождения, «шевелинулась глухая сословная неприязнь: на всем облике сэра Джорджа лежал отпечаток его касты, доведенный до карикатурности» [43].

Иначе изображены в романе Мод и Роланд. Митчелл с первых страниц романа предстает как скромный и не слишком одаренный исследователь, которому из-за отсутствия денег приходится жить в плохих условиях: «...через некоторое время они заметили на потолке в кухне и в ванной сырые пятна. Роланд потрогал их пальцем, понюхал его и уловил отчетливый запах кошачьей мочи» [44]. И все это происходит именно в доме «викторианских времен» [45]: комичная деталь о загаженном кошками потолке ведет к трагическому выводу об отсутствии связи между прошлым и настоящим.

Если Роланд становится жертвой жизненных обстоятельств, то Мод – тех взглядов, носителем которых она сама является. Трагикомично показано ее отношение к работе: «Мод на всякую угрозу душевному спокойствию отвечала тем, что принималась работать еще четче. Схватить – систематизировать – разобраться» [46].

Но Митчелл и Бейли только внешне принадлежат к XX в. Работая над письмами викторианцев, духовно они становятся близки их эпохе. Мод пересматривает свои взгляды и отходит от феминистских идей: «...иногда я жалею, что не подалась в геологию» [47]. Перед исследователем вдруг обнажается все несовершенство современников: «...вспомнилась иступленность Леоноры, ерничество Фергуса, вся направленность и пафос литературоведения XX века» [48]. Мод обращается к девятнадцатому столетию еще и потому, что для нее, в отличие от сэра Джорджа Бейли, сохранилась связь времен. Она хорошо знает историю своей семьи и ценит предков, не расстается с брошью, которую называет семейным достоянием. К тому же в конце романа раскрывается, что Кристабель – родственница Бейли, и их внешнее сходство сразу становится объяснимым.

Роланд же оказывается близок викторианской эпохе тогда, когда вдруг находит в себе поэтический дар: «...слова являлись из неведомого колодца в душе; те списки, что заносил он давеча на бумагу, превратились в стихи» [49]. Вчерашний исследователь сам становится творцом, происходит эволюция героя в духе романа воспитания.

Роланд и Мод делают вывод: настоящее поколение нездорово, оно потеряло чувство связи времен и во главу ставит преходящие ценности. Е. В. Зброжек отмечает, что в XIX в. «слово “любовь” табуировалось полностью» [50]. Согласно А. Байетт, эта установка повторилась и в следующем столетии. Ее герои с грустью и иронией говорят о действительности: «Мы никогда не произносим слово “Любовь” – в самом понятии нам чудится некое сомнительное идейное построение» [51].

Игра между писателем, героями и читателем, существующая на уровне сопоставления прошлого и настоящего, проявляется и в последней главе романа «Постскрипtum». История о встрече Падуба с дочерью, рассказанная здесь, остается неизвестной и литературоведам, и Кристабель. А. Байетт проводит идею о том, что прошлое нельзя постичь до конца, к объективной истине можно только приблизиться. Ирония в финале романа не явна, но, тем не менее, очевидна: история непостижима, какие бы научные теории к ней ни применяли.

Таким образом, в романе «Обладать» А. С. Байетт использует иронию не для ниспровержения предшествующей эпохи и выступает не как представительница XX в., а, скорее, как «постмодернистская викторианка». Герои-литературоведы в романе – карикатурные персонажи, жизни которых тесно переплелись с объектами их изучения. Однако все исследователи – жертвы иронии судьбы: их литературоведческие труды основаны на ложных представлениях о XIX в., а потому не имеют ценности. Конфликтные отношения между учеными противопоставлены викторианскому миру, где царствовали взаимоуважение и дружелюбие. А. С. Байетт ностальгирует по прошедшему столетию и с обеспокоенностью смотрит на современность. Выход из сложившегося кризиса писательница видит в создании гуманного и внимательного к окружающему пространству общества. Так, Роланд и Мод, чья история развивается параллельно линии поэтов XIX в., проходят путь эволюции. И он, как это ни парадоксально, ведет не от настоящего к будущему, а от современности к прошлому. Именно викторианская эпоха становится для них, как и для самой А. Байетт, эталоном человеческих отношений, где любовь и творчество важнее всего остального.

Примечания

1. *Скоруходько Ю. С.* Особенности развития английского неовикторианского романа // Вопросы русской литературы: межвуз. науч. сб. Симферополь, 2012. С. 198.
2. *Bertoldi A.* “Literary Critics Make Natural Detectives”? Intertextuality and Intratextuality in A. S. Byatt’s *Possession*: corso di Laurea in Lingue e Letterature Straniere. Padova, 2011/2012. P. 114.
3. *Ibid.* P. 23.
4. *Birrer D. A.* Metacritical fictions: post-war literature meets academic culture : a dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philosophy. Washington, 2001. P. 36.
5. *Franken Ch.* A. S. Byatt: art, authorship, creativity. New York: Palgrave Macmillan, 2001. Pp. 89–90.
6. *Ibid.* P. 91.
7. *Ibid.*
8. *Ibid.*
9. *Polvinen M.* Habitable worlds and literary voices: A. S. Byatt’s “*Possession*” as self-conscious realism [Electronic resource] // The Electronic Journal of the Department of English at the University of Helsinki. 2004. Vol. 3. URL: <http://blogs.helsinki.fi/hes-eng/volumes/volume-3-special-issue-on-literary-studies/habitable-worlds-and-literary-voices-as-byatts-possession-as-self-conscious-realism-merja-polvinen>, свободный.
10. *Byatt A. S.* On histories and stories: selected essays. London: Chatto & Windus, 2000. P. 45.
11. *Williamson A.* “The dead man touch’d me from the past”: reading as mourning, mourning as reading in A. S. Byatt’s “*The Conjugal Angel*” // *Neo-victorian studies*. Swansea, 2008. Vol. 1:1. P. 132.
12. *Толстых О. А.* Английский постмодернистский роман конца XX века и викторианская литература: интертекстуальный диалог (на материале романов А. С. Байетт и Д. Лоджа): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. С. 13.

13. *Гребенчук Я. С.* Проблема «филологического романа» в английской литературе («Попугай Флора» Дж. Барнса, «Чаттертон» П. Акройда, «Одержимость» А. Байетт): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. С. 66–67.
14. *Стовба А. С.* Жанровое своеобразие и традиции развития английского постмодернистского романа к XX – н. XXI в. // Вестник Харьковского государственного университета. 2013. № 1048. Сер.: Филология. Вып. 67. URL: <http://dspace.univer.kharkov.ua/bitstream/123456789/8523/2/Stovba20A.pdf>, свободный.
15. *Антонова Н. А.* Полистилистика романа А. С. Байетт «Обладание»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. С. 18.
16. *Эко У.* Заметки на полях «Имени розы» / пер. с итал. Е. Костюкович. СПб.: Симпозиум, 2007. С. 77.
17. Там же. С. 78.
18. *Шпагин П. И.* Ирония // Краткая литературная энциклопедия. URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/default.asp>, свободный.
19. *Можейко М. А.* Ирония // Новейший философский словарь. URL: <http://www.philosophi-terms.ru/word/8F>, свободный.
20. *Рымарь Н. Т.* Ирония и мимезис: к проблеме художественного языка XX века // Ирония и пародия: межвуз. сб. науч. статей. Самара, 2004. С. 4.
21. *Байетт А.* Обладать / пер. с англ. В. К. Ланчикова, Д. В. Псурцева. М.: Гелеос, 2004. С. 42.
22. Там же. С. 43.
23. Там же. С. 273.
24. Там же. С. 314.
25. Там же. С. 315.
26. Там же. С. 316.
27. *Зброжек Е. В.* Викторианство в контексте культуры современности // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 35. С. 33.
28. *Байетт А.* Указ. соч. С. 137.
29. Там же. С. 126.
30. Там же. С. 125.
31. Там же. С. 143.
32. Там же. С. 148.
33. Там же. С. 320.
34. Там же. С. 306.
35. *Зброжек Е. В.* Указ. соч. С. 40.
36. *Байетт А.* Указ. соч. С. 46.
37. Там же. С. 49.
38. Там же. С. 77.
39. Там же. С. 343–344.
40. Там же. С. 75.
41. Там же. С. 97.
42. Там же. С. 102.
43. Там же. С. 97–98.
44. Там же. С. 31.
45. Там же. С. 18.
46. Там же. С. 170.
47. Там же. С. 281.
48. Там же.
49. Там же. С. 593.
50. *Зброжек Е. В.* Указ. соч. С. 42.
51. *Байетт А.* Указ. соч. С. 338.

Notes

1. *Skorokhod'ko, Yu. S.* Osobennosti razvitiya angliyskogo neoviktorsanskogo romana [Features of development of the English neo-Victorian novel] // Voprosy russkoy literatury [Questions of Russian literature]. Simferopol', 2012. P. 198.
2. *Bertoldi, A.* "Literary Critics Make Natural Detectives"? Intertextuality and Intratextuality in A. S. Byatt's *Possession*: corso di Laurea in Lingue e Letterature Straniere. Padova, 2011/2012. P. 114.
3. Ibid. P. 23.
4. *Birrer, D. A.* Metacritical fictions: post-war literature meets academic culture : a dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philosophy. Washington, 2001. P. 36.
5. *Franken, Ch. A. S.* Byatt: art, authorship, creativity. New York : Palgrave Macmillan, 2001. Pp. 89–90.
6. Ibid. P. 91.
7. Ibid.
8. Ibid.
9. *Polvinen, M.* Habitable worlds and literary voices: A. S. Byatt's "Possession" as self-conscious realism [Electronic resource] // The Electronic Journal of the Department of English at the University of Helsinki. 2004.

- Volume 3. URL: <http://blogs.helsinki.fi/hes-eng/volumes/volume-3-special-issue-on-literary-studies/habitable-worlds-and-literary-voices-as-byatts-possession-as-self-conscious-realism-merja-polvinen>, free.
10. *Byatt, A. S.* On histories and stories: selected essays. London : Chatto & Windus, 2000. P. 45.
 11. *Williamson, A.* "The dead man touch'd me from the past": reading as mourning, mourning as reading in A. S. Byatt's "The Conjugal Angel" // Neo-victorian studies. Swansea, 2008. Volume 1:1. P. 132.
 12. *Tolstykh, O. A.* Angliyskiy postmodernistskiy roman kontsa XX veka i viktorianskaya literatura: intertekstual'nyy dialog (na materiale romanov A. S. Bayett i D. Lodzha) [English postmodernist novel of the end of the XX century and Victorian literature: intertextual dialogue (on the material of novels by A. S. Byatt and by D. Lodge)] : avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2008. P. 13.
 13. *Grebenchuk, Ya. S.* Problema "filologicheskogo romana" v angliyskoy literature ("Popugay Flobera" Dzh. Barnsa, "Chatterton" P. Akroyda, "Oderzhimost" A. Bayett) [The problem of philological novel in English literature ("Flaubert's Parrot" by J. Barnes, "Chatterton" by P. Ackroyd, "Possession" by A. Byatt)] : dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2008. Pp. 66–67.
 14. *Stovba, A. S.* Zhanrovoe svoeobrazie i traditsii razvitiya angliyskogo postmodernistskogo romana k. XX – n. XXI v. [Genre specific and main tendencies of the English postmodernist novel of the XX–XXI century] [Electronic resource] // Vestnik Khar'kovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Kharkov State University]. 2013. № 1048. Ser.: Philology. Vol. 67. URL: <http://dspace.univer.kharkov.ua/bitstream/123456789/8523/2/Stovba%20A.%20A.pdf>, free.
 15. *Antonova, N. A.* Polistilistika romana A. S. Bayett "Obladanie" [The polystylistics of the A. S. Byatt's novel "Possession"] : avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2008. P. 18.
 16. *Eko, U.* Zametki na polyakh "Imeni rozy" [Postscript to "The Name of the rose"] / per. s ital. E. Kostyukovich. Saint Petersburg : Simpozium, 2007. P. 77.
 17. *Ibid.* P. 78.
 18. *Shpagin, P. I.* Ironiya [Irony] [Electronic resource] // Kratkaya literaturnaya entsiklopediya [Short literary encyclopedia]. URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/default.asp>, free.
 19. *Mozheyko, M. A.* Ironiya [Irony] [Electronic resource] // Noveyshiy filosofskiy slovar' [The latest philosophical dictionary]. URL: <http://www.philosophi-terms.ru> free.
 20. *Rymar', N. T.* Ironiya i mimezis: k probleme khudozhestvennogo yazyka XX veka [Irony and mimesis: to a problem of art language of the XX century] // Ironiya i parodiya [Irony and parody]. Samara, 2004. P. 4.
 21. *Bayett, A.* Obladat' [Possession] / per. s angl. V. K. Lanchikova, D. V. Psurtseva. Moscow : Geleos, 2004. P. 42.
 22. *Ibid.* P. 43.
 23. *Ibid.* P. 273.
 24. *Ibid.* P. 314.
 25. *Ibid.* P. 315.
 26. *Ibid.* P. 316.
 27. *Zbrozhek, E. V.* Viktorianstvo v kontekste kul'tury sovremennosti [Victorianism in the context of the culture of contemporaneity] // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta [The News of the Ural State University]. 2005. № 35. P. 33.
 28. *Bayett, A.* Op. cit. P. 137.
 29. *Ibid.* P. 126.
 30. *Ibid.* P. 125.
 31. *Ibid.* P. 143.
 32. *Ibid.* P. 148.
 33. *Ibid.* P. 320.
 34. *Ibid.* P. 306.
 35. *Zbrozhek, E. V.* Op. cit. P. 40.
 36. *Bayett, A.* Op. cit. P. 46.
 37. *Ibid.* P. 49.
 38. *Ibid.* P. 77.
 39. *Ibid.* Pp. 343–344.
 40. *Ibid.* P. 75.
 41. *Ibid.* P. 97.
 42. *Ibid.* P. 102.
 43. *Ibid.* Pp. 97–98.
 44. *Ibid.* P. 31.
 45. *Ibid.* P. 18.
 46. *Ibid.* P. 170.
 47. *Ibid.* P. 281.
 48. *Ibid.*
 49. *Ibid.* P. 593.
 50. *Zbrozhek, E. V.* Op. cit. P. 42.
 51. *Bayett, A.* Op. cit. P. 338.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАЙБОРОДОВ Алексей Юрьевич – доцент кафедры философии, Пермская государственная сельскохозяйственная академия им. академика Д. Н. Прянишникова. 614990, г. Пермь, ул. Петропавловская, 23.

E-mail: baiborodovun@gmail.com

ВОРОНУШКИНА Олеся Владимировна – кандидат филологических наук, докторант, доцент кафедры иностранных языков, Алтайский государственный педагогический университет. 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55.

E-mail: mf-lya@altspu.ru).

ЕГОРОВА Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания, Армавирский государственный педагогический университет. 352900, г. Армавир, ул. Розы Люксембург, 159.

E-mail: Olga-nik06@mail.ru

ЕМЕЛЬЯНОВ Евгений Павлович – аспирант, Институт истории и археологии УрО РАН. 620049, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16.

E-mail: sverdlovsk89@mail.ru

ЕРМОЛИНА Лидия Анатольевна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии, Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана. 105005, Москва, 2-я Бауманская ул., 5, стр. 1.

E-mail: 7144904@mail.ru

ЗАДВОРНОВ Андрей Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Набережночелнинский институт Казанского федерального университета. 423810, Республика Татарстан, г. Набережные Челны, пр-т Мира, 68/19 (1/18)

ЗАЙЦЕВА Юлия Владимировна – студентка V курса историко-филологического факультета, Арзамасский филиал Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 607220, г. Арзамас, ул. К. Маркса, 36.

E-mail: yulua.zaitseva@yandex.ru

ЛЕВЧЕНКО Максим Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, Набережночелнинский филиал Казанского (Приволжского) федерального университета. 423812, Республика Татарстан, г. Набережные Челны, д. 68/19 (1/18).

E-mail: minos201200@mail.ru

МАКЕЕВА Екатерина Дмитриевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры физики и методики обучения, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. 443090, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67.

E-mail: katrin0509@mail.ru

МАМЕДОВА Эльмира Галасы кызы – преподаватель английского языка, Бакинский медицинский колледж № 1, аспирант, Бакинский государственный университет Азербайджана. AZ1065, Азербайджан, г. Баку, ул. Багировой Басти, 13.

E-mail: podckolzin@gmail.com

МИХАЙЛОВА Наталия Викторовна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники. 220013, г. Минск, ул. Петруся Бровки, 6.

E-mail: michailova_mshrc@mail.ru

Сведения об авторах

ПАВЛОВСКАЯ Ольга Виленовна – доцент кафедры философии, Тюменский государственный университет. 625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10.

E-mail: neydacha@yandex.ru

ПАВЛОВСКИЙ Алексей Игоревич – доцент кафедры философии, Тюменский государственный университет. 625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10.

E-mail: tiranosawr@yandex.ru.

СУСЛОВ Алексей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Казанский национальный исследовательский технологический университет. 420015, г. Казань, ул. К. Маркса, 68.

E-mail: plusha131333@yandex.ru

СУСЛОВА Светлана Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, практики и методики преподавания английского языка, Арзамасский филиал Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 607220, г. Арзамас, ул. К. Маркса, 36.

E-mail: suslova_s_s@mail.ru

УРМАНЧЕЕВА Ирина Серафимовна – доцент кафедры филологического образования, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина. 167000, г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, 55.

E-mail: isurman@rambler.ru

ХАПЧАЕВ Исмаил Абуевич – доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных, социальных, экономических и прикладных правовых дисциплин, Северо-Кавказский юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия». 369000, г. Черкесск, ул. Кооперативная 15/4.

E-mail: khasfotia@mail.ru

ШАГДАРОВА Дарима Лубсандоржиевна – доктор филологических наук, доцент кафедры филологии и методики преподавания, Бурятский государственный университет. 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а.

E-mail: smih1@mail.ru

ШУШПАНОВА Мария Алексеевна – аспирант кафедры зарубежной литературы и художественной культуры, Башкирский государственный университет. 450074, г. Уфа, ул. З. Валиди, 32.

E-mail: mariya-shush@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

BAIBORODOV Alexey Yurievich – Associate Professor of the Department of Philosophy of Perm State Agricultural Academy named after academician D. N. Pryanishnikov. 23 Petropavlovskaya str., 614990, Perm.

E-mail: baiborodovun@gmail.com

VORONUSHKINA Olesya Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, Doctoral Candidate, Associate Professor of foreign languages Department of Altai State Pedagogical University. 55 Molodezhnaya str., 656031, Barnaul.

E-mail: mf-iya@altspu.ru

EGOROVA, Olga Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of foreign languages and methods of their teaching of Armavir State Pedagogical University. 159 Rosa Luxemburg str., 352900 Armavir.

E-mail: Olga-nik06@mail.ru

EMELYANOV Evgeny Pavlovich – postgraduate student, Institute of History and Archaeology of Ural branch of Russian Academy of Sciences. 16 Sofiya Kovalevskaya str., 620049, Yekaterinburg.

E-mail: sverdlovsk89@mail.ru

ERMOLINA Lydia Anatolyevna – Candidate of Philosophical Sciences, senior lecturer of the Department of Philosophy of Moscow State Technical University named after N. E. Bauman. 5, bld.1, 2nd Baumanskaya str., 105005, Moscow.

E-mail: 7144904@mail.ru

ZADVORNOV Andrei Nikolaevich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of social sciences and Humanities of Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University. 68/19 (1/18) Mira Ave., 423810, Naberezhnye Chelny.

ZAITSEVA Julia Vladimirovna – 5th year student of the Historical-Philological Faculty of the Arzamas branch of Nizhny Novgorod University named after N. Lobachevsky. 36 K. Marx str., 607220, Arzamas.

E-mail: yulua.zaitseva@yandex.ru

LEVCHENKO Maxim Vladimirovich – candidate of historical Sciences, associate Professor Naberezhnye Chelny branch of Kazan (Volga region) Federal University. 423812, Republic of Tatarstan, Naberezhnye Chelny., 68/19 (1/18).

E-mail: minos201200@mail.ru

MAKEEVA Ekaterina Dmitrievna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Physics and methods of teaching of Volga State Socio-humanitarian Academy. 65/67 M. Gorky str., 443090, Samara.

E-mail: katrin0509@mail.ru

MAMEDOVA Elmira Galasy kizi – teacher of English language of Baku Medical College № 1, postgraduate student of Baku State University of Azerbaijan. 13 Bagirova Basti str., AZ1065, Azerbaijan, Baku.

E-mail: podckolzin@gmail.com

MIKHAYLOVA Natalia Viktorovna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Philosophy Department of Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics. 6 Petrus Brovka str., 220013, Minsk, Republic of Belarus.

E-mail: michailova_mshrc@mail.ru

PAVLOVSKAYA Olga Vilanova – Associate Professor of Philosophy Department of Tyumen State University. 10 Semakov str., 625003, Tyumen.
E-mail: neydacha@yandex.ru

PAVLOVSKII Aleksei Igorevich – Associate Professor of Philosophy Department of Tyumen State University. 10 Semakov str., 625003, Tyumen.
E-mail: tiranosawr@yandex.ru.

SUSLOV Aleksei Yur'evich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of humanitarian disciplines of the Kazan National Research Technological University. 68 K. Marx str., 420015, Kazan.
E-mail: plusha131333@yandex.ru

SUSLOVA Svetlana Sergeevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of theory, practice and methods of English language teaching of Arzamas branch of Nizhny Novgorod University named after N. Lobachevsky. 36 K. Marx str., 607220, Arzamas.
E-mail: suslova_s_s@mail.ru

URMANCHEEVA Irina Serafimovna – Associate Professor of the Department of philological education of Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin. 55 Oktyabrsiy Ave., 167000, Syktyvkar.
E-mail: isurman@rambler.ru

HAPCHAEV Ismail Abuevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of humanitarian, social, economic and applied legal disciplines of North Caucasian Law Institute (branch) FSBEI HPE "Saratov State Law Academy". 15/4 Kooperativnaya str., 369000, Cherkessk.
E-mail: khasfotia@mail.ru

SHAGDUROVA Darima Lubsandorzhiyevna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Philology and methods of teaching of Buryat State University. 24A Smolin str., 670000, Ulan-Ude, Republic of Buryatia.
E-mail: smih1@mail.ru

SHUSHPANOVA Maria Alekseevna – postgraduate student of the Department of foreign literature and art culture of the Bashkir State University. 32 Z. Validi str., 450074, Ufa, Republic of Bashkortostan.
E-mail: mariya-shush@yandex.ru

Научный журнал № 4 (2016)

Подписано в печать 30.04.2016 г.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,, 0 Тираж 1000. Заказ № 65.

Научное издательство Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36